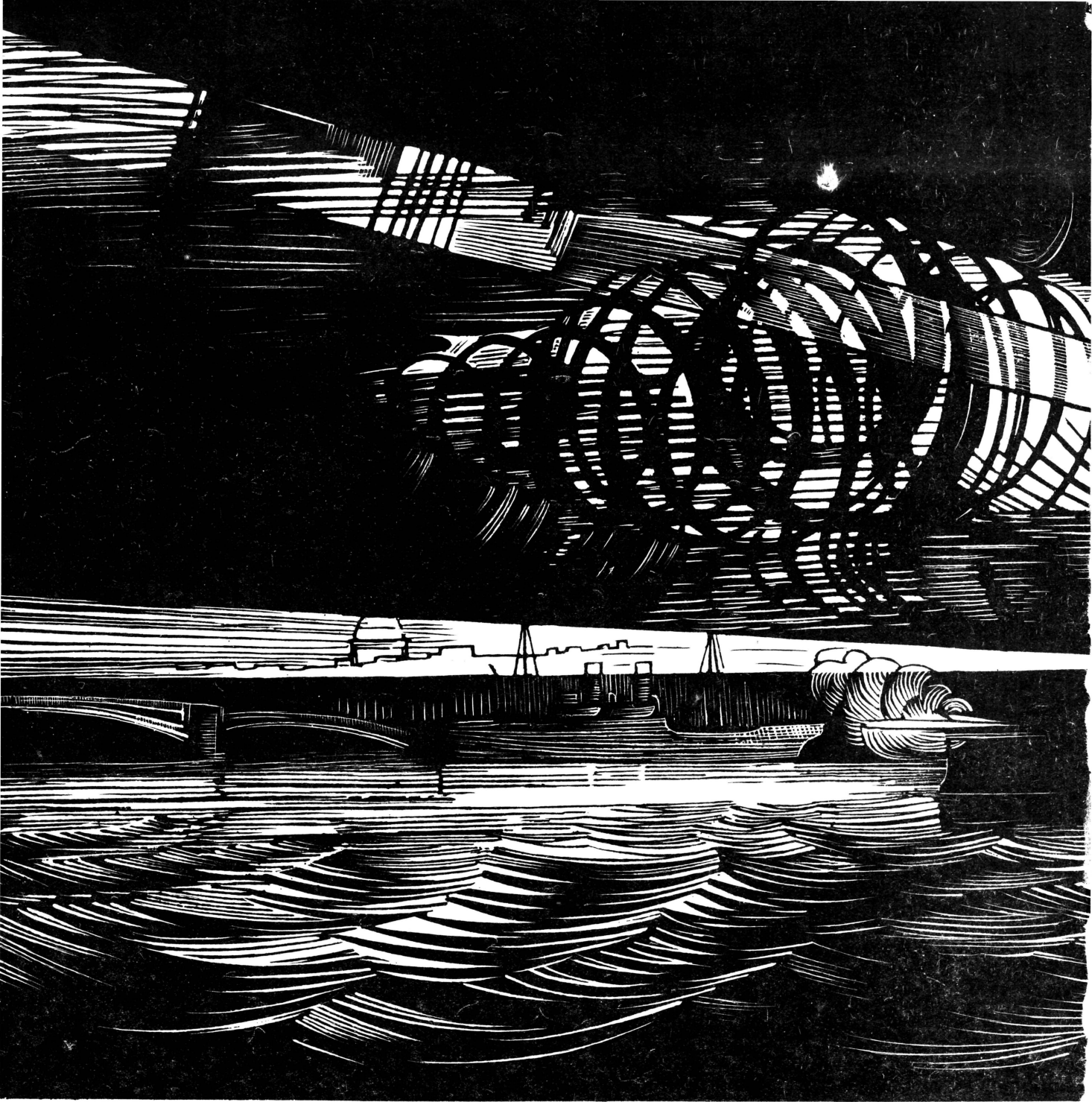

ВОКРУГ **СВЕТА**

10 1967
ОКТАБРЬ

«АВРОРА». Гравюра Н. КУПРЕЯНОВА

ВЫСОКО ПОДНЯВ НАД МИРОМ ЗАЖЖЕН-
НЫЙ ВЕЛИКИМ ОКТЯБРЕМ ФАКЕЛ СОЦИА-
ЛИЗМА, СОВЕТСКИЙ НАРОД, ЛЕНИНСКАЯ
ПАРТИЯ ОТКРЫЛИ НОВУЮ ЭПОХУ ВСЕМИР-
НОЙ ИСТОРИИ. СОЦИАЛИЗМ, ПРЕВРАТИВ-
ШИЙСЯ В XIX ВЕКЕ ИЗ МЕЧТЫ В НАУКУ,

**В XX СТОЛЕТИИ С ПОБЕДОЙ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ СТАЛ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИ-
ТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ МИЛЛИОННЫХ МАСС ТРУДЯЩИХСЯ.**

**МЫ НА ВЕРНОМ ПУТИ К ЦЕЛИ—ПОСТРОЕНИЮ КОММУНИЗ-
МА, ПОДГОТОВЛЕННОМУ ВСЕМ ПОЛУВЕКОВЫМ РАЗВИТИЕМ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА.**

**Из Тезисов ЦК КПСС „50 лет Великой
Октябрьской социалистической революции“.**

“ЭТО ВРЕМЯ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

*Это время гудит
телеграфной струной,
это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем.*

В. Маяковский

А прожил в этом городе всю жизнь. Я хорошо помню дореволюционный Петроград и Петроград в дни революции и гражданской войны, когда рабочие и красноармейцы, я в том числе, защищали город от Юденича.

Темной апрельской ночью 1917 года в Питер приехал Владимир Ильич. Он увидел площадь перед Финляндским вокзалом, переполненную рабочими, солдатами и матросами, увидел знамена, плакаты с боевыми лозунгами и ощутил своим не ошибающимся никогда чувством реального, что это непобедимая сила, полная решимости бороться за победу окончательную и бесповоротную.

Ленин поднялся на броневик. Ему был виден весенний город, взволнованное море людей, ему было видно настоящее и будущее. Ленин закончил свою речь словами: «Да здравствует социалистическая революция!» И народ подхватил их — далеко прокатился гул возгласов и приветствий.

И дальше было шествие, каких не знал старый Петербург.

Окруженный отрядами солдат и рабочих, шел броневик Ленина. За броневиком двигались машины, переполненные людьми. За ними шли рабочие колонны. Блистали фонари, факелы, прожекторы. Из тьмы выступали лица, на которых можно было прочесть отважную уверенность, беспощадность к врагам революции, восторг, суровую нежность людей, охра-

ВЗЯТИЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА.

Гравюра М. ФРАМА

Я вспоминаю, как после разрухи, после трудных лет гражданской войны вновь задымили над городом трубы заводов и побежали по Неве пароходы, подвозя им сырье, и питерские рабочие не отходили от станков, выполняя заказы первенца социалистических строек — Волховской ГЭС.

Я могу закрыть глаза — и передо мной возникнет угол Невского и Дворцовой площади, где помещалась редакция военной газеты и куда мы пробирались под фашистским артобстрелом, под шелестящим свистом снарядов, прижимаясь к «безопасной» стороне улицы...

Я снова иду по Невскому. Он светел днем и залит огнями вечером... И я думаю о том, что свершилось в этом городе полвека назад.

няющих самое для них дорогое. Во всем этом шествии, в поступи многих тысяч, в тяжелом шуме их ног, в говоре, напоминавшем шум большого, потребованного леса, в песнях, которые вспыхивали, подобно тем факелам, что освещали идущих, было нечто от эпических времен, когда слово «народ» не требует уточнений. Одно дыхание, одна мысль, одно чувство владели массой, двигавшейся через город. Радость жила в каждом, кто приветствовал начало новых дней, а тревожное волнение росло потому, что было ясно: понадобятся новые решающие бои...

Двадцать пятого октября (седьмого ноября по новому стилю) в Петрограде свершилось событие мировой важности — Великая Октябрьская социалистическая революция.

«...Цепи с каждым часом все ближе и ближе подходили к площади Зимнего дворца и становились все гуще и гуще. Везде было напряжение и ожидания великой минуты штурма.

...Несколько гранат разорвалось в коридорах Зимнего. Матросы, красногвардейцы, солдаты под пулеметную перекрещивающуюся трескотню перелетали через баррикады у Зимнего, смяли их защитников и ворвались в ворота Зимнего. Двор занят... Летят на лестницы... На ступенях схватываются с юнкерами... Опрокидывают их... Взламывают двери запертых комнат. Вот они подбегают к двери, у которой на карауле стоят окостеневшие от ужаса, скончанные долгом юнкера.

— Здесь Временное правительство!

...По коридорам несется гул негодования, злости, возмущения, крики... Арестованных ведут вниз... по двору... в ворота... через баррикады... на площадь Зимнего...» Так вспоминает исторический штурм Зимнего участник Октябрьских событий, председатель Военно-революционного комитета Н. И. Подвойский.

II съезд Советов создал первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров. Председателем первого Совнаркома был избран Ленин. С трибуны этого съезда зачитывались воззвания «Рабочим, солдатам и крестьянам» и первые советские декреты — «Декрет о мире» и «Декрет о земле».

Совнарком заседал в Смольном. В этом известном всему миру доме есть комната; небольшая и строгая, затерянная в просторах широких коридоров. В ней жил и работал Ленин. Здесь обсуждались первые декреты, отсюда по всей стране шли его мудрые распоряжения, сюда со всех концов нашего Отечества приходили ходоки, здесь говорил он с питерскими рабочими и текстильщиками Иванова, с уральскими металлургами и кавказскими горцами...

В короткие минуты отдыха Ленин, стоя у окна своей рабочей комнаты, смотря в синие дали рассвета, туда, где лежала любимая громадная страна, думал о будущем, о будущем страны, где — впервые в истории — рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки.

Ленин видел костры, которые горели во дворе Смольного, вокруг них сидели красногвардейцы. Это были костры биваков, костры будущих походов во имя Октября.

Вся контрреволюционная нечисть бросилась к городу с юга, с запада и с севера. К городу, ставшему колыбелью революции, тянули руки немецкие генералы, белогвардейские наемники, интервенты, внутренние враги.

Настали дни, полные величайшего напряжения и величайшей ответственности. Тысячи мужчин и женщин под пронизывающим дождем и ветром били лопатами промерзшую землю, день и ночь рыли окопы, до кровавых мозолей натирая руки лопатами, ставили баррикады, таская на плечах тяжелые бревна, оплетали колючей проволокой улицы, стояли за станками, шили обмундирование Красной Армии, обучались военному делу, пренебрегая сном и отдыхом, бесменно охраняли заводы и фабрики, мосты, площади и вокзалы.

Это было боевое братство трудящихся, поклявшихся победить или умереть. Они превратили город в непреступный лабиринт укреплений, и, если б враг

1967

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10
ОКТАБРЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ
ПОСВЯЩАЕТСЯ

«В КОРОТКИЕ МИНУТЫ ОТДЫХА ЛЕНИН, СТОЯ У ОКНА СВОЕЙ РАБОЧЕЙ КОМНАТЫ, СМОТЯ В СИНIE ДАЛИ РАССВЕТА, ТУДА, ГДЕ ЛЕЖАЛА ЛЮБИМАЯ ГРОМАДНАЯ СТРАНА, ДУМАЛ О БУДУЩЕМ, О БУДУЩЕМ СТРАНЫ, ГДЕ — ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ — РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ ВЗЯЛИ ВЛАСТЬ В СВОИ РУКИ».

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ — о первых днях Октябрьской революции.

«В КРОНШТАДТ НЕ ВЕРНЕМСЯ, КОЛИ МЫ ЭТОГО КОЛЧАКА НЕ РАЗГРОХАЕМ... ДАВШЬ НА КОЛЧАКА!»

«ТО БЫЛ ПЕРВЫЙ БЕРЕГ В ПЕРВОМ ДАЛЬНЕМ ПЛАВАНИИ БУДУЩИХ КАПИТАНОВ».

«ТРОЕ СУТОК ПОЛАГАЕТСЯ НА РАЗГРУЗКУ ТАКОГО ПАРОХОДА... ВМЕСТО ТРЕХ ТОЛЬКО СУТКИ РАБОТАЛИ АВРОВОЙЦЫ».

Три эпизода из революционной биографии «Авроры».

«...Я НЕВОЛЬНО СРАВНИЛ ИХ С ЛЕТЧИКАМИ, УХОДЯЩИМИ В СТРАТОСФЕРУ.

ШАХТЕРЫ УРАНОВОЙ ШАХТЫ УХОДИЛИ ПОД ЗЕМЛЮ».

Очерк о городе «мирного атома» и о людях, добывающих уран.

ПОБЕГ ИЗ ЦАРСКОЙ ССЫЛКИ
ПОДВИГ МАТРОСА
РОЖДЕНИЕ ГОРОДА
КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД ЭЛЬБРУСОМ
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ВДНХ

Пять страниц из летописи Октября.

В НАШЕЙ КАЮТ-КОМПАНИИ — люди, о которых сложены легенды, бойцы из особого партизанского отряда Д. Н. Медведева.

НА МЕРИДИАНАХ РОДИНЫ — информация, фотонovelлы, хроника.

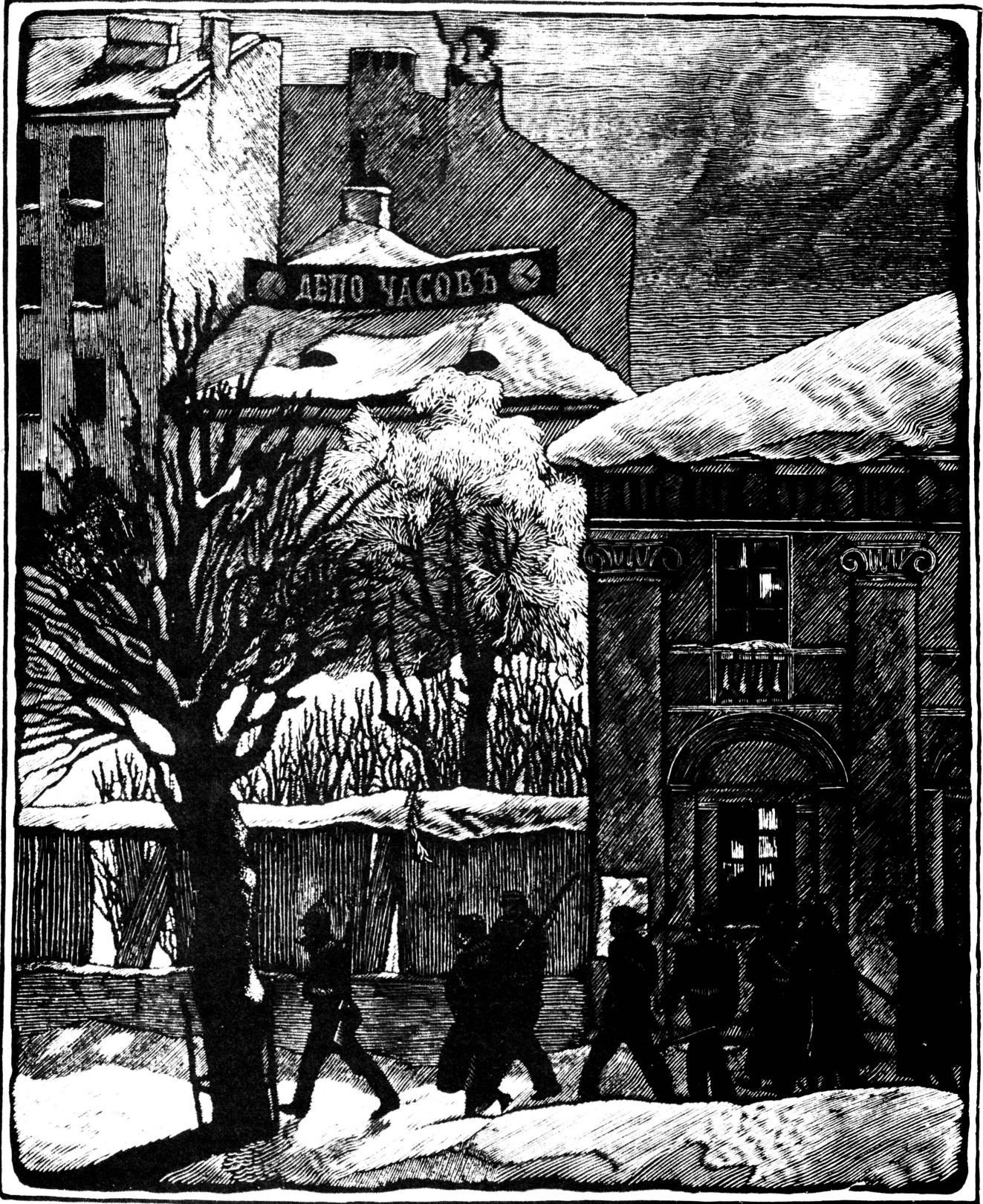
Фоторепортаж из советского павильона Всемирной выставки в Монреале.

Четыре рассказа о городах на берегах нефтяной реки «Дружба».

На первой странице обложки:
ЛЕНИН — ВОЖДЬ.

Гравюра А. ГОНЧАРОВА

СТРУНОЙ... 77

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ ПАТРУЛЬ.

Гравюра С. МОЧАЛОВА

прорвался, он нашел бы свою гибель в беспощадной уличной борьбе.

Путиловский, ныне Кировский, завод работал круглые сутки. Помимо ремонта боевых машин, помимо изготовления броневых автомобилей, орудийных площадок, рабочие делали орудия и бронепоезда. Они дрались на передовых и снова возвращались на завод.

Когда Юденич вторично двинулся на город и на подступах к нему разыгрались жестокие, упорные бои, тысячи балтийских моряков пошли на фронт. В черном бушлате, опоясанный пулеметными лентами, с гранатами у пояса, с маузером на боку и с винтовкой в руке шел революционный моряк сквозь дым и огонь сражений, никогда не спрашивая, сколько врага, а только спрашивая, где враг.

Дважды и трижды отброшенные моряками, побитые ими, испуганные их непонятной силой, враги писали в своих газетах: «Матросы из Кронштадта посланы по всему фронту. Бои доходят до крайнего ожесточения. В одном месте морские курсанты бросились в атаку на пулемет и подошли во весь рост на шестьдесят шагов... В другом месте они с ружьем «на руку» ожидали танк».

Стальные ряды бойцов загородили подступы к Петербургу и Кронштадту. Хотя противник, по образному выражению одного из участников обороны Петрограда, «упирался, как дуб под напором бури», но буря была сильнее. Она с корнями вырвала этот треснувший дуб и очистила путь победе. Защитники Петрограда — рабочие, красноармейцы, моряки — на суше и на море защищали великий город Революции, защищали Революцию, шагавшую по стране...

Я вспоминаю, как в осажденном Ленинграде в суровый 1942 год я готовил для бойцов альбом и книжку об этом великом городе. Маленькая, тоненькая книжка, напечатанная на газетной бумаге. Она называлась «Петроград — Ленинград». Там, на фронте, мы не могли не думать о том, что

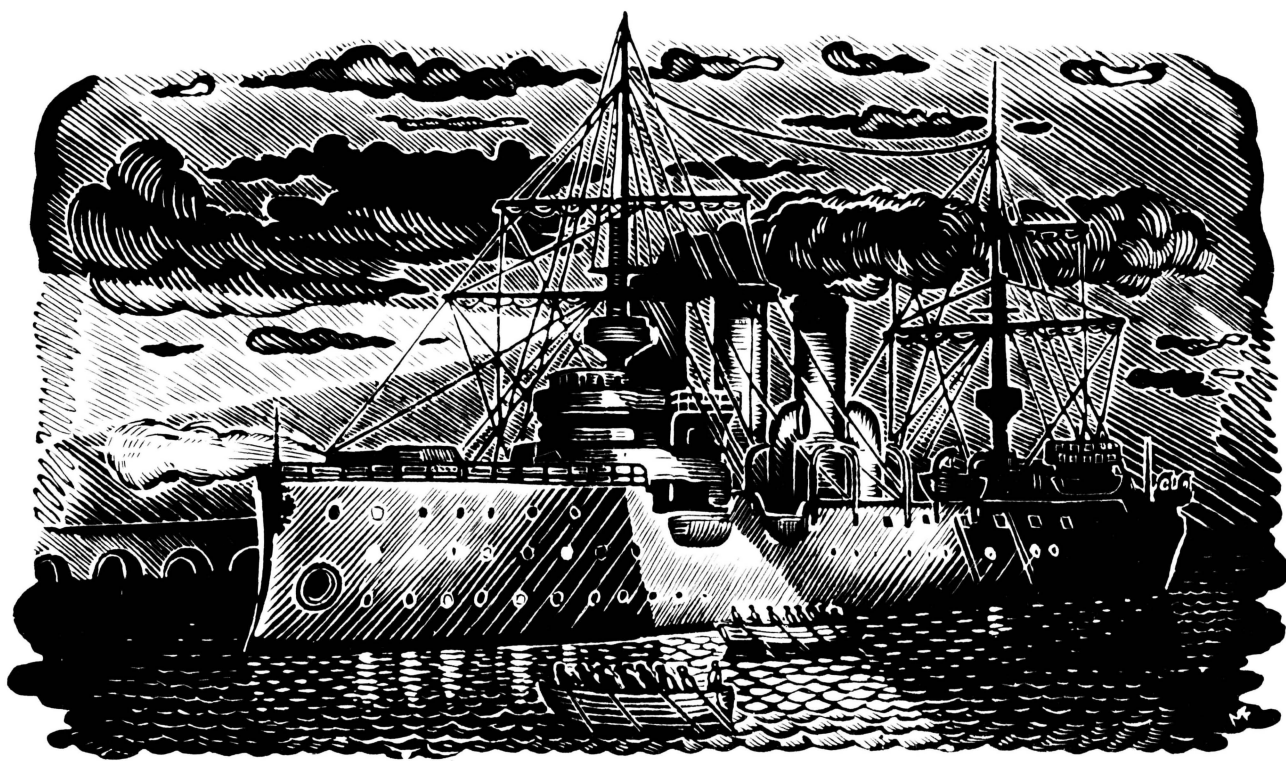
ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА В ДНИ НАСТУПЛЕНИЯ ЮДЕНИЧА.

Гравюра С. ЮДОВИНА

защищаем колыбель революции. Бойцы хотели быть достойными тех, кто отстоял красный Петроград тогда, в гражданскую.

И сейчас, рассказывая о революционном Петрограде, я снова обращаюсь к строкам из этой книжки трудных, военных лет, к строкам, которые читали перед боем, — ибо и сегодня воспоминания о тех исторических днях, которые потрясли мир, вся история Советского государства служат для нас источником силы и вдохновения. И не только для нас. Я вспоминаю летние дни этого года, когда в городе Революции встретилась молодежь ста двадцати стран, и я смог воочию убедиться, почувствовать, что значит для нее Октябрь.

Гравюра М. ФРАМА

БЫЛЪ О КРЕЙСЕРЕ «АВРОРА»

Сейчас крейсер «Аврора» стоит на вечном якорю неподалеку от места, на котором находился в день, когда солдаты революции штурмовали Зимний. «Аврора» стала символом величайшей из революций, а ее экипаж — образцом самоотверженности и стойкости.

На фронтах гражданской войны мужественные, отважные, беззаветно преданные идеям Ленина моряки с «Авроры» были примером. Лучшими из лучших в ударной работе стали они на стройках пятилеток.

Эпизоды революционной биографии «Авроры», которые мы печатаем ниже, почерпнуты из воспоминаний авроровцев, из их записок, из старых журналов и газет.

Ярко сияло весеннее солнце. Солнечные блики играли на золотых ленточках матросов, обступивших невысокую трибуну. На трибуне стоял пожилой моряк в потертой кожаной куртке и осипшим, но громким голосом произносил речь, стараясь забросить слова до самых задних рядов.

Он говорил о том, что армия белого адмирала Колчака повела новое наступление против красных

частей, что эта армия, хорошо вооруженная и имеющая около 150 тысяч солдат, идет к Волге, тесня наши части. Моряк говорил о необходимости срочно укрепить Волжскую военную флотилию, которая должна поддержать наступление Красной Армии. Он тяжело ступал по трибуне, как по мостику корабля, и взмахами револьвера прочерчивал паузы.

— Адмирал Колчак, товарищи... — разносил по площади слова еле уловимый бриз, — знаем мы этого Колчака... Помним. За что боролись? За Советы! А адмирал Колчак единую неделимую хочет. Царя Колчак хочет... К морскому подшкиперу спишем его. В Кронштадт не вернемся, коли мы этого Колчака не разгрохаем... Даешь на Колчака!

— Даешь! — рванулось по площади раскатистым орудийным залпом. — Даешь Колчака!

И очередной своднобоевой отряд Балтфлота выстраивался в колонны и шел на пристань, чтобы, перейдя на буксирах Невскую губу, погрузиться в вагоны и шумным эшелоном под рев гармошек двинуться на Волгу против Колчака, с моря на реку, с кораблей на баржи, гордо переименованные в канонерские лодки.

Матросы бдительно охраняли платформу, плотно обтянутую парусиной, под которой лежали снаряды и пушки, снятые с «Авроры».

Путь от Петрограда до Нижнего Новгорода не очень велик. Но в те годы он был утомительно долгим... В Нижнем Новгороде отряд ждали с большим нетерпением. Волжская флотилия готовилась выйти в район боевых действий и нуждалась в пополнении людьми, судами, вооружением. Суда были найдены — старые буксиры и баржи. Вооружение и людей послала Балтика.

Но чтобы сражаться, нужны были командиры. А на всю флотилию, насчитывавшую около полусотни судов, имелось меньше десяти морских специалистов, бывших офицеров.

И стали вызывать некоторых матросов, тех, кто постарше да поопытнее, в красное кирпичное здание, что стояло на горе над самой Окой. В этом здании заседала отборочная комиссия, на долю которой выпало укомплектовать красный морской комсостав.

Конфузливо подходили матросы к столу, покрытому красным флагом, и, переступая с ноги на ногу, ждали вопросов комиссии.

— Какой специальности?

— Рулевой.

— Старое звание?

— Унтер.

— Где плавали?

— На «Авроре».

— Назначаетесь судовым штурманом на второй дивизион канлодок. Направление получите через полчаса...

Уходил матрос, неожиданно ставший командиром, покусывая ус и бормоча что-то под нос о своей неопытности. Его место занимал другой...

Как огня боялись белогвардейские вояки судов Волжской флотилии. Славные страницы вписали ее матросы и командиры в историю гражданской войны, сражаясь на Волге и на Каме, поддерживая вторую, третью и пятую армию красных войск, а потом помогая сухопутным частям под Царицыном и на Каспии.

Тихим и светлым было раннее утро 15 июля 1924 года. Обычно холодно-ветренное Северное море в этот день лениво катило белесые волны. С ласковым шелестом они ощупывали борта кораблей и кружились за винтами.

Отряд входил в лабиринт фиордов. Новички — их было большинство на кораблях — притихли. Молчали и бывалые балтийцы, оглядывая незнакомый берег. Гранитные утесы его круто падали в воду. Серые скалы, казалось, глядели на советский отряд так же безразлично, как когда-то глядели они и на викингов, стоявших вдоль бортов своих ладей. В некоторых местах берега едва не сходились, словно хотели раздавить корабли. Трубы судов, палубные надстройки, стволы орудий резко отпечатывались на отвесных скалах бегущими черными тенями.

Наконец суда, еще раз развернувшись среди каменных громад, вышли на простор гавани Бью-фиорда. Огромным полем пестрых цветов открылся Берген. То был первый порт на пути двух наших кораблей — «Авроры» и «Комсомольца», шедших в свой первый заграничный поход под красным флагом. То был первый берег в первом дальнем плаваньи будущих капитанов — курсантов петроградских морских училищ.

Город сверкал красками. Пурпурные, голубые, оранжевые, палевые, фиолетовые дома, черные корабли у причалов, сейнеры, прижатые к просмоленным сходам консервных заводов, — все это надвигалось навстречу. Степенно разваливая надвое утреннюю гладь залива, советские корабли приближались к своему месту на рейде.

Залп, залп, залп... Двадцатью одним залпом салюта наций корабли приветствовали норвежцев.

Но что это? Молчат берега. Занавешены окна. Закрыты двери магазинов и кафе.

Полторы тысячи матросов двух кораблей сгрудились на баке и юте, вслушиваясь в тишину. Где-то далеко захлопала крыльями одинокая чайка... И снова настороженная тишина объяла город и корабли. Сколько времени прошло? Минута, две? Пока из

крепости нет ответных залпов, корабли не могут отдать якоря.

Но вот облачками окутались бастионы портовой крепости, и следом, откуда-то с гор, долетел до кораблей звук выстрела.

От берега отделился маленький портовый катерок. Описав круг, он ошвартовался у борта. По трапу медленно поднялись норвежцы.

Беглым взглядом окинув строй матросов, комендант крепости спросил:

— Сколько человек могут быть уволены на берег?

— Если не возражаете, тысяча матросов, — ответил капитан Лев Андреевич Поленов.

Глаза норвежца округлились. «Что станет с маленьким Бергеном!» — пропентал он.

— Не беспокойтесь, — утешил его Лев Андреевич. — Советские моряки будут самыми вежливыми гостями вашего города.

Лишь сойдя на берег, советские моряки узнали, какой сюрприз приготовили к приходу «Авроры» и «Комсомольца» бергенские буржуазные газеты и белогвардейцы, осевшие в Норвегии.

Одна из газет поместила огромную фотографию матроса в рваной тельняшке, с засученными по локоть рукавами, с татуировкой на лице и руках, бандитской физиономией, наполовину закрытой свалывшимся чубом. Газета советовала не встречаться с большевистскими матросами.

Комендант, очевидно, был впечатлительным человеком. Он постарался скорее закончить формальности и отбыть на берег.

— Приготовиться к увольнению на берег, шлюпки на воду! — раздалась команда. Сильные руки налегли на весла.

Моряки говорят, что шлюпка — визитная карточка корабля, корабль — визитная карточка страны. В этот день каждая медяшка на кораблях и одежде моряков сверкала. В этот день краснофлотцы были полпредами Советской Республики.

Чем ближе земля, тем больше шлюпок и разных суденышек. Едва матросы прыгивают на причал, как их окружают полицейские с дубинками. Лиц не видно, выражение одно: ожидание чего-то невероятного. За полицейскими спинами мечутся шпионы в котелках и с фотоаппаратами.

Моряки проходят сквозь кольцо полицейских и шпиков. Посмеиваются, шагают по пустым аккуратеньким улочкам. Окна зашторены, но из-за штот глядят во все глаза.

Часа через два на улицах появляются одиночки, потом группки норвежцев. «Год даг», — кивают головами. Наши улыбаются.

Все больше и больше народу выходит на улицы. Окружают, щупают ткань форменок. Норвежский, немецкий, английский — все языки идут в ход. Завязываются разговоры. «Ну, как там, в большевистской России?» — «Ничего, строим». — «Голодно?» — «Сейчас полегче». — «А тюрьмы у вас на корабле есть?» — «Айда, посмотришь».

Норвежец садится в шлюпку. За ним — его друзья. На корабле они удивляются надраенным до солнечного блеска медяшкам, осторожно заглядывают в трюмы и кубрики. Они, моряки, знают, где что находится. Они видят отличный боевой корабль, идеальный порядок в каютах и на палубах, пробуют наваристый флотский борщ.

Весть о первых смельчаках-посетителях разносится на берегу со скоростью молнии. И все вдруг ожило, зашевелилось многоцветной толпой. Заскользили у бортов яхты и шлюпки, полетели на палубу

крейские, пахучие цветы с норвежских гор. И от желающих посмотреть наши корабли не стало отбоя.

«Салютный залп, которым обменялись советские корабли с норвежской батареей, пробил порядочную брешь в стенах духовной темницы, воздвигнутой враждебной пропагандой», — так писала норвежская рабочая газета в дни визита.

На фиорд опускались зыбкие летние сумерки. Берген зажигал огни. Они бежали с чернеющих гор, ссыпались вниз. Винты тихо пенили воду, и по белющему следу за кормой долго еще бежала яхта — кто-то провожал наши корабли до открытого моря...

Медленно вошел в Ленинградский торговый порт иностранный «купец» — осевший по грузовую ватерлинию пароход «Карплака». Вошел и ошвартовался у стенки в ожидании разгрузки. А очередь на разгрузку была утомительно длинной. Не хватало грузчиков.

В объемистых трюмах «Карплака» лежало импортное оборудование для Нижегородского автозавода. В Нижнем ждали его с нетерпением.

Краснофлотцы обязались помочь строителям ускорить полное вступление в строй автогиганта.

Обязательство есть обязательство. Авроровцы выделили бригаду помощи заводу. Вокруг бригады вырос шефский актив.

Если заводу угрожали простои — ленинградская промышленность не успевала выполнять некоторые заказы стройки, — принималось решение:

— Предотвратить прорыв!

Вот и теперь:

— В порту?.. «Карплака»?.. Уладим!

И уладили. Семьдесят восемь краснофлотцев и командиров крейсера явились утром в порт, к борту «Карплака». Трое суток полагается на разгрузку такого парохода. Это норма, традиционная и непреложная. Но если пятилетка не ждет? Если на каждую работу смотреть как на боевую? Если на победу может рассчитывать только тот, кто командует временем?

Сутки. Вместо трех только сутки работали авроровцы, и грузовая ватерлиния «Карплака» стала удивленно выглядывать над стенкой причала.

У нижегородцев все в порядке? Где еще нужна помощь моряков? Какая стройка нуждается в поддержке сотен бойцов краснознаменной «Авроры»? Карту на стол. Глаза на Урал. Стоп! Нижний Тагил. Горят огни пятилетки. Ударная стройка Гигантский вагоностроительный завод.

Собрание личного состава крейсера вечером 27 марта 1932 года. Его постановление:

«Учитывая необходимость широкой помощи гигантскому строительству Нижнетагильского комбината, личный состав краснознаменного крейсера «Аврора» принимает на себя обязательство активно помогать стройке путем тесной связи авроровцев с предприятиями, изготовляющими оборудование для Нижнетагильского комбината, связи, направленной к скорейшему изготовлению и отправке оборудования на место стройки...»

Завод был сдан в срок.

НА МЕРИДИАНАХ РОДИНЫ

Шаги... Они нарушили тишину Саянских гор. Енисей. Карлов створ... Круты склоны. Отвесны скалы. Но твердой поступью хозяев земли идут изыскатели. Идут делать промеры, брать пробы грунта, определять режим реки... Так начинается ГЭС.

Саяны. Шушенское... Некогда здесь, в глухом краю, в ссылке находился В. И. Ленин. «Вспоминая те далекие годы, — писал Г. М. Кржижановский, — я думаю: да, есть что-то глубоко символическое в том, что именно на Енисее будет сооружаться величайшая в мире ГЭС. Здесь, на берегах великой русской реки... Ленин думал о завтрашнем дне России. И вот этот день наступил». Кржижановский писал о Красноярской ГЭС, которая уже в юбилейном году даст первый ток. Но еще более мощной, чем Красноярская, будет строящаяся Саяно-Шушенская гидроэлектростанция.

В скалах левобережья уже вырублены первоклассные шоссе, подведена железная дорога из Абакана. Поднимается домостроительный комбинат, а Майна, поселок строителей, играет красками своих разноцветных коттеджей.

Сдавили горы реку, и стала она оттого злее. 300 километров Большого каньона — 300 километров безумной пляски воды. Карлов створ. Сужение. Здесь уже начались строительные работы. И будет перекрыт Енисей, и вырастет 230-метровая плотина-гигант; 6 миллионов 300 тысяч киловатт — такова будет мощность этой гидроэлектростанции. Здесь, над Саянами, над Шушенским, встанет она и в год 1970-й, когда весь мир отметит 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, даст ток стране.

Фото В. САККА

Шаги по бескрайней тюменской тайге, по предательским топям. Ревут на подъемах, буксуют, скользят на спусках, мощные «ЗИЛы» и «Уралы». Строители прокладывают трассу...

В сентябре 1953 года, в Березово, ударил первый газовый фонтан. В апреле 1960 года в Шаиме, на реке Конда, забила первая нефть. И дальше открытие опережало открытие: в Тюменской области уже насчитывается 30 месторождений газа, 35 — нефти.

Ожила тайга. Рассыпались по ней буровые. Возникли промыслы. Но ко многим из них еще нет дорог — не успевают дороги за событиями. Да и расстояния здесь меряются сотнями, а то и тысячами километров. А чтобы проложить тракт, нужно время.

Зима 1965 года. Оборудование требует Сургут, требует Нефтеюганск. Воздухом такие грузы не доставишь. Реки скованы. Выход один — прокладывать зимник.

...До Демьянского дорога была сносной: где грунтовая, где проселочная. За Иртышом началась «дорога по бездорожью». «Люди пробивали просеки. Пускали тракторы и бульдозеры на расчистку снега. В гиблых местах устраивали гати: валили тайгу, бросали в снежные провалы стволы и ветки. На реках и речушках намораживали лед: рубили лунки, выкачивали помпами воду, затапливали ненадежный пласт водой. Через овраги и ручьи наводили мосты...» — писал один из участников этих событий.

Затем бесконечные подъемы и спуски перед Горно-Филинском. За тайгой пошло редколесье, и с ним снова топи. Потом опять леса. Наконец тайга кончилась. Обь. Переправа через реку, скованную льдом... В Сургуте дорожников и шоферов встретили с транспарантами. Так закончился один из эпизодов освоения сурового края.

Зимник проложен. Зимник длиной почти в 1000 километров.

Фото В. МИШИНА

НА МЕРИДИАНАХ РОДИНЫ

Первый шаг корабля, еще одного из многих, уже бороздящих моря под советским флагом.

Недавно министр морского флота СССР В. Бакаев писал: «Полувековая история развития морского транспорта — одна из ярких страниц в летописи свершений советского народа. Дореволюционная Россия, обладая необъятным морским побережьем, веками не могла создать собственного торгового флота и стать полноценной морской державой. Ее внешняя торговля почти полностью зависела от иностранного торгового флота, зарубежным судовладельцам ежегодно выплачивалась огромная фрахтовая дань.

Только после Великого Октября и осуществленной в невиданно короткие сроки индустриализации страны в Советском Союзе был создан мощный и технически совершенный морской торговый флот».

Херсон не только важнейший черноморский порт, но и крупный центр судостроения.

Раньше срока завершена ударная комсомольская стройка на судовой верфи Херсона: спущен на воду очередной торговый корабль. Имя его — «Октябрьская революция».

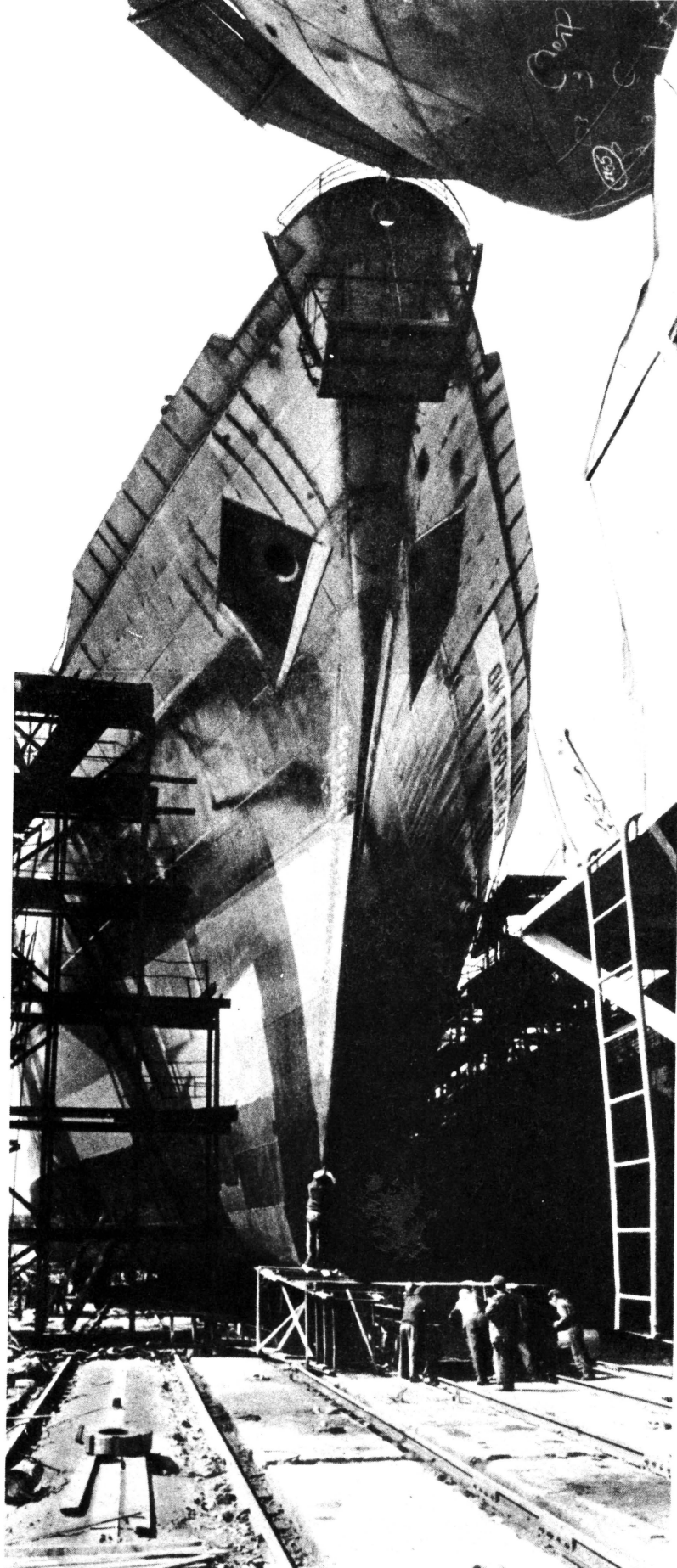

Фото В. КРУГЛИКОВА

НА МЕРИДИАНАХ РОДИНЫ

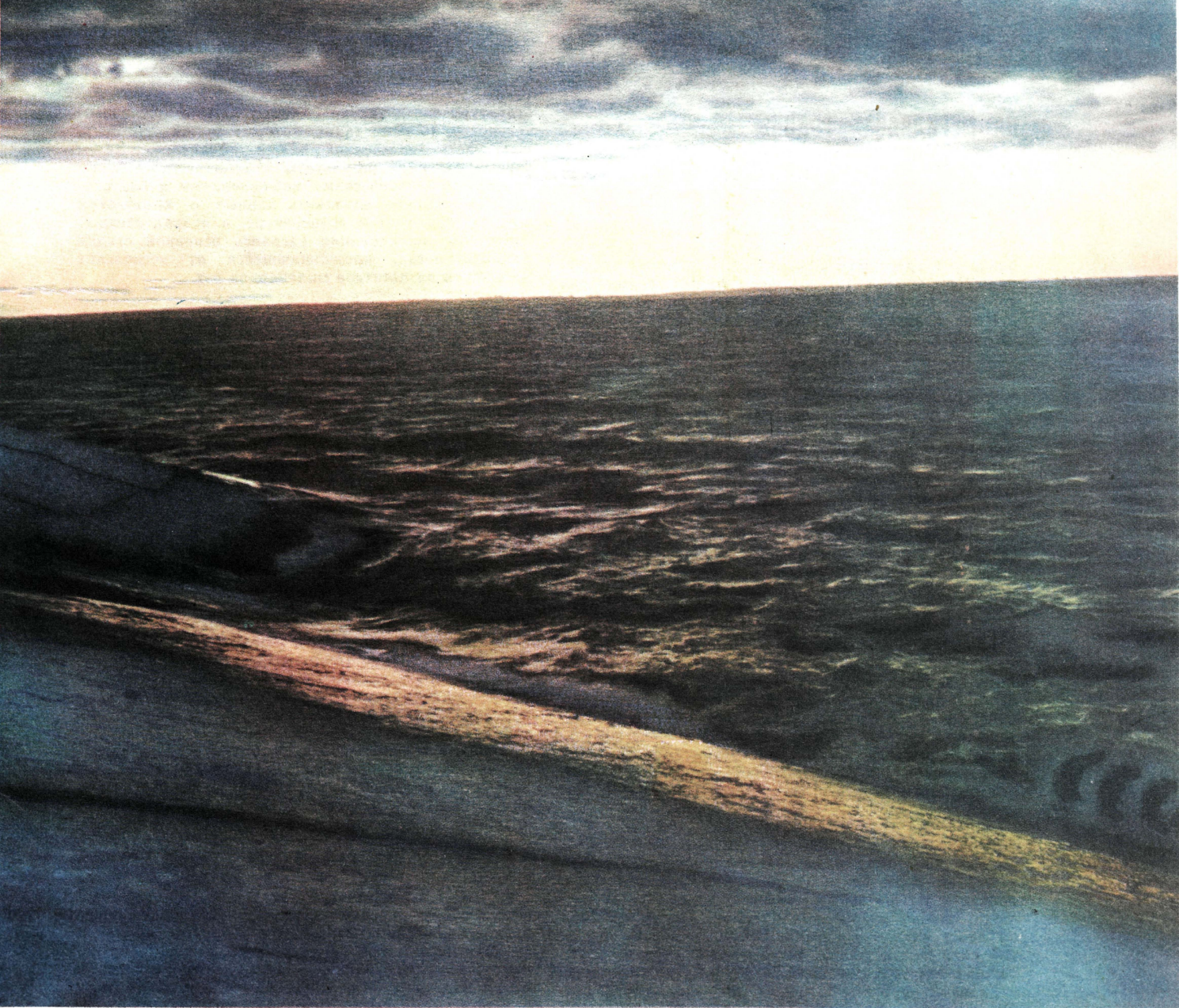
Тяжелые шаги среди звенящей тишины пустыни. Идет нефтяник-разведчик. Застыл океан песков. Каракумы — почти нетронутая нефтяная целина.

...Середина 30-х годов. Увядал Небит-Даг — истощалась нефть в старых скважинах. Многие утверждали, что нефтяная чаша Туркмении испита до конца. Однако академик И. М. Губкин еще в 1934 году добивался широкой геологической разведки Туркмении, считая, что детальные исследования «могут подарить Советскому Союзу новую нефтеносную область».

И предсказания ученого сбылись. Как капли чернил на листе бумаги, расплзаются на геологических картах темные пятна нефтеносных районов. Разрослись леса вышек Небит-Дага, все дальше в море уходят вышки Челекена. Открыты новые месторождения в барханах Котур-Тепе и Барса-Гельмеса.

...Возвращается с разведки буровик. Только что закончено разведочное бурение. Скважина дала первую нефть.

Фото А. ЛЕХМУСА

Человек пришел на берега большой реки, пришел, чтобы обновить ее. Волга... «Мели растут и в Сарепте, и в Царицыне, и в Дубовке, и в Саратове — словом, всюду, на всем протяжении, и, может быть, не особенно уж далеко то время, когда и эту великую реку поглотит азиатская пустыня, надвигающаяся медленными, но верными шагами и иссушающая не только реки, но и самые моря», — так писал до революции агроном А. Маликов в книге с печальным названием: «Край без будущего».

Советские люди задумали и осуществили дерзкий проект создания Волжского каскада — из восьми ГЭС и восьми морей. Плотины, волноломы, каналы с причалами и дамбами, сложнейшая система шлюзов и, наконец, моря-водохранилища. Современная Волга — это почти непрерывная цепь искусственных морей. Они дают возможность точно регулировать сток реки, поднять уровень ее, проложить новые фарватеры для теплоходов — одним словом, дать нужный режим реке, удержать «стоводную удаль безудержной Волги». Гидростанции Волжского каскада приносят нашему хозяйству миллиарды киловатт-часов электроэнергии в год.

Ожерелье волжских морей. Вот одно из них — горьковское, длиною в 400 километров и шириною в 22. В его чаше почти 10 миллиардов кубометров воды. Настоящее море, прекрасно вписавшееся в волжский пейзаж. Море, которое создал человек.

Фото А. ГОРЯЧЕВА

НА МЕРИДИАНАХ РОДИНЫ

У КОЛХИДСКИХ БОЛОТ отвоевано 70 тысяч гектаров.

А в начале освоения низменности, в 30-х годах, «леса Колхиды стояли по колено в воде», — писал Константин Паустовский. По семь слоев бревен вбивали в трясину. Чтобы построить полотно дороги, пришлось проложить полторы тысячи километров каналов, возвести две сотни километров дамб...

Ныне покорение Колхиды ведется форсированными темпами. Учеными разработаны новые эффективные способы закладки многолетних насаждений и современные средства химической борьбы с растительностью, засоряющей каналы.

Через несколько лет на освоенных землях родится еще 20 совхозов, и некогда гнилая, малярийная Колхида будет давать стране 160 тысяч тонн чайного листа и новые тысячи тонн цитрусов.

«НЕРИНГА» ВЕДЕТ ПОИСК. Изучить поведение креветок в электрическом поле — с таким заданием ушло в плавание по Атлантическому океану литовское научно-исследовательское судно «Неринга».

Сейчас везде, во всех океанах, креветок ловят по ночам, так как они лишь ночью «вылезают» из ила. Поэтому в светлое время суток сотни судов, специализирующихся на ловле креветок, вынуждены простаивать. Как заставить креветок «выбраться» из ила днем? — этим вопросом заняты многие ихтиологи. Недавно было установлено, что самый перспективный метод ловли креветок — это ловля с помощью электрического тока (как известно, многие обитатели моря чутко реагируют на электрические заряды). Однако прежде чем рекомендовать этот метод нашим рыбакам, нужно провести целый ряд экспериментов — этим и заняты литовские исследователи.

ЯВАНСКАЯ ДОЛИНА простилась с тишиной. Долгие годы люди называли эту долину мертвой — в ней не было воды. О том, что это печальное прозвище нужно забыть, впервые сказали геологи — люди, заново открывающие земли. Они обнаружили здесь редкое сочетание месторождений каменной соли и известняка. Было решено строить крупнейший электрохимический комбинат Таджикистана.

Главной проблемой стройки, конечно, стала вода. По замыслу строителей, ею должен поделиться с Яванской впадиной бурный Вахш. Для этого сквозь горный хребет пробивают два туннеля: пяти- и семикилометровый.

В долине нет уголка, где бы не слышался гул моторов: монтируется ТЭЦ, возводятся гидросооружения, ремонтно-механический завод. Скоро здесь вырастет и современный многоэтажный зеленый город.

МОДЕЛИ СТРОЕНИЯ ЗВЕЗД — вот проблема, над которой работают ученые астрофизической лаборатории Академии наук Латвийской ССР.

Разумеется, речь идет не о том, чтобы создать в лаборатории уменьшенную действующую «копию» звезды, а о математическом моделировании. Изучаемый процесс описывается математическими формулами, а затем электронно-вычислительная машина просчитывает его различные варианты.

Исследователи подготовили около ста программ, по которым вычислительная машина воспроизводит

структуру звезд так называемой главной последовательности, то есть таких, которые составляют большую часть «населения» нашей Галактики. Затем ученые сравнили результаты математического моделирования с оптическими наблюдениями и благодаря этому смогли пополнить данные о химическом составе, давлении и температуре в недрах звезд.

Все эти исследования касались основной стадии развития звезд, продолжающейся от нескольких миллионов до десятков миллиардов лет.

«МЕДНАЯ МАГНИТКА» — эта стройка, родившаяся в 30-х годах на северном побережье Балхаша, стала легендарной. Ныне легенда получила продолжение. В юбилейный год в двухстах километрах от казахстанского города Балхаша заложен новый город меди, имя ему — Саяк.

Этому краю когда-то «везло» на пессимистические прогнозы. «Жизнь здешних растений, животных и людей бедна и печальна. В будущем ей грозит еще худшая участь». Так писал восемьдесят лет назад русский путешественник А. Никольский.

В 1928 году группа советских геологов во главе с Михаилом Русаковым открыла у Балхаша руду. Четыре года спустя на берегу бухты Бертыс построили три глинобитных барака, несколько рядов палаток и юрт — поселок строителей. От берега началась пыльная степь с выжженной солнцем колючей травой, с проплешинами солончаков...

В нынешнем году почти стотысячное население Балхаша справило тридцатилетие города. Орденосный горно-металлургический комбинат выпускает два десятка видов продукции. Вдоль городских улиц протянулись бульвары, в садах растут яблоны, абрикосы и вишня сорта «балхашская степная».

Саякское месторождение, открытое недавно геологами, — это будущая богатейшая рудная база Балхаша. От Балхаша туда уже проведена стальная колея. Будут и в Саяке бульвары и сады, будут абрикосы, яблоны и вишня — «саякская пустынная».

НОВЫЙ ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ открылся в Баку.

На стенах аметисты и гранаты, породы, содержащие мышьяк, ртуть и золото... Здесь собрано большинство минералов, открытых в недрах Азербайджана. Многие из них уже «включились» в промышленную жизнь республики. Алуниты — на Загликомском месторождении были пущены в минувшем году основные комплексы Кировабадского завода, уникального предприятия цветной металлургии. Мрамор и туф станут превосходными облицовочными материалами для строящегося в Баку метро. Медные и полиметаллические руды — в южных отрогах Большого Кавказа на основе недавно разведанного месторождения будет построен Физический полиметаллический комбинат.

Образцы музея — это страницы биографии минералогических богатств республики и... создателя музея доктора геолого-минералогических наук Н. И. Ситковского.

Геолог-практик, он долгое время руководил всеми поисковыми и разведочными работами на территории республики, участвовал в поисках дашкесанского кобальта и парагачайского молибдена, им написан капитальный труд по вопросам металлургии Азербайджана и составлены прогнозные карты залегающих металлических руд.

Свою богатую коллекцию минералов, собранную за многие годы, Ситковский подарил новому музею.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Тлухо скрипят на снегу шаги. Навстречу колючей пурге и ледяному ветру через сугробы идет человек. Метеоролог должен записать показания приборов, магнитолог — добраться до павильона, чтобы провести очередные наблюдения. Ведь данные, полученные учеными, ежедневно ждет Большая земля.

...21 мая 1937 года. Над Северным полюсом снижается самолет. Он высаживает четырех смельчаков. На их жилище-палатке надпись: «СССР. Дрейфующая экспедиция Главсевморпути 1937 года». Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров — они первыми совершили беспримерный ледяной дрейф «сквозь

Арктику». Это была первая станция «Северный полюс», теперь очередь дошла до шестнадцатой. «СП» сегодня — это полярные городки с «населением» в 20—30 человек, с домиками, палатками, складами и даже электростанциями.

Значение этих станций велико. Дрейфуя вместе со льдами, полярники ведут круглогодичные исследования атмосферы и океана. Диапазон исследований необычайно широк: верхние слои атмосферы и рельеф морского дна, радиоволны и ледовая обстановка. Масштабы изучения Арктики все более расширяются.

ДЕСЯТЬ ЗВЕЗДНЫХ ЛЕТ

Прошло всего десять лет с того дня, когда полет первого в мире советского искусственного спутника возвестил о начале космической эры.

То было десятилетие, составившее эпоху в мировой науке. Первые радиосигналы из космоса с первого спутника Земли и первый космический корабль с человеком на борту. Первые групповые полеты в космосе и первый выход человека в космическое пространство. Снимки невидимой стороны Луны и первые межпланетные полеты автоматических станций. Волнующие мгновения, когда на телевизионных экранах возникли лунные пейзажи, переданные «Лунной-9». Видеомост, переброшенный «Молнией» через Евразию.

Все десять лет слова «первый в мире» были как салют человечества нашей Родине, ее людям, ее науке.

За десять лет черенок едва успевает стать деревом — дерево же познания космоса успело раскинуть ветви над Луной, а крона его уже коснулась других планет.

...Уйдут новые корабли. Их путь будет далек и труден — к Луне, Марсу, Венере и дальше. Открытие мира продолжается.

В КОСМОС!

Рисунок А. ГУСЕВА

Колокола

Од вечер я вышел из своего убежища и направился на явку, где скрывался доктор Рекальде. Идти старался пустынными улицами, чтобы не привести за собой шпика. Шагах в тридцати от дома доктора я столкнулся с Карлосом Лисерасом и Рамоном Гонсалесом — оба они в свое время сотрудничали в подпольной радиостанции.

Через несколько минут, уже поговорив с доктором, мы сели в автомобиль, но не успели отъехать и двадцати метров, как к дому подлетело несколько полицейских машин. Одна из них встала поперек улицы, загородив проезд. Люди в стальных нагасах, в форме, с автоматами наготове окружили нас.

— Руки вверх, выходите!

— Наконец-то попался, гади! — крикнул мне офицер.

На голову обрушился первый удар резиновой дубинки. Обыск. Потом всех нас запихнули в полицейский фургон. Завыли сирены. Вечер словно покрывлся траурным покрывалом...

— Попался, наконец, этот подлец?

— Да, господин начальник.

— Вы уверены?

— Да, господин начальник.

— Везите немедленно в штаб.

Смотрите, чтобы не сбежал.

— Есть, господин начальник.

Позади нашей машины мерно грохотали три броневика. В главное полицейское управление мы вошли, «эскортируемые» тридцатью полицейскими. Молодой офицер плюнул мне в лицо.

— Наконец-то ты в наших руках... Четыре месяца мы не спали из-за тебя.

Подталкиваемый ударами, я вышел во двор. Туда же, волоча свое карликовое тело, спустился и начальник полиции полковник Дуарте Вера. Едва увидев меня, он затрясся от злости.

— Ах, ты здесь, сукин сын... Теперь-то ты мне за все заплатишь. Принесите хлыст и отведи его в ту камеру.

В просторной комнате стоял огромный стол, к которому меня и привязали. И сразу я услышал свист хлыста, и как аккомпанемент ему — ругательства и угрозы... Хлыст вскоре сломался. Дуарте схватил палку. После не-

От переводчика

Обжигаясь о края серебряной трубки-бомбилы, мы медленно потягивали парагвайский чай — мате. Для моего собеседника Антонио Касериса этот напиток гаучо разносил по комнате московской гостиницы аромат родины. Собственно, эти слова о чае были чуть ли не первыми, которыми мы — двое дотоле незнакомых людей — обменялись друг с другом. И вот они сказаны, эти первые слова, и они о его родине — о Парагвае. Для моего нового знакомого, с опасностью для собственной жизни добравшегося до Москвы, характерно это постоянное возвращение мыслями к страдающей родине.

— Трудно и больно говорить мне о моей стране. Вот уже тринадцать лет терзает Парагвай диктатура генерала Стресснера. Тысячи патриотов заточены в тюрьмы, треть населения страны, бежав от репрессий, не по своей воле живет в эмиграции... Но гордый народ гуарани не так-то просто сломить. Борьба продолжается. Да вот взгляните хотя бы на эту книгу.

Антонио раскрыл свой маленький дорожный чемодан и из-за подкладки вытащил небольшую брошюру. Серая газетная бумага, неровные строчки — книга, безусловно, издана в подполье. На обложке имя автора — Абелардо Карденас, и название: «В камере пыток Стресснера».

— Прочитав эту книгу, — говорит Антонио, — вы поймете, в каких условиях живут парагвайцы. Ее автор, известный в стране журналист, прошел через все круги стресснеровского ада. Но все же он нашел в себе мужество и силы не только выдержать нечеловеческие пытки, но и совершить побег. Больше того, Абелардо рассказал всему миру правду о Парагвае. Правду о страхе перед народом, который толкает палачей Стресснера на новые преступления, правду о всепреодолевающей тяге к свободе, которая вдохновляет патриотов на поступки, достойные героев.

Отрывки из книги Абелардо Карденаса мы предлагаем читателям «Вокруг света».

скольких ударов треснула и она. В ход пошли куски оголенной проволоки, кожаные ремни.

— Ложись на пол, — скорее прошипел, чем прокричал он.

— Ни за что, — сказал я, попытавшись улынуться. И добавил: — Я уже кое-что слышал о вашей привычке издеваться над арестованными...

Теперь я знал о повадках Дуарте Вера не только понаслышке. Как и многие противники режима, я испытал их на себе.

Огненные языки хлыстов со стальными зубцами впилась в мое тело. Руками я прикрывал лицо, а потом попытался вырвать у него хлыст. «Начальник» тотчас же отступил, спрятавшись за спины телохранителей. Лицо его стало мертвенно-бледным.

— Уведите его!..

— Видишь? Это пилета.

— Никогда бы не поверил, — пробормотал я со смешанным чувством удивления и страха.

— Сейчас у тебя будет случай убедиться в этом, — угрожающе произнес комиссар Раймунди.

Я и в самом деле никогда не верил, что пилета действительно существует. Никогда не мог представить ее. Но вот она была там, у стены, об этом говорила ее большая мрачная тень. А запах, отвратительный запах, стоявший в комнатухе, не оставлял и последних сомнений. В эту ночь, как и во все предыдущие, здесь шла «работа».

— Разденься, — приказал Раймунди.

Я протестовал, угрожал, кричал... а голые тени вокруг хохотали, приближаясь ко мне.

ПРОБИЛИ ЧЕТЫРЕ...

Я вжался в стену и стал защищаться. Они, не переставая, смеялись. Так прошло несколько нескончаемо долгих минут. Сердце сильно билось в груди...

— Пора! — повелительно пролаял Раймунди.

Десять рук, словно клещи, вцепились в мое тело. Я почувствовал, что меня подняли в воздух и бросили в вонючую воду. Чьи-то сильные руки придавили меня ко дну. Я почувствовал, что задыхаюсь. Отчаянным усилием я все же поднял голову над поверхностью, жадно глотнул воздух. Но тут же чужие руки впились в мое лицо, зажали нос, рот и снова опустили на дно. Я рванулся с отчаянием раненого, погибающего зверя, поднял голову, освободил руки и схватился за край пилеты.

— Да здравствует свободный Парагвай!

Это был вызов, мучители ждали от меня стонов. Я приподнялся еще немного над водой и огласил ночь диким воплем: «На помощь!»

Если бы все это происходило где-то в джунглях, все звери поспешили бы мне на помощь. Но, к своему несчастью, я находился в руках озверевших людей. Мои легкие уже не дышали. Грязная вода, казалось, проникла во все поры. Кружилась голова.

— Отвечай, в котором часу, в котором часу... где... восстание... восстание...

Неясные звуки чьих-то голосов, сначала просто далекие, потом совсем глухие, неразборчивые, отдавались в ушах. Голосов становилось все больше и больше. Они

то удалялись, то снова приближались. Наконец я услышал их совсем четко.

— Когда начнется восстание? Где? Сколько у вас людей?

— Не знаю. Не знаю. Я ничего не знаю.

— Ничего, узнаешь!

Они выжимали из меня воду, как выкручивают прачки мокрые простыни.

— В котором часу... где... кто?

— Я ничего не знаю.

Вся свора визжала вокруг моего обессиленного тела и готова была растерзать меня...

Не помню, сколько времени пролежал я без сознания. Очнувшись, когда часы на соборе пробили десять. Под усиленной охраной меня везли в департамент разведки.

«Почему они не убивают меня сразу же?» — подумал я, когда меня вновь втащили в комнату для допросов.

— Ты что же, хочешь, чтобы тебя снова пытали? — спросил мой новый «собеседник» Исидоро Гонсалес. — Расскажи, что знаешь. Полиции уже все известно. Лгать дальше бесполезно. Напрасно ты думаешь, что друзья придут на помощь. Здесь тебе никто не поможет. Никто.

Исидоро Гонсалес вынул из кармана бумагу с вопросами.

— Сколько оружия было вручено и кому?

— Кто из офицеров участвовал в заговоре?

На меня, словно лепестки осыпавшихся цветов, падали имена.

Им было нужно, чтобы я повторил их. Шумело в ушах. Я безразлично смотрел на инквизитора. Что я мог сказать ему? Если я не отвечал, то тут же получал удар кулаком или ногой. После одного из них кровь хлынула у меня изо рта, а голова упала и больше не отрывалась от груди.

Когда я очнулся, было уже светло. Первое, что я увидел, был мой пиджак, валявшийся рядом на полу, и на его лацкане — картонка с дурацкой лаконичной надписью: «Заключенный».

Заключенные не спали всю ночь. Так уж повелось: ожидать тех, кого увели в «другое место». Одни возвращались, напоминая больше кусок мяса, других сразу отправляли в тюремную больницу. На тех, кто не вынес зверских пыток, просто выписывалась справка о смерти «от пневмонии».

Меня заперли в камере, на двери которой значилось: «Профсоюзы и т. д.». Дежурный офицер бросил мне одеяло.

Светало. Спать не хотелось. Одеяло мне было не нужно. (Впоследствии, кстати, выяснилось, что за этот жест милосердия офицер был наказан.)

...Прошло несколько однообразных дней и ночей. Там, «снаружи», волна террора, похоже, несколько поутихла. Все-таки общественное мнение оказывало свое давление на правителей. По всему городу распространялись листовки, разоблачающие пытки, а подпольные радиостанции и иностранные агентства сообщали о преступлениях стресснеровских подручных за рубежом. Полиция, казалось, была напугана собственными жестоко-

стями. Действительно, многие арестованные были на грани смерти, а полиция так и не смогла напасть на нужный след.

И это не давало ей покоя. Она не хотела признавать своего поражения, предпочитая еще «поработать с заключенными», пока они «не скажут правды».

Именно в это время «галерея выдающихся преступников», как стали называть лазарет, куда меня перевели, приняла двух новых «гостей»: лейтенанта-артиллериста Бенитеса Франко и еще одного парня по фамилии Ролон. Их привели ночью, когда на улице бушевала гроза.

Прошло тридцать пять дней после ареста. Судьба наша по-прежнему зависела от своеволия Стресснера. Никакой суд не мог защитить нас. Все статьи кодекса сводились к нулю статьей 52 конституции — «Права президента республики».

— Они не имеют права мучать нас и держать взаперти столько времени, — возмущался лейтенант. — Со мной должны обращаться согласно уставу.

— Что, что? — прогудел Ролон. — Спросите-ка лучше судью, для чего служат законы.

И действительно, что значит в Парагвае писанный закон? «Это находится в ведении президента», — так отвечали нам на любое ходатайство. Только он, Стресснер, мог распоряжаться нашей судьбой. Изгнать нас из страны, убить или пожизненно оставить в тюрьме — это зависело от него.

Шли дни, и все оставалось по-прежнему. Правда, большинство заключенных перевели в другое помещение, и мы остались было в девятером. Но почти сразу же число это вновь увеличилось до тридцати за счет «новобранцев». А у меня все шло без каких-либо изменений, да, впрочем, ничто и не могло измениться, пока я... не «признаюсь в нападении на посольство дружественного государства и других преступлениях». «Если они снова начнут меня мучить, — думалось мне, — я не вынесу. Нужно действовать».

Даже в одиночке, изолированный от всего мира, я всегда чувствовал чью-то незримую поддержку. Так, однажды через решетку ко мне в камеру упали три газеты. Из них я узнал, что на самом деле я «обыкновенный бандит-налетчик».

И это не было единственной весточкой из мира за решеткой. Я тщательно прятал при обысках

передаваемую мне друзьями спичечную коробку, в ней я хранил лезвие безопасной бритвы и ломок железной пилки.

— Почему вы упрямитесь? Неужели вы не осознаете собственное положение? — доказывал мой новый «собеседник» Кандиа.

— Вас пытали когда-нибудь? — ответил я вопросом на вопрос. — Ну вот, когда вас будут пытаться, тогда вы поймете.

— Похоже, что в одну из ближайших ночей мне снова придется искупаться в пилете, — сказал я товарищу по камере...

План побега я вынашивал с того момента, как смог стать на ноги. Однажды ночью я вскарабкался на окно. Вид, открывавшийся из него, не был особо примечателен: обычная крыша, обычный двор... А где-то далеко внизу — обычная дорожная пыль...

Долгие часы я расхаживал по камере, перебирая в уме различные варианты. Потом снова, встав на скамейку, вглядывался в такую далекую улицу, обдумывал все «за» и «против»: «Конечно, если они меня заметят, то тут же изрешетят пулями... А если они меня поймут раньше, чем убьют? Нет, это у них не выйдет: бритвенное лезвие спасет меня от мучений. Шансов на успех, конечно, совсем немного. Один против ста, никак не больше. Сколько надо минут, чтобы пересечь крыши и двор? Десять, пятнадцать, а может быть, двадцать и даже больше. Заметит ли дежурный мое отсутствие? Если заметит, то я погиб».

— Эй, Карденац! — неожиданно услышал я за спиной голос дежурного офицера.

Я не шелохнулся, хотя в душе у меня все похолодело.

— Что вы хотите? — спросил я, продолжая смотреть в окно.

— Что, дышим свежим воздухом?..

Его глаза буквально сверлили мой затылок.

Я обернулся и, не спускаясь со стула, как бы нехотя спросил:

— А вы никогда не беседуете со звездами?

— Со звездами?

— Да. Частенько это лучше, чем с людьми.

Офицер подозрительно посмотрел на небо. Я спустился со стула и подошел к двери, пытаясь отвлечь его. Поставив еще несколько минут, он ушел. Зазвонили колокола собора. Было девять часов вечера.

Перед тем как лечь, я принял снотворное. Вторую таблетку я предложил соседу.

— Нет, — отказался он, — я не буду спать.

— Почему?

— Так я хотя бы смогу сообщить ребятам, когда тебя увели.

Пробила половина первого. Мне казалось, что в полутемной камере бродят смеющиеся тени, готовые в любой момент отвести меня в «царство» пилеты.

В час ночи солдат осмотрел камеру через волчок и ушел. Заснуть я уже не мог. В час тридцать снова слышались шаги по лестнице. Итак, караульный возвращается каждые полчаса. Едва он снова удалился, я поднялся на цыпочки и осмотрел крышу, на которую падал слабый отсвет уличных фонарей.

Я опять лег не раздеваясь. Интересно, сколько минут пройдет, прежде чем обнаружат мое отсутствие? А если часовой вернется раньше?..

Колокола пробили четыре. Караульный появился у двери. Я был спокоен. Солдат удалился, что-то насвистывая, и я услышал, как он спускается по лестнице. У меня было тридцать минут... Тридцать минут... Этого достаточно, если только они не спохватятся раньше.

Через тридцать минут дежурный караул передаст заключенных дневной команде, а та, как обычно, проведет перекличку. Через тридцать минут, если я все-таки решусь, о моем побеге узнают. Вся полиция бросится на розыски.

Я быстро вскочил, привязал свои туфли бечевкой к поясу, который хранил уже несколько дней, и, отодвинув подпиленную накануне решетку, вылез через окно.

Осторожно двигаясь по крыше, я прошел над караулкой. Дежурные там, как всегда, резались в карты. Потом, нащупывая ногой выступающие из стены кирпичи, спустился на вторую крышу. В любой момент мог прозвучать выстрел. Я ускорил шаг. Под ногой хрустнула черепица. Звук показался мне взрывом бомбы. Я затаил дыхание. Несколько секунд стоял прислушиваясь. Оставалось метров двадцать. С адским грохотом взорвалась вторая черепица. Я невольно прыгнул, сломал

еще одну. Во дворе зажегся свет. Я прислушался к голосам и попытался обдумать, что делать. Оставшиеся двадцать метров я пробежал, как бегают спортсмены на дорожке стадиона, и добрался до карниза дома.

Во дворе появились двое пожилых людей.

— Эй, что вы там делаете? — спросила женщина.

— Молчите, если не хотите получить пулю, — пригрозил я с отчаянием в голосе.

Оба исчезли под карнизом. Я осмотрел двор. Надо было ри-

сковать. Я нагнулся и ухватился за водосточную трубу. Под тяжестью тела она стала медленно отходить от стены. И когда она уже была готова сломаться, я отпустил руки. В этот момент дверь чуть приоткрылась, и женщина еще более настойчиво, чем прежде, спросила:

— Кто вы?

— Где у вас выход? Если меня схватят, то убьют, — прошептал я. — Меня зовут Абелардо Карденас.

Женщина показала пальцем на дверь, находившуюся напротив.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ФРЕСКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ обнаружены учеными советско-монгольской археологической экспедиции под руководством члена-корреспондента АН СССР А. П. Окладникова в пещере Хойт-Цэнкер Агуй в Монголии. Эти росписи, как и изображения, найденные в Каповой пещере на Урале, и древнейшие наскальные фрески Западной Европы относятся к одной и той же эпохе — палеолиту. И открытие в пещере Хойт-Цэнкер Агуй — еще одно доказательство единства процесса развития первобытного общества.

Загадки Проекты Открытия

ПТИЦЫ СПЯТ В ПОЛЕТЕ? Недавно на конференции орнитологов в Танжере было сделано интересное сообщение: аисты могут спать на лету. Ученые прикрепили на груди нескольких аистов миниатюрные датчики, сообщающие данные о работе важнейших органов птиц во время длительных перелетов. И оказалось, что время от времени пульс летящих аистов замедляется и доходит до той частоты, которая бывает у спящих птиц. Так продолжается 10—15 минут, после чего пульс птиц становится нормальным.

ТЕРМОФИЛЬНЫЕ БАКТЕРИИ В ЧЕРНОМ МОРЕ обнаружил румынский ученый М. Зарма. В лабораторных условиях эти бактерии гибнут при температуре ниже 56 градусов тепла по Цельсию.

Что же позволяет этим теплолюбивым бактериям выживать в Черном море, температура которого много ниже этого критического уровня? Ответа на этот вопрос пока нет.

ИНТЕРЕСНАЯ НАХОДКА сделана японскими геологами вблизи Токио. Они обнаружили скелет ископаемого слона. Интересно, что «возраст» геологических пластов, в которых были найдены эти остатки, не превышает 20 тысяч лет, тогда как слон относится к виду, который, как считалось ранее, вымер 60—100 тысяч лет назад.

(По материалам советской и зарубежной прессы)

Я повернул щеколду. Нервы были натянуты до предела. Теперь мне оставалось лишь открыть дверь, и вот она... долгожданная свобода. Руки легли на щеколду, и струя свежего воздуха ударила мне в лицо.

Я вышел на погруженную в полумрак улицу.

Я пробежал десять кварталов, задыхаясь от усталости. Вдруг сзади раздался шум мотора, и пучок света ударил мне в спину. Я побежал вдвое быстрее. Автомобиль приближался. Неужели полиция? Я опометью бросился за угол. Автомобиль сбавил скорость и исчез в противоположном направлении. Я чуть не потерял сознание.

Уже стало светло, и оставаться дальше на улице было опасно. Эта мысль возвратила мне силы, и я пробежал еще три квартала.

Здесь где-то должен быть дом моего друга. Последние сто метров я шел медленно. Осмотрелся. Улица была пустынна. Подойдя к дому, я увидел, что на входной старой железной двери висели цепь и тяжелый замок... По ближайшему проспекту через перекресток, лежащий в каких-то двадцати метрах от меня, с грохотом пронесся полицейский броневик.

Я кинулся к соседнему маленькому дому с садиком, отгороженному от улицы полторамеровой стеной. Вскрабкаясь на нее и, уже теряя последние силы, свалился на ту сторону. Несколько секунд я бродил вслепую, а когда наткнулся на ступеньки лестницы, повалился ничком. Хозяйка еще спали.

Колокола близкой церкви звали верующих к заутрене. Вероятно, в эти минуты тюремщики уже узнали о побеге. Я представлял их перекошенные от злости лица и засмеялся. «Сбежал, да, сбежал!» — мысленно повторял я и все щипал себя, чтобы убедить: это не сон.

Я поднялся и подошел к ведру, стоявшему рядом с умывальником. Вылил воду на голову, сел на ступеньки лестницы. Стало уже совсем светло. Я решил разбудить хозяина и постучал по решетке жалюзи. Открылось окно, и показалось мужское лицо.

— Доброе утро, — сказал я, — Вы никогда не видели призрака?..

В тот час полицейские в автомобилях кружили по всему Асунсьону, разыскивая меня. Они срывали с земли мой дом. Они блокировали все иностранные по-

сольства и усилили наблюдение в аэропорту. Полицейская петля начинала сжиматься.

День я провел, раздумывая над тем, что же делать дальше. Прежде всего — срочно установить контакт с товарищами. Я написал одному своему другу короткое письмо, в котором просил доставить машину. Но, как впоследствии выяснилось, он сам несколькими днями раньше едва успел скрыться от полиции.

Прошла ночь, полная тревожного ожидания.

Наконец вечером второго дня свободы после беседы с двумя друзьями я решил искать убежище в каком-нибудь иностранном посольстве.

В половине одиннадцатого утра человек с прядями седых волос и болезненным лицом вышел из железных ворот дома... Ему было лет пятьдесят, может больше. Однако стоило лишь чуть внимательнее взглянуть в человека, чтобы заметить на его лице следы работы гримера.

Я осмотрелся. Улица была почти пустынна: лишь два автомобиля пронесли мимо меня, да многочисленные прохожие шли по противоположной стороне улицы. Пройдя квартал, я вошел в ворота какого-то дома, где женщина с ребенком лет четырех садилась в машину.

— Сеньора, — сказал я, — мне нужно немедленно попасть к врачу.

— Ну, если нужно, садитесь, — ответила она. — Куда ехать?

Я назвал маршрут, и мы тронулись. В трех кварталах от посольства наш автомобиль едва не столкнулся с другой машиной. Я нервничал. Случись авария, собрались бы любопытные, прибыла бы полиция.

На углу стояли, разговаривая между собой, трое полицейских из департамента разведки. Напротив самого посольства, закрывшись газетой, дежурил агент в штатском. Я обернулся. Все было спокойно. Наша машина шла впритык за грузовиком. Движение в это время становилось все более оживленным. Было без десяти минут одиннадцать.

Быстро открыв дверцу, я ступил на тротуар и почти вбежал в ворота посольства. Полицейский продолжал читать газету.

Это была свобода.

Перевел с испанского
В. ВОЛКОВ

А

рестовали меня в шестнадцатом в ночь на восьмое апреля.

Около полуночи в дверь резко постучали.

— Кто там?

— Телеграмма!

Мы уже знали этих «почтальонов». В девятьсот пятом они арестовали моего старшего брата. Потом, когда он бежал, неоднократно налетали с обыском. И каждый раз за дверью раздавалось: «Телеграмма!» Не могли придумать что-нибудь новое.

«Почтальоны» перевернули все вверх дном, ничего не нашли. Но меня все-таки арестовали: у них был ордер на арест независимо от результатов обыска.

В начале июля я была выслана в село Качуг Верхотурского уезда Иркутской губернии — в одно из «классических мест» царской ссылки.

Большевики, как мы тогда шутили, и здесь имели большинство. Из ста политических заключенных их было больше пятидесяти, и среди них такие видные партийцы, как Мартин Лацис, Иннокентий Стуков, Георгий Ломов, Станислав Косиор. Общение с этими людьми было для нас целым университетом. Стуков читал нам политэкономии, Ломов — русскую и иностранную литературу, Косиор — теорию партийной работы в условиях подполья. Мы не теряли времени, используя «отпуск», предоставленный нам царем, для повышения своей революционной квалификации. А время от времени кто-нибудь из товарищей исчезал — незаметно даже для большинства ссыльных. Через несколько дней нас начинали вызывать на допросы, усиливался полицейский надзор. Но люди продолжали исчезать. В России назревала революция, и партии нужны были бойцы.

Зимой и я получила важное партийное задание: участвовать в организации побега латышской революционерки Эллы Лиепинь. Я и Наташа Грузман должны были сопровождать Эллу на первом этапе ее трудного и опасного пути...

То утро запомнилось мне какой-то особенной тишиной. Морозное, окутанное предрассветной мглой, застыло село. И казалось, слышали в любой избе, как, отмечая шаг, скрипит под валенками снег и, фыркая, жуют овес и встряхивают головами кони, как оглушительно шуршит в санях чуть полетнему пахнущее сено. Но деревня спала. Лишь звезды колочие перемигивались в небе, да кое-где курлились над заснеженными крышами белесые дымки.

Мы вышли на крыльцо, неся в руках плетеные кошелки. Наше предприятие выглядело как обычная поездка в соседнее село, на всю округу славившееся своим базаром. Укутанные от мороза и от любопытных взглядов, мы уселись в сани, одинаковые, словно три матрешки. Возница, пожилой

мужик в дубленом полушубке, взглянул насмешливо из-под надвинутого на глаза треуха, пошевелил заиндевелой бородой, но промолчал и лишь тряхнул вожжами... Звон колокольчика, хрустящий перестук копыт и визг полозьев по накатанной дороге. Село уносилось от нас — спокойное, тихое. Лишь тревога не покидала нас.

О чем мы думали? Мы с Наташей о том, что в случае провала Эллы обречена на каторжные работы. А она? Может быть, вспоминала многие вечера, слившиеся в памяти в один. Худенькая светловолосая девочка дежурит у ворот дома в маленьком латвийском городке — сначала с куклой, после с книжкой. Темные узкие улицы, желтые пятна света редких фонарей... А в доме рабочие, друзья отца, читают при сальной свечке запрещенную литературу.

Уже в девятнадцать лет Элла получила партийный билет. Работала в Риге: вела занятия в рабочих кружках, распространяла листовки и брошюры. Вскоре получила еще одно сложное и опасное задание: доставлять в Петербург приходящую из-за границы марксистскую литературу. И совсем юная девушка в совершенстве овладевает тонким искусством конспирации.

Потом работа в подпольной типографии. Бессонные ночи, свинцовая пыль и листовки, расходящиеся по всей Латвии. Потом арест...

Дорога, вынырнув из леса, влилась в почтовый тракт. Редкие сосны еще пошагали чуть-чуть за санями и вскоре отстали. Тревога нахлынула с новой силой. Здесь, на сверкающей поверхности прямого тракта, любую точку видно за десяток километров...

И точка появилась. И вместе с ней возник тончайший комариный звон — льющийся голос серебряных бубенцов. Возница оглянулся.

«Резвые гнедки. Никак догонят сейчас», — и мельком поглядел на нас. А мы «дремали» — спокойно, беззаботно. Звон усиливался, настигал, иглой вонзался в напряженное сознание. «Побереги-ись!» Гнедые пронеслись трехглавым метеором в облаке пара, в вихрях снежной пыли. Мелькнули выгнутые шеи пристяжных и развалившаяся в щегольских санях матрона, укрытая медвежьей полостью. Возница сплюнул на дорогу:

— Купчиха...

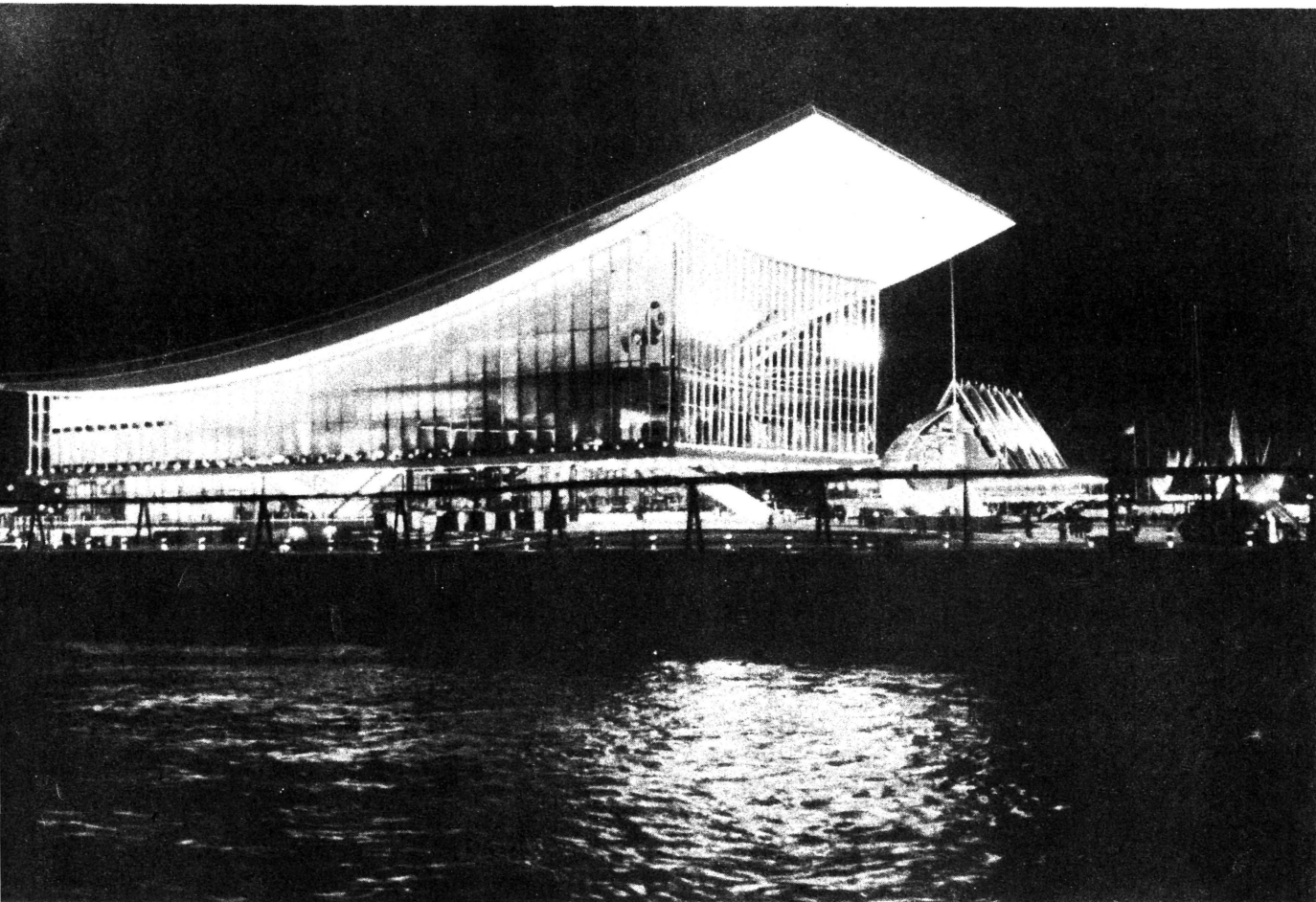
Возница не услышал, как три вдоха за спиной слились в один... Я вспоминала Качуг перед побегом. Как Элла рвалась из ссылки. Как не могла примириться с «вечным поселением» — ведь стихией ее была борьба. И как помог нам случай. К одному из ссыльных, петроградскому большевику Николаю Козицкому, приехала жена Евгения Егорова. В ту пору она и Николай ждали первенца. И вот, рискуя очень многим (а вдруг провал!), Женя предложила для побега Эллы свой «чистый» паспорт... Так и пронесла Элла через всю свою остальную жизнь имя этой удивительно милой русской женщины.

На шумной базарной площади большого села возница осадил лошадей. Мы незаметно пожали друг другу руки и разошлись по торговым рядам.

К вечеру мы с Наташей вернулись домой. А Эллы Лиепинь... Она исчезла из села, ушла на встречу близкой уже революции.

Е. И. БЕЛАЯ-ИВАНОВА,
член КПСС с 1914 года

Из летописи
ОКТАБРЯ

НИК. АГАЯНЦ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МЕЧТУ

Чрез десятки турникетов, снабженных счетчиками, гости «Земли людей», запасшись путеводителями, густым потоком идут на острова Святой Елены и Нотр-Дам, где находятся

павильоны стран — участниц Всемирной выставки. Все павильоны просто не обойти: тут нужен не один день, потому-то посетители и начинают с вопроса: «Куда идти?»

На ЭКСПО-67 он чаще всего звучит так:

— Где находится Советский павильон?

Ну, а самый популярный ответ звучит так:

— Там, где вы увидите самую большую очередь.

Разные люди приходят в наш павильон, чтобы своими глазами увидеть достижения первой в мире страны социализма, празднующей в этом году свое пятидесятилетие. Среди них — и студенты и рабочие, бизнесмены, журналисты и просто те, кого социологи называют «средним канадцем» или «средним американцем».

Интерес этих разных людей к советской экспозиции — это интерес к нашему государству, нашей жизни. Посетителей интересуют лазеры и детские рисунки, последние московские моды и космические корабли. Они хотят знать, сколько стоит в Москве билет на метро, как проводят летние каникулы школьники, что нового идет в Большом театре и какие русские артисты выступают в Монреале.

Вопросы... Вопросы... Как-то я поспел с нашими гидами у стола информации и справок и подсчитал, что им за два часа задали свыше трех тысяч вопросов — от элементарных до требующих специальных знаний, или, как выразилась канадская «Газетт», «от маринованных грибов до модели термоядерного реактора».

И так повсюду — во всех разделах Советского павильона. Люди придирчиво выбирают, что же им посмотреть подробнее — ведь зараз всего не увидишь, — и, выбрав, окунаются в этот новый для них мир. Вот лишь семь на выбор разделов и семь оценок посетителей.

Космос:

— Поздравляю с очень впечатляющей демонстрацией советских достижений в космосе. Должен признать, что вы нас превосходите.

Джон Хоффман, Нью-Йорк, США

Машиностроение:

— Русские! У вас хорошие головы, и вы труженики. Bravo!

Люсьен Жасмин, Канада

Освоение морей и океанов:

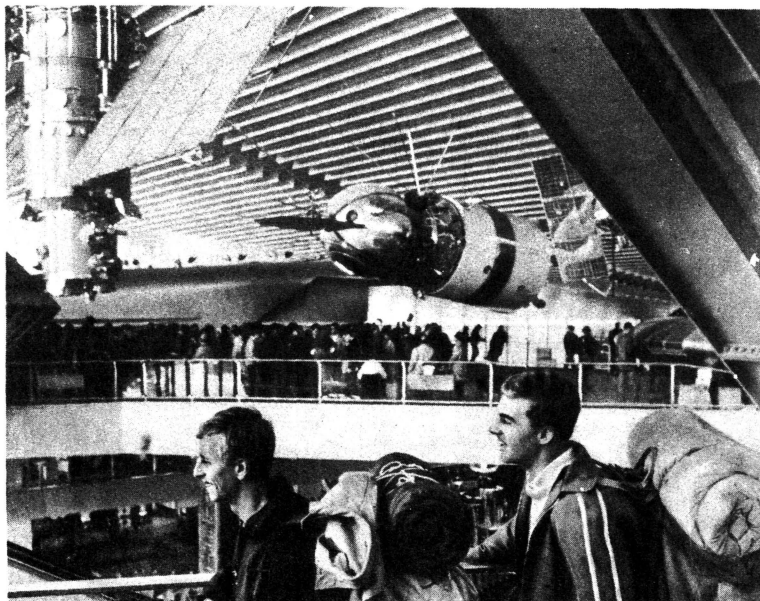
— Советское судоходство становится лучшим в мире, экспонаты этого раздела поистине величественны.

А. С. Ворбос, Канада

Архитектура и строительство:

— Как насчет того, чтобы послать ваших инженеров в помощь американцам строить метро в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе?

Э. Метьюз, США

Авиация:

— Хотя я и американец, но я приветствую СССР; у вас великолепный павильон и прекрасная модель ТУ-144. Вы перегнали Америку.

Лонг, США

Приборостроение:

— Осмотр выставки ваших научных и промышленных приборов приводит посетителя к вопросу: как много будет открыто вами в ближайшие годы на благо человечества?

Подпись неразборчива.

Книга:

— На меня произвела огромное впечатление та работа, которую вы проделали в области издания книг. У нас здесь нет возможности познакомиться с вашими успехами в этой области.

Монреалец

Таких отзывов можно было бы привести здесь много. Ограничимся еще только двумя. Они о всей советской экспозиции.

Первый принадлежит жителю маленького канадского города Ватерлоо:

«Ваш замечательный павильон — лучший на «Земле людей». Он помогает простым людям со всех концов планеты узнать правду о Советском Союзе. Мы гордимся вашими достижениями, ибо они указывают Человечеству путь к осуществлению мечты».

Второй оставил индейского племени алгонкинов Вобей Китпу:

«Я никогда не думал, что найду такие грандиозные вещи здесь, в вашем павильоне. Контраст между тем представлением о вашей стране, которое существовало у меня, и тем, что я увидел и узнал, настолько разителен, что у меня нет слов выразить восхищение. Этот павильон — как окно в стене, но не в настоящей стене, а в той, которую воздвигали годами всякого рода лжецы».

...Издали виден отражающийся в водах реки Святого Лаврентия гордый и изящный павильон Страны Советов. К нему устремляется поток миллионов посетителей «Земли людей».

Монреаль, август 1967 г.

Будешь слушать, — неожиданно сказал отец, — садись ближе. Я удивился. Отец в начале своей службы плавал на «Акуле» — первой русской подводной лодке, и я страшно гордился им — мне было всего сорок четыре года! Но он не любил рассказывать о себе.

Лишь однажды... Он рассказал мне историю, которую потом в годы войны, на фронте, я часто вспоминал.

...«Макрель» и «Миного» — две подводные лодки, пришедшие на Каспий с Балтики для борьбы с интервентами, лежат в полуденной воде Тюб-Караганской бухты. Маленькая «Миного», пришвартованная стальным тросом к «Ревелю» — плавучей базе, словно пасется в воде, поблескивая влажным боком. День-два — и ремонт двигателя будет кончен. По покатоному телу лодки чуть слышно взбирается зеленая волна и соскальзывает с тихим плеском. Одна, другая... Очень робко. Штиль.

Темный силуэт английской канонерки вырос на горизонте сразу.

Тревога!.. Вой сирены бился в закрытой бухте и гнал рыбацкие шхуны к берегу. И темный силуэт канонерки, словно игла, вытаскивал из-за горизонта стальную нитку: второй корабль, третий...

«Макрель», всколыхнув воду до белой пены, быстро пошла к выходу из бухты. «Миного» же беззащитно застыла на привязи. Экипаж был на берегу. На борту оставался один рулевой Василий Исаев.

Вой сирены еще метался по бухте, а над бортами канонерки уже вспыхивали шаровые молнии залпов. «Ревель» вспыхнул после третьего. Что будет дальше, Исаев знал. На плавбазе нет никого. Но в трюме лежит несколько мин, а на «Миного» две торпеды. Одно попадание, и... Надо отвести лодку от горящего «Ревеля»!

Исаев смотрит на пылающий «Ревель» и видит, как пламя обегает палубу по черным следам солярки. Огонь обшаривает плавбазу, словно в поисках мин. И единственный путь на «Ревель» — трос, уходящий в огонь...

Перебраться по нему на «Ревель» оказалось минутным делом. Исаев подбежал к кнехтам и схватился за петлю. Руки отдернулись сами — огонь уже облизал петлю. Василий сорвал бушлат и кинул его на трос. Брошенный в воду, трос ушел, извиваясь и шипя.

— Братва! «Ревель» горит!..

Исаев услышал этот крик уже в воде. К «Миного» несся от берега шлюпка с командой. Исаев подплыл, когда шлюпка взяла подлодку на буксир. Весла дружно упали на воду, и «Миного» потащилась за шлюпкой от пылающего «Ревеля». Теперь ей грозило лишь прямое попадание. Но фонтаны взры-

вов вдруг начали редеть. На канонерках испугались, увидев вблизи перископ «Макрели».

Когда наскоро закончился ремонт двигателя «Миного», пришел приказ идти на Астраханский рейд, где сосредоточивались наши корабли. Двигатель тут же запустили, но обнаружилось, что на винт намотан трос от «Ревеля». Чтобы снять трос, нужны водолазы.

Английская база в полутора часах хода. Очень уж лакомой была для англичан «Миного», застрявшая в бухте.

На берегу нет ни одного водолаза. Корабль не должен достаться врагу.

— Кто будет взрывать? — глухо спросил капитан.

Шлюпка с командой уходила к берегу.

Над бухтой пролетел английский биплан, и два фонтана от упавших бомб обрушились совсем рядом...

Электрик Ефимов, худой, долговязый, сидел прямо на палубе и зло смотрел на заходящий снова биплан.

— Тимош, я все-таки взгляну, что там с винтом, — сказал Исаев. — Может, размотаем? Потопить — это и он сумеет.

Ефимов кивнул. Биплан спокойно разворачивался для бомбежки.

Василий скинул бушлат. Большой и сильный, он по скользкому борту сползал на рули; весенняя вода обожгла ноги холодом.

...Восьмой раз Исаев вынырнул, весь посиневший, с лязгающими зубами. Но фиолетовые губы кривились в улыбку.

— Понял, Тимофей. Узелок крепкий...

Он лег на палубу, зажмурил глаза и лежал так долго, что темное пятно воды около него начало высыхать на солнце. Потом шевельнулся.

— Здоровый ты мужик, Василий, — без выражения, будто про себя, сказал Ефимов.

— Рязанский, — так же бесцветно ответил Исаев.

И опять помолчали, будто и не было никаких слов и не нужны они были в этом молчании. Тимофей поднялся — нескладный, тощий.

— Давай я тебя хоть концом обмотаю. Держись, когда тащить.

...После двенадцатого ныряния Исаев снова вполз на палубу. Солнце уже краснело, готовясь к раннему вечеру. Голубое прежде небо выцвело, пепельной чашей накрывая бухту. Биплан не прилетал.

— Издохнешь так, Василий, — в голосе Ефимова было восхищение, слова тут ничего не значили.

Исаев понимал это.

— Зубами, а развяжу... Просигналь на берег: немного, мол, осталось.

...Когда шлюпка пришла к «Миного», Исаев ничком лежал на палубе. Тимофей укутал его одеялом. Исаев тяжело поднялся навстречу капитану. Мокрое одеяло скользнуло к ногам.

...«Миного» медленно разворачивалась в темнеющем море и уходила вслед за «Макрелью» на Астраханский рейд. К новым водам, к новым боям за власть Советов.

Шел девятнадцатый год...

ВСЕВОЛОД ИСАЕВ

Из летописи
ОКТАБРЯ

П. Крутиков

С. Стасюхов

А. Лукин

М. Ковальский

КЛЮТ-КОМПАНИЯ «Вокруг света»

РАССКАЗЫВАЮТ УЧАСТНИКИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙ-
НЫ. ВОЙНЫ, КОТОРАЯ ВСЕГДА
БУДЕТ ЖИТЬ В ПАМЯТИ НАРОД-
НОЙ КАК ВЕЛИЧАЙШИЙ СИМ-
ВОЛ МУЖЕСТВА, СИЛЫ И ПАТ-
РИОТИЗМА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ.

ДНИ, О КОТОРЫХ НЕ ЗАБУДУТ

Читатели «Вокруг света», вероятно, помнят документальный рассказ Александра Лукина «Львовский аккорд», напечатанный в пятом номере журнала за нынешний год. В нем шла речь о смелых операциях прославленного разведчика Николая Ивановича Кузнецова и о том, как одна из групп особого партизанского отряда Д. Н. Медведева в течение последних месяцев фашистской оккупации действовала во Львове. Разведчики Степан Петрович Пастухов и Михаил Пантелеевич Кобеляцкий, которым активно помогали местные подпольщики, собрали тогда много ценной информации о фашистских планах обороны города, уничтожили несколько десятков гитлеровских офицеров, составили карту заминированных фашистами перед бегством важнейших сооружений, исторических и культурных памятников Львова и тем самым помогли спасению древнего города от разрушений.

В эпилоге говорилось, что послевоенная судьба С. П. Пастухова и М. П. Кобеляцкого не известна.

Боевые друзья по медведевскому отряду и в Москве, и в Ровно, и во Львове считали их погибшими.

Но буквально через несколько дней после выхода в свет номера журнала в редакцию пришли письма с радостными вестями: Степан Пастухов и Михаил Кобеляцкий — живы...

Как выяснилось, Степан Петрович Пастухов ныне на пенсии, живет постоянно в Казах-

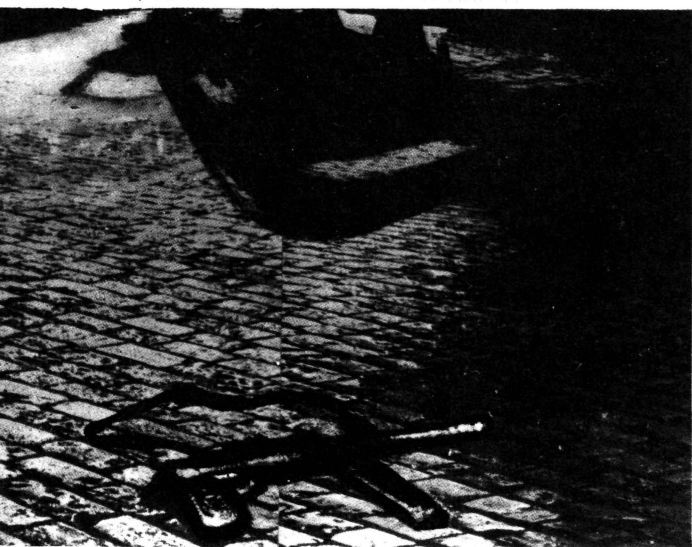

Рисунок А. ГУСЕВА
Фото И. НЕВЕЛЕВА

стане — друзья же пытались разыскать его в Донбассе, где он жил до войны. Михаил Пантелеевич Кобеляцкий живет в городе Старобельске, он заведует торговой базой.

Отыскался и еще один участник львовского подполья, Виктор Тимофеевич Межба, ныне старший инженер Саратовского экономического института. На квартире Межбы во Львове Пастухов и Кобеляцкий одно время жили, он помог им достать нужные документы, собирал вместе с ними разведданные.

Откликнулись и живущие во Львове Борис Давидович Крутиков и Василий Кондратьевич Дзямба — они все эти годы поддерживали между собой связь. Оба ныне работают преподавателями во львовских вузах.

И вот наступил день, когда кают-компания «Вокруг света» встречала гостей, — героев «Львовского аккорда». Пришел на встречу и Александр Александрович Лукин. Бывший заместитель командира отряда по разведке, чекист с 1918 года, он после войны стал литератором. Перу Александра Александровича принадлежат книги «Сотрудник ЧК», «Тихая Одесса», «Разведчики», «Операция «Дар», «Обманчивая тишина», многие рассказы и очерки. А. А. Лукин живет в Москве.

Двадцать три года отделяли собравшихся в нашей кают-компании от событий, описанных во «Львовском аккорде», срок, за который вступает в большую жизнь целое поколение. Трудно передать радость этой встречи, радость людей, чья боевая дружба родилась в суровой борьбе со злейшим врагом социалистической Родины, дружба, окрепшая и возмужавшая в самых тяжелых испытаниях, которые только могут выпасть на долю человека. А когда слышало волнение первых минут встречи, начались рассказы о былом, о пережитом. Рассказы эти во многом дополнили «Львовский аккорд».

Александр Александрович обвел взглядом боевых товарищей и, не скрывая гордости, сказал:

— Перед вами сидят обыкновенные, казалось бы, люди. А ведь о них складывают легенды...

С чего начинал наш особый отряд? Семьдесят парашютистов с одним только легким оружием двадцать пять лет назад, летом 1942 года, опустились во вражеском тылу. А когда мы заканчивали боевой путь, нас было две тысячи человек, с пулеметами, минометами, артиллерией. Сто восемнадцать боев записано в нашем дневнике и ни одного поражения. А это было непросто. Мы помним бой в юбилейный день — 8 ноября 1943 года, когда была разгромлена карательная экспедиция «мастера смерти» генерала Пиппера. Фашистов и полицейских было в несколько раз больше, чем нас. В тот раз мы уничтожили около шестисот гитлеровцев, самого Пиппера смертельно ранили... А сколько было совершено диверсий и актов возмездия над гитлеровскими саграпами в Ровно, Луцке, Львове и других городах! Нет такого уголка в нашей стране, где не слышали бы имя нашего разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Почему отряду оказалось по плечу совершить все это? Потому, что подобралась в нем замечательные советские люди, патриоты, воспитанные партией и комсомолом. Люди, не знавшие ни страха, ни упрёка...

Александр Александрович заканчивает рассказ теплыми словами в адрес «воскресших» боевых товарищей. Понемногу, не вдруг удается разговорить Степана Петровича Пастухова. Возможно, сказывается давняя привычка не очень-то рассказывать о боях «невидимого фронта». Одно слово — разведчики...

— Разведка — дело непростое и кропотливое, — говорит Пастухов. — Вот, скажем, план подземных коммуникаций. Подо Львовом речки в трубах текут, как, например, Неглинка под Москвой. Канализационные трубы проложены, водопровод. Я по специальности инженер коммунальной службы и многое знал, конечно, но на карту нам было нужно нанести все абсолютно точно, иначе грош цена этому плану.

Цельными днями мы с Кобеляцким и Межбой ходили по городу, от люка к люку, все выходы и колодцы примечали. А потом уже дома я все данные в книжечку заносил...

Степан Петрович сохранил эту книжечку и привез с собой

в Москву. Это карманного формата сильно потертый немецкий солдатский календарь на 1944 год. Портреты Гитлера и его приспешников, крикливые лозунги, хвастливые статьи о непобедимости фашистского оружия. А между строк и на полях — понятные только самому Степану Петровичу короткие, в несколько букв, пометки карандашом. Зашифрованная информация.

— Вот Степан говорит: «Ходили по городу», — вступает Виктор Тимофеевич Межба. — Но ведь это не по мирному Львову разгуливать. Не раз и не два шпика прилипали, и Степану порой приходилось «унижать» их «любопытность». Город, особенно центр, прямо-таки набит был в последние месяцы гитлеровцами. Патруль за патрулем, проверка за проверкой, облава за облавой. Очень даже просто попасться можно было. А Степан с Михаилом ходили, все примечали не боясь. Особенно трудно ребятам стало работать после одного события...

— Однажды, в начале февраля, — продолжал Пастухов, — мы с Мишей Кобеляцким проходили неподалеку от оперного театра. Вдруг видим: возле театра остановился серый «фиат». Смотрю: Грачев (а мы Кузнецова только как Грачева знали) выходит из машины. В двух шагах от нас прошел Николай Иванович, глазами с нами встретился, но виду, конечно, не показал. Мы с Мишей поняли, что Грачев в театр не случайно приехал — уж много туда высоких чинов собирается, и решили далеко не уходить, чтобы в случае необходимости помочь ему. Так до конца совещания и дежурили возле театра. Больше мы Кузнецова не видели, а через четыре дня узнали, что убиты вице-губернатор Бауэр и начальник канцелярии Шнайдер. Мы поняли, что Николай Иванович даром времени не терял.

Ну, а после этого фашисты все въезды и выезды перекрыли, объявили пятидневный траур и, конечно, розыски по всему городу. Работы мы не прекращали, но каждую минуту ждали облавы и вспоминали с Мишей, как чуть не попались на квартире Панчика, где мы жили, приехав во Львов.

на стр. 71 ►

УРАНОВЫЙ ГОРОД

В. ГУБАРЕВ

Говорят: «атомный век».

Известно: мирный атом работает на электростанциях, чей удельный вес в энергетике быстро возрастает; он лечит злокачественные опухоли; с его помощью можно опреснять морскую воду; без него невозможны многие научные исследования.

Кладовые ядерной энергетики лежат глубоко под землей. Мне довелось побывать там. Так возникли эти заметки об урановой шахте, об урановом заводе и о том, как живут и работают сегодня горняки.

Когда-то удивительное зрелище открывалось путнику: среди зеленых лугов текла река, желтая, как золото.

Но не это принесло славу необычной речке. В апреле 1648 года привел на ее берега восставших крестьян и запорожских казаков Богдан Хмельницкий. Здесь и ждал, пока подойдет авангард польских шляхтичей под предводительством Стефана Потоцкого. Здесь и произошла битва при Желтых Водах, положившая начало освобождению Украины.

До сих пор разбросаны по степи курганы — вечные памятники павшим воинам. Насыпанные казацкими шапками, они возвышаются над полями, и низкий поклон отвешивают им идущие на работу крестьяне.

А речка пересохла. Рассказывают, что на ее берегах было закопано Потоцким награбленное золото... Но другое богатство нашли люди в этой священной земле. Оно дороже всех мифических кладов — УРАН.

23 мая 1957 года горняцкий поселок Желтая Река, возникший на берегах исторической речки, был переименован в город Желтые Воды. Теперь это город, где добывается уран.

КАК ЛЮДИ СПУСКАЮТСЯ ПОД ЗЕМЛЮ

«В тот ранний час никого, кроме шахтеров, нет на улицах поселка, как на поле боя нет никого, кроме воинов, — перечитываю я «Донбасс» Бориса Горбатова. — Зато шахтеры — везде. Со всех сторон сходятся они к шахте. Гуськом, по бесчисленным тропинкам идут они через степь; спускаются с холмов, переходят балки, где в одиночку, где группками, кто — торопливым шагом, кто — даже бегом; но все это по-утреннему молча, даже как-то сурово, торжественно; громких голосов нет, разговоров и смеха не слышно, только изредка раздаются возгласы приветствий — как переключки часовых в тумане. Чем ближе к поселку, тем все больше густеют шахтерские цепи. Что-то грозно-воинственное есть в этом движении черных людских толп через степь, может, оттого, что все движется в одном направлении, словно связанные общим тайным согласием, единой волей и одной целью.

Их спецовки давно уж не были ни новенькими, ни чистенькими, они повидали виды, от них крепко пахло углем и шахтой, как от шинели бывалого солдата пахнет порохом и окопом...»

Рано утром, когда еще ночь не совсем отошла и ее тени лежали за углами домов, мы вышли на улицу. По темному, еще сырому асфальту двигались фигуры людей. Они шли молча, изредка перебарываясь фразами, образуя слитный поток, движущийся в едином направлении к одной и той же цели.

Но вокруг стоял город, а степь была где-то далеко за ним; и проходили автобусы — это ехали на работу шахтеры с окраин. И не было грязных спецовок, а белоснежные рубашки придавали толпе нарядный вид.

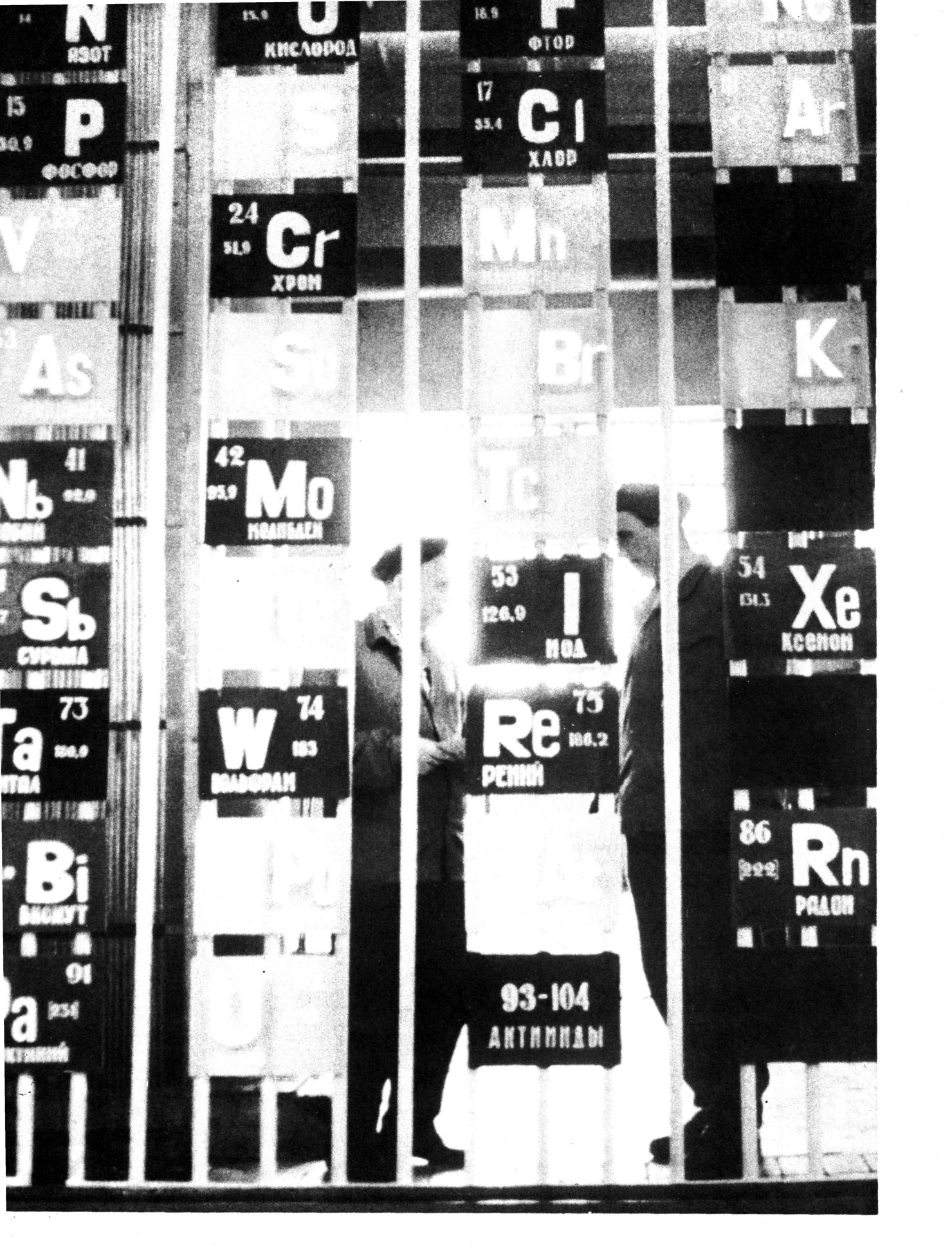
— Как в театр идут... — угадал мои мысли знакомый горняк. Мы разговаривали с ним вчера о житье-бытье сейчас и в тридцатых годах, когда он впервые пришел на шахту. — Я помню, тогда выступали агитаторы на митингах, — продолжал он, — и говорили нам, что придет время, когда на шахту не в грязных портках и куртках ходить будут, а в лучших своих костюмах. Не верили мы им, посмеивались между собой...

Он замолчал. Прикоснулся рукой к шляпе, приветствуя очередного знакомого, и зашагал дальше, легко и торжественно.

Впереди вырисовывался контур копра. Гигантские колеса наверху его крутились навстречу друг другу, словно соревнуясь, кто быстрее. Шахта ждала горняков.

Люди проходили к ней мимо клумбы с цветами и скрывались за дверью двухэтажного корпуса, контуры которого едва проглядывали сквозь зелень деревьев. А с другой стороны здания они выходили уже иными. Это уже были другие люди, и облик людского потока тоже был другим. Защитного цвета спецовки, каски, пристегнутые к поясам аккумуляторные батарейки и электрические фонари придавали им столь необычный вид, что я невольно сравнил их с летчиками, уходящими в стратосферу.

Шахтеры урановой шахты уходили под землю.

14 N
азот

15.0 U
кислород

16.0 F
фтор

17.0 Ne
неон

15 30.9 P
фосфор

17 35.4 Cl
хлор

Ar
аргон

18 V
ванадий

24 51.9 Cr
хром

Mn
марганец

K
калий

33 As
мышьяк

Se
селен

Br
бром

42 95.9 Mo
молибден

Tc
технеций

54 131.3 Xe
ксенон

51 Sb
сурьма

55 126.0 I
йод

74 183 W
вольфрам

75 186.2 Re
рений

73 186.9 Ta
тантал

81 Bi
висмут

86 [222] Rn
радон

83 [208] Po
полоний

93-104
АНТИМОНЪДЫ

ОГЛЯНЕМСЯ НАЗАД

В День шахтера на городском стадионе был праздник. Его открывала колонна шахтеров, которая под овации переполненных трибун совершала круг почета. Впереди шли прославленные горняки города. Среди них Андрей Андреевич Головатый.

Сорок пять лет прожил в Желтых Водах Головатый. Целую жизнь. Я спросил его:

— Что-нибудь осталось от прошлого в городе?

— Только воспоминания, — ответил он, — и старая шахта «Капитальная». Даже не верится сейчас...

Он рассказывал о прошлом, я видел это прошлое его глазами, но так оно не вязалось с теперешним видом города, с улицами, над которыми деревья сомкнули кроны, с современными домами, что получался уж слишком хрестоматийный контраст. Но из истории, как из песни, слов не выкинешь. Так было. Где-то внизу, у самой речки стоял барак, в каких на шахтах Криворожья до революции обычно жили горняки, в каких они жили и потом, пока молодая Советская страна не набрала экономической силы. Окна лежали на земле, пол был на метр ниже. Деревянные нары без матрасов и простыней служили им кроватями. Сбитый из досок ящик заменял обеденный стол. Семейные отгораживались от остальных полотняной ширмой. Но никого из смертельно уставших горняков не беспокоил тоlosистый рев младенца. В их ушах даже во сне слышался стук обушков и лопат.

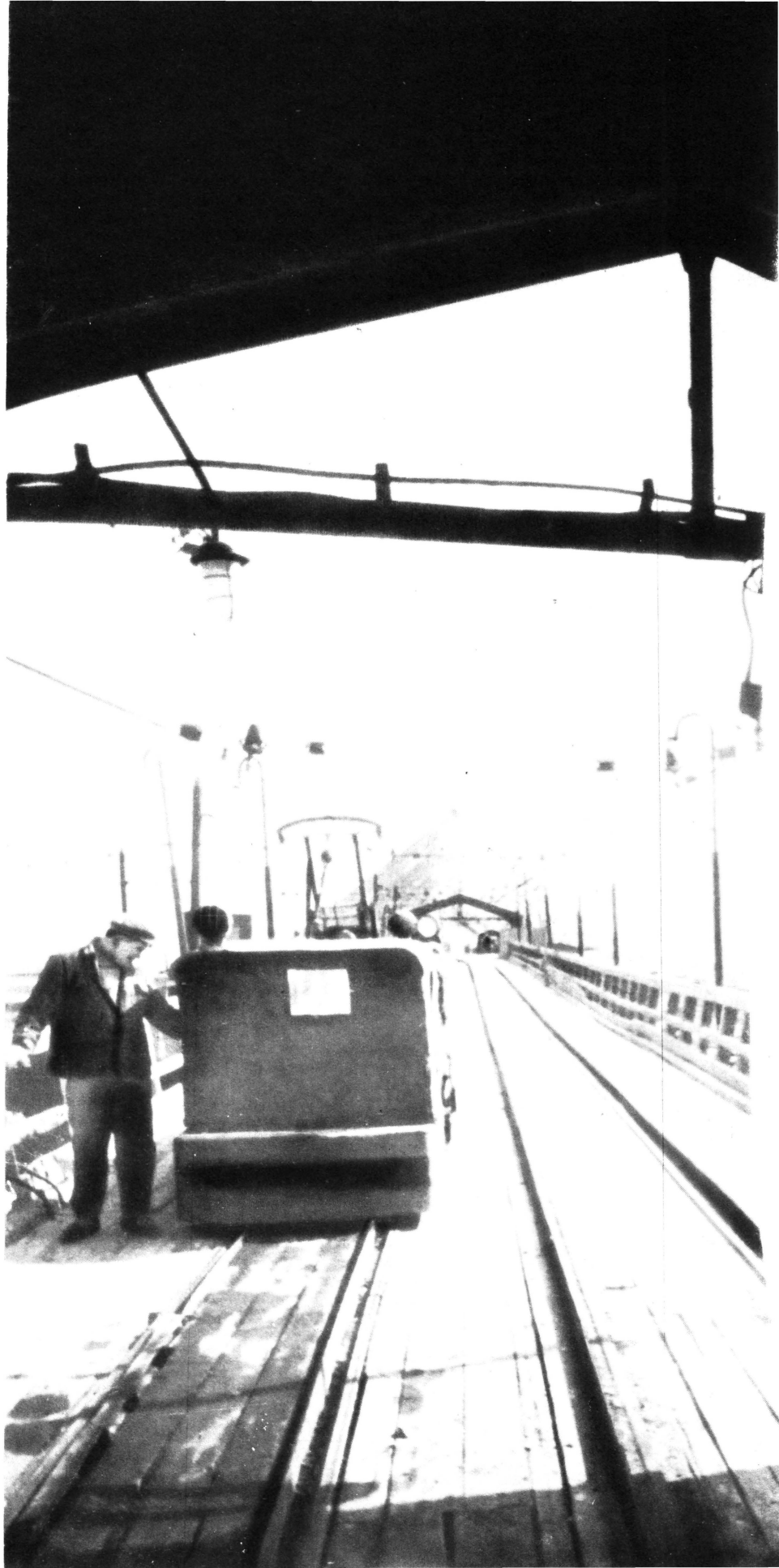
Рано утром они просыпались. Натягивали не успевшую высохнуть за ночь спецовку и шли к карьеру. По скользким деревянным ступеням уходили шахтеры под землю, чтобы оттуда на своих спинах вынести куски руды.

На открытие образцового барака собрались все жители поселка. На него смотрели, как на чудо, потому что в длинном глиняном доме стояли кровати, хотя и без пружин, но железные, были простыни, подушки, набитые соломой, и даже говорило радио.

— Когда вспоминаешь прошлое, — говорит Андрей Андреевич, — почему-то в голову лезут пустяковые случаи.

— Какие?

— К примеру, о верблюдах. Пекарни у нас тогда не было,

хлебом нас снабжал некто Карпиков. Звать как его — не помню. Приехал этот Карпиков из Средней Азии и привез с собой двух верблюдов. Воду и муку на них возил. Сильно мы удивлялись тогда на верблюдов. Ничего, добрая была скотина. Нашу грязь — осенью и весной поселок в болото превращался — месили, и хоть бы что. Лошадь не всегда пройти могла, а верблюды возят себе воду и возят.

И я вновь вспомнил «Донбасс» Горбатова. Весь пафос книги — в яростном отрицании оставшихся в наследство от прошлого диких условий существования горняков. В ней Горбатов показывает, как в тридцатом году шел спор, нужен или нет в шахте транспорт, чтобы подвозить людей к забую. Каким удивительным после обушка созданием техники казался тогда отбойный молоток. Как в ужасе бежал и от шахты и от горняцкого труда герой книги — комсомолец, как он затем нашел в себе мужество для другого, единственно верного решения — менять окружающее! Как в горниле технического перевооружения Донбасса, в жестокой борьбе за новую жизнь начали раскрываться великие возможности человека, его красота, его сила...

Я видел копер шахты «Капитальная» — первой шахты Желтых Вод, тогда еще железорудного месторождения. Пустые глазницы прилегающих к нему зданий смотрят на мир отчужденно. Все оборудование, которое еще можно использовать, вывезено. Старая шахта — первенец Желтых Вод отслужила свой век.

ОБ УГОЛЬНОМ ПЛАСТЕ, МАШИНЕ И БЕЛЫХ ТУФЛЯХ

«Он полз во тьме, ничего не видя, не понимая, извиваясь всем телом, как червяк, и больно стучаясь то коленками о какие-то стойки, то головой о совсем низкую кровлю. А впереди и сзади него, так же стучаясь, пыхтя и сопя, ползали все. И Андрей невольно подумал, что вот так же, как они в пласт, вползает, вероятно, и червяк в древесину дуба, через выточенный им же самим и для себя «ходок», еле заметный человеку. Думает ли при этом червяк, что это он покорил дерево, что он царь природы?»

Так Борис Горбатов описал впечатления своего героя при первом спуске в шахту. То был 1930 год. — Говорят, некоторые люди шахты боятся. Вам когда-нибудь было страшно под землей? — спросил я там, наверху, Андрея Андреевича Голова-того.

— Знаю, боятся, — последовал ответ. — Со мной впервые пошел в шахту паренек один. Новичками мы были, а значит, первое испытание на клети. Как нас тогда проверяли? Просто очень. «С ветерком» клеть вниз бросят: испугаешься или нет? Так вот мой дружок так перепугался, что больше в шахту не пошел. В другие края тогда подался.

По-настоящему страшно мне было лишь один раз. В 1938 году стряслось у нас несчастье. Технических грамотных людей еще не хватало, и случилась ошибка. Большие пустоты образовались в породе. Произошел обвал. Это было в конце смены. Бурил я в вертикальной выработке. Услышал шум, удивился, потому что взрывов не должно было быть. Потом погасла у меня «карбидка». Спустился я вниз, встречаю товарища, спрашиваю: «Что случилось?» Он ни-

чего не ответил и побежал к стволу. Я за ним. А там уже люди собрались. Многих обвал задел, кому руку, кому ногу повредило... Волна настолько сильная прошла, что груженные вагонетки друг на друга налетали, а некоторые даже разбилось... Но потом уже никогда таких несчастий не было. Все изменилось. Да что говорить, сейчас в шахте можно в белых праздничных туфлях пройтись, не запачкаешься.

— Не преувеличиваете? — усомнился я.

— Точно! Не везде, конечно, а по рудничному двору наверняка пройдете. Сами увидите.

...Клеть остановилась мягко, едва заметно. В лицо хлынул такой яркий свет, что я зажмурился.

На рудничном дворе было пустынно. Туннель уходил вдаль, две нитки колен, вытянувшись в прямые линии, терялись в глубине. Своей шириной, своими белыми стенами туннель напоминал метро.

Андрей Андреевич нисколько не преувеличивал: по рудничному двору можно было пройтись в белых туфлях. Тротуары здесь бетонные: дерево на юге дорого, да и выходят из строя деревянные настилы быстро. И потому, хотя бетонные настилы стоят дороже деревянных, в конечном счете эта «роскошь» окупается.

Когда рудничный двор остался позади и у стеклянного шара, на котором было написано лаконичное «Переход», мы пересекли рельсовый путь, стало темнее. Мы приближались к рудному телу. Свет от наших шахтерских лампочек причудливо играл на стенах. Бетонный тротуар кончился — здесь его не успели сделать. Пригодились и резиновые сапоги: кое-где попадались лужицы.

Штрек грохотал. Из скалы, как козырьки, торчали лотки. По ним струилась руда. Но пыли не было. Когда мы подошли ближе, увидели: рудосмачивается струйками воды. Из-за этого она казалась черной, словно уголь. Это была урановая руда.

Мы прошли дальше — туда, где идет добыча. Желтые Воды — передовое предприятие, сюда едут учиться с других рудников. И я был готов увидеть технику, посредством которой ведется добыча, достойную «атомного века». И все же мои ожидания оказались превзойденными.

За поворотом стоял «подземный танк» или, как его называют официально, «подэтажная каретка на гусеничном ходу». На моих глазах танк легко развернулся в штольне и подполз к ровной, чуть ли не отполированной стене. Вдруг машина раздвинула «руки», они закрутились и впились в скалу. Все окутали клубы водяной пыли. Машина вгрызалась в породу. И такими яростными, целенаправленными и точными были действия машины, что она казалась одушевленной.

«Танком» управлял один человек.

Много других машин я видел в руднике. Я видел, как «сами собой» нагружались и разгружались управляемые дистанционно вагонетки. Как без участия человека, автоматически шла выгрузка руды на поверхности. Как с помощью специального комплекса бурят шпур, закладывают взрывчатку, чтобы взрыв выполнил роль горняка — вырывал руду из тела земли.

Многое было достойно восхищения, но я был подготовлен к тому, что встречу с очень высокой степенью механизации. Я был подготовлен к этому очерками и статьями о добыче угля, железа, соли — кто из нас, к примеру, не слышал о горнопроходческих

угольных комбайнах? И все же я отчетливо чувствовал, что здесь, в урановой шахте, я вижу одну из вершин прогресса горнодобывающей техники. Что завтра так, или примерно так, будет всюду, где сегодня этого еще нет. И что шахтер Бориса Горбатова отделен от меня целой эпохой. Но пройдет, может быть, всего несколько десятилетий, а то и меньше, и эта потрясающая техника тоже будет «вчерашним днем», потому что ей на смену придут полностью автоматизированные рудники, где человек уже не работает под землей, а управляет всем с поверхности. Рядовой горняк тогда будет иметь дело даже не с «подземным танком», а с телемеханикой, электроникой, кибернетикой.

И ведь будет это!

СТРАНИЦА ИЗ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ КНИГИ

Первая встреча с заводом, где обогащают руду, состоялась ночью.

Когда мы вошли в цех, директор завода Владимир Филиппович Семченко сказал:

— Вот наш «урановый сад»...

Я так и не понял, что он имел в виду: то ли выходящие растения на стенах, то ли гигантский аквариум, где среди водорослей мелькали золотистые карасы, то ли причудливые сплетения труб, емкостей, колонн и установок — они действительно напоминали фантастический сад. И как деревья в лесу, эти громоздкие сооружения из металла жили — слышалось легкое потрескивание, невнятные шорохи, далекий гул.

Завод работал.

Мы стояли неподвижно, пораженные феерическим зрелищем. Огромный зал, ионообменные колонны, улетающие ввысь, как корпуса ракет на старте, и крошечные фигурки людей у их подножия. Это стояли мы, ночные пришельцы. Мы казались здесь совсем лишними, потому что нигде не было видно людей. Казалось, завод работает сам по себе. Как хорошо налаженный часовой механизм.

Директор словно угадал мои мысли.

— Однажды к нам приехал крупный инженер по цветной металлургии. Прошелся он по заводу и говорит мне: «Мне кажется, что я читаю фантастическую книгу. Настолько у вас непривычно...»

Мне тоже казалось, что я попал в другой век. И тем поразительнее были для меня слова главного технолога комбината Семена Григорьевича Михлина: то оборудование, которое видел восхищенный гость, уже заменено новым — такими темпами развивается завод. А сейчас даже это, новое, уже не удовлетворяет главного технолога.

Не удовлетворяло Семена Григорьевича, к примеру, вот что. В главной диспетчерской — огромной комнате, стены которой были заставлены измерительной и контрольной аппаратурой, стоял посередине стол. За ним сидел человек. Один. Около сотни приборов — и один диспетчер. Отсюда можно было определить все: как работает любая установка, каковы уровни в емкостях, процентное содержание урана в растворе и количество истраченной кислоты, которая выносит уран из руды, расходы воздуха, воды, реактивов — все, что происходит на огромном заводе. Здесь был его «мозг».

Нас уже не удивляет один диспетчер у пульта электростанции. Но тут был завод, где руда, прежде чем стать ураном, должна претерпеть около сотни тончайших технологических операций.

— Это нас не очень устраивает, — сказал Семен Григорьевич Михлин. — Сюда нужно посадить электронную вычислительную машину. Это не занятие для человека следить за шкалами приборов и нажимать кнопки...

— Именно так выглядит завод будущего в некоторых фантастических романах, — подсказал я.

— Но ведь это неправильно. Нажимать кнопки утомительное и неблагоприятное занятие. В нем нет ничего творческого. А машина к тому же по этой именно части надежней человека. И надо, чтобы человек здесь был не при машине, а ее хозяином.

— Это фантазия еще, — спустил нас с небес на землю Семченко. — Где они, надежные и хорошие датчики съема информации для такой машины?

Таких датчиков не было — это я понял из разгоревшегося спора.

— Все равно, товарищ журналист, — завершил спор Михлин, — запишите. Скоро на заводе появится электронная вычислительная машина. Назовите ее как-нибудь красиво. Например, «электронный диспетчер». Сойдет?

«Электронный диспетчер» так «электронный диспетчер»... Конечно, он появится, так как это закономерная ступень автоматизации такого вот производства. Ну, а люди этого производства? Как изменятся они?

Я было хотел достать блокнот, чтобы записать, какое сейчас образование у рабочих завода (выяснилось позднее, что принимают сюда только со средним), сколько изобретателей и как конкретно его руководители представляют себе будущее завода, ведущее к стиранию различий между физическим и умственным трудом.

Но тут я увидел в одном из цехов периодическую таблицу элементов. Она тянулась от потолка до пола.

— А вы что ж, ожидали здесь увидеть таблицу умножения? — перехватил мой взгляд Семченко. — А вот мы еще и формулы дадим и схемы на стене повесим. Не цех, а классная комната! Пусть так. У нас в главной диспетчерской рабочие дежурят, так знать они должны не меньше инженера...

Некое затаенное лукавство в голосе Семченко не позволило мне принять его объяснение за чистую монету. И кажется, я понял, в чем дело. Таблица тут декоративный элемент оформления, как и растения, как и аквариум, но функция у нее иная. Стройная красота периодической системы Менделеева, лаконичное совершенство формул доступны лишь тем, для кого наука уже стала частью жизненного уклада. Так красоту шахматных комбинаций может ощущать лишь опытный шахматист.

По какой-то ассоциации я вновь вспомнил те слова Горбатова о шахтере, ползущем по узкому лазу. Никому бы в голову не пришла идея «украсить» его рабочее место вот таким образом. А если и пришла, выглядело бы это чудовищной насмешкой. Здесь же эта эстетика была естественной, закономерной. Здесь, на заводе, не просто работают, и даже не просто учатся, — наука тут уже неотъемлемая часть производства. И техническое творчество тоже неотъемлемая часть производства...

...Желтые Воды лежат среди равнины. Но этот город — один из пиков сегодняшнего дня. Далеко — и вперед и назад — видится оттуда. Кем был горняк, кем стал горняк, кем будет горняк. Как работал человек, как работает сейчас, как будет работать. Чем он жил и чем живет...

Очень хочется увидеть, какими станут Желтые Воды через десять, двадцать, пятьдесят лет...

Исполнена есть
земля дивности...

ФОТО А. ЛЕХМУСА

Искусство со стороны своего содержания — есть выражение героической жизни народа». — писал великий русский критик В. Г. Белинский. И, восхищаясь творениями древнерусских мастеров, мы видим в них не одни лишь образцы непреходящей красоты, но и памятники великой истории нашего народа.

Успенский собор в Коломне, например, воздвигнут в честь славной победы на Куликовом поле, собор Новодевичьего монастыря в Москве построен в память освобождения Смоленска, двадцатидвуглавая Преображенская церковь в Кижях стала символом победы русского народа в Северной войне XVIII века...

Этот перечень можно продолжить бесконечно. Советские ученые с каждым годом открывают все новые и новые шедевры древнерусской архитектуры, живописи, скульптуры, в которых отразились многие события истории Руси. Достаточно сказать, что если

в 1909 году было известно всего около 40 архитектурных сооружений X—XIII веков, то теперь — более 150.

В нашей стране принимаются действенные меры по охране, реставрации и наиболее целесообразной эксплуатации памятников истории. Недавно Совет Министров СССР принял решение о создании туристского центра в Суздале. Теперь тысячи и тысячи людей, приезжающих любоваться жемчужиной русского зодчества, смогут жить в древних постройках, переоборудованных под гостиницы, слушать музыку в старинном соборе, который станет своеобразным концертным залом...

По инициативе ЦК ВЛКСМ и Государственного комитета по гражданскому строительству и архитек-

«...ТО ЧУДУ ПОДОБНО...»

туре проектируется создание таких же туристских центров во многих других древнейших городах страны. В ближайшее время такой центр намечено создать и в Ростове Великом.

В старинных постройках Ростовского кремля — в Красной палате, Доме на погребках, Доме у часовни и в Патриарших палатах — молодые архитекторы и художники под руководством известного ученого Владимира Сергеевича Баниге воссоздадут обстановку ушедших времен, восстановят произведения искусства, созданные руками народных мастеров.

И в этих делах — выражение ленинской заботы об охране памятников истории и культуры, их активном использовании в воспитании патриотизма.

А. СВЕТЛИКОВ,
Управляющий делами ЦК ВЛКСМ

В Ростове Великом все дороги ведут в Кремль. Улицы тянутся к нему покорно, как на поклон, — чтобы, коснувшись его стен, уйти вспять, унося с собой безмолвный рассказ о чуде.

...Было это в давние времена. Легенды не помнят лет. Только однажды в полночь Ивану безродному приснился чудный сон. Озеро приснилось — с ласковой волной, небо синее — с мягким облаком, и берег — с жемчугом трав. И стоит на том берегу чудо-город. Плывет по-над озером белый, как лебедь.

Проснулся Иван и пошел обходить Русь — то озеро искать. Долго ходил. И нашел. Та же волна — ласковая, берег — с жемчугом, небо — с мягким облаком. Исполнена есть земля дивности, а вот города — нет. Только крепость маленькая на холме. И стоит человек. Спрашивает:

— Кто ты?

— Иван.

— Зачем пожаловал? Душу какую принес — добрую иль усталую?

— Добрую, — отвечает Иван. — Хочу славы этому месту и Руси.

— А что ты можешь?

— Все.

И поставил Иван город, какого не было еще...

Легко и светло рождаются легенды, трудно и медленно начинаются каменные летописи. Говорят: это время, уходя, делает прошлое прекрасным, а творения его — драгоценными. Может быть. Но собор, построенный в Ростове еще в X веке «от дровес дубовых», ушедший пламенем в небо спустя сто семьдесят лет, рассыпанный пеплом по ростовской земле, уже для современников был «чудный и зело преудивленный...», ибо такого не бывало никогда и неизвестно, будет ли...»

На пепелище встал новый. Каменный. Но «от неискusstва» одного из строителей у него обвалились своды. И опять поплыли по речке из-за острова по ласковой волне барки с белоснежным камнем. Вставала церковь «о четырех великих лба и самая великоглавая». Клади ее лишь из каждого девятого камня!

Но огонь не пощадил и ее. Пала великоглавая. Сухо треснули белокаменные плиты, оплавилась бронза, святые на росписях сгорели вместе с грешниками, и раскаленными струями сбежала на землю свинцовая кровля.

Но снова пришел в эту землю человек, который может все, и снова поднимались соборы и великоглавые церкви. Опальный архиепископ Иона строил себе дом. Знал ли он в XVII веке, что возводит Ростовский кремль? Неведомо. Иона скоморошничал в письмах: «на своем дворишке лью колокола велика, смеются людюшки»... А тем временем росла «велика каменна колокольня», и Филипп Андреев со своим сыном Киприаном да Федор Терентьев лили «будничный Лебедь — в 500 пуд», «Полиелейный» — в тысячу, «Сысой» — в две. Шестнадцать тысяч крепостных — шестнадцать тысяч мастеров — возводили кремль: в древней Руси почти всегда творец был и исполнителем и всегда исполнитель — творцом. Шестнадцать тысяч, имен которых никогда уже не скажут белокаменные страницы. Кто они — «Иван Ширый с братией» да «Бажан Огурцов со товарищи»?

...Трудно и медленно пишется каменная летопись, каждая страница которой — легенда. И скользит по ласковой волне озера медленный туман, и кажется: истает он над жемчугом трав и исчезнет с ним чудо-город. Но вот уже бегут по теплой белизне стен тени, и лучи солнца, высвечивая одну плиту за другой, очерчивают темную глубину каменной резьбы.

Стоит город, нареченный Великим теми, кто сложил его и берег веками.

И бережет поныне.

...Это было уже в 1953 году. В тот день не было синего неба, и берега с жемчугом, и ласковой волны. Ветер свистел в бойницах, и деревья бились кронами о стены. В вихре меркла и пропадала белизна кремля, и казалось, звенели в звоннице без звонарей колокола, и вот сейчас уйдет, сорвавшись, в землю великий «Сысой», как ушел Царь-колокол, и тогда вслед за ним, пропев жалобно медью, рухнут «Полиелейный», «Лебедь» — все тринадцать!

Ураган хлестал башни. Хозяничал в каменных склепах и переходах. Рушил вековую кладку и раздвигал арки. И не было ему на равнине большего врага, чем кремль.

Но когда унеслась ночь и усталые соборы встали из темноты — люди пришли в свой кремль. Они вновь клали стены, перекрывали башни... Случайно под тесовой кровлей был найден почерневший осиновый лемех — деревянная черепица. Это подтвердило давнюю догадку: когда-то башни были крыты деревом. По всей стране искали искусника, помнившего, как колоть из дерева чешую кровель. Из далекой Карелии пришел мастер Мышев... И снова башни кремля стали такими, как сотни лет назад.

Так читают каменную летопись — трудно и медленно. Читают, стараясь дойти до каждого ее слова. Ибо эта плывущая над озером белокаменная сказка создана той великой гордостью за землю свою, что завещана нам от века. И спроси молодых мастеров, работающих ныне в Ростове — архитекторов, инженеров, каменщиков, резчиков, — тот человек из легенды:

— Какую душу принесли сюда, добрую ли? За чем пожаловали?

Они отвечают:

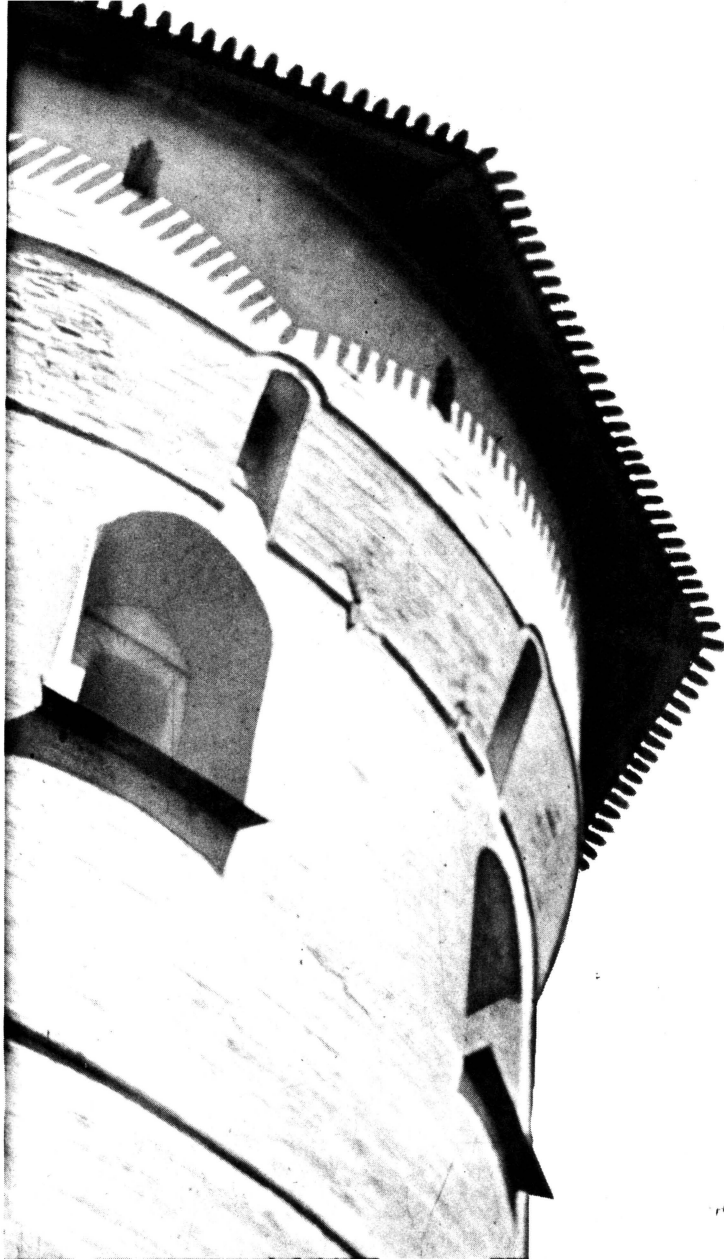
— Добрую. Хотим славы этому месту и всей земле нашей.

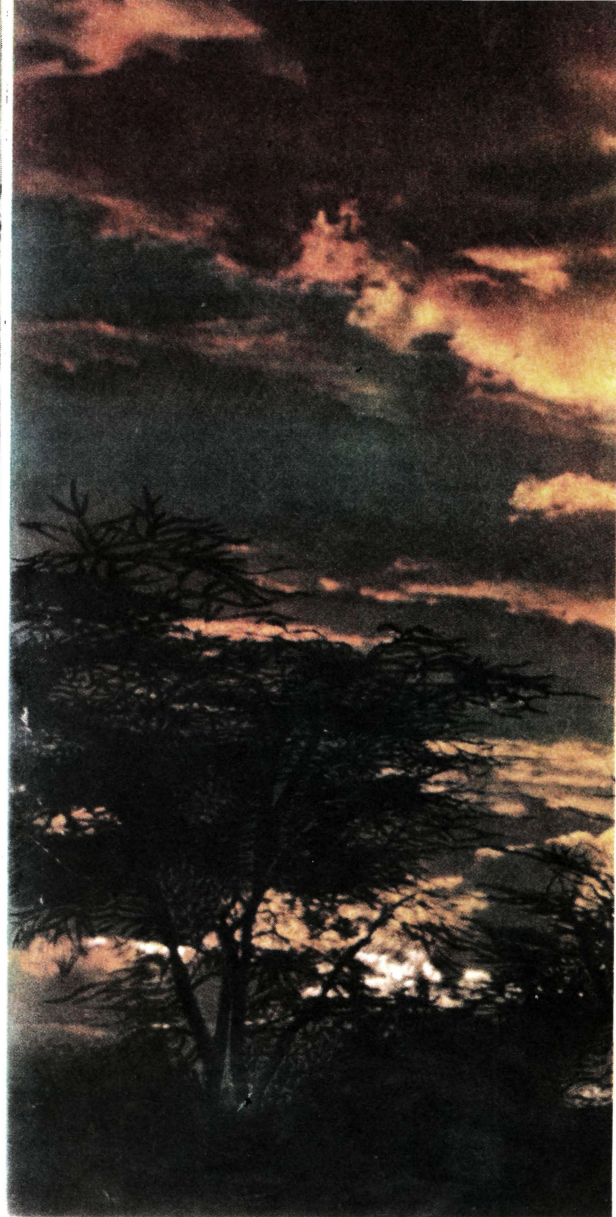
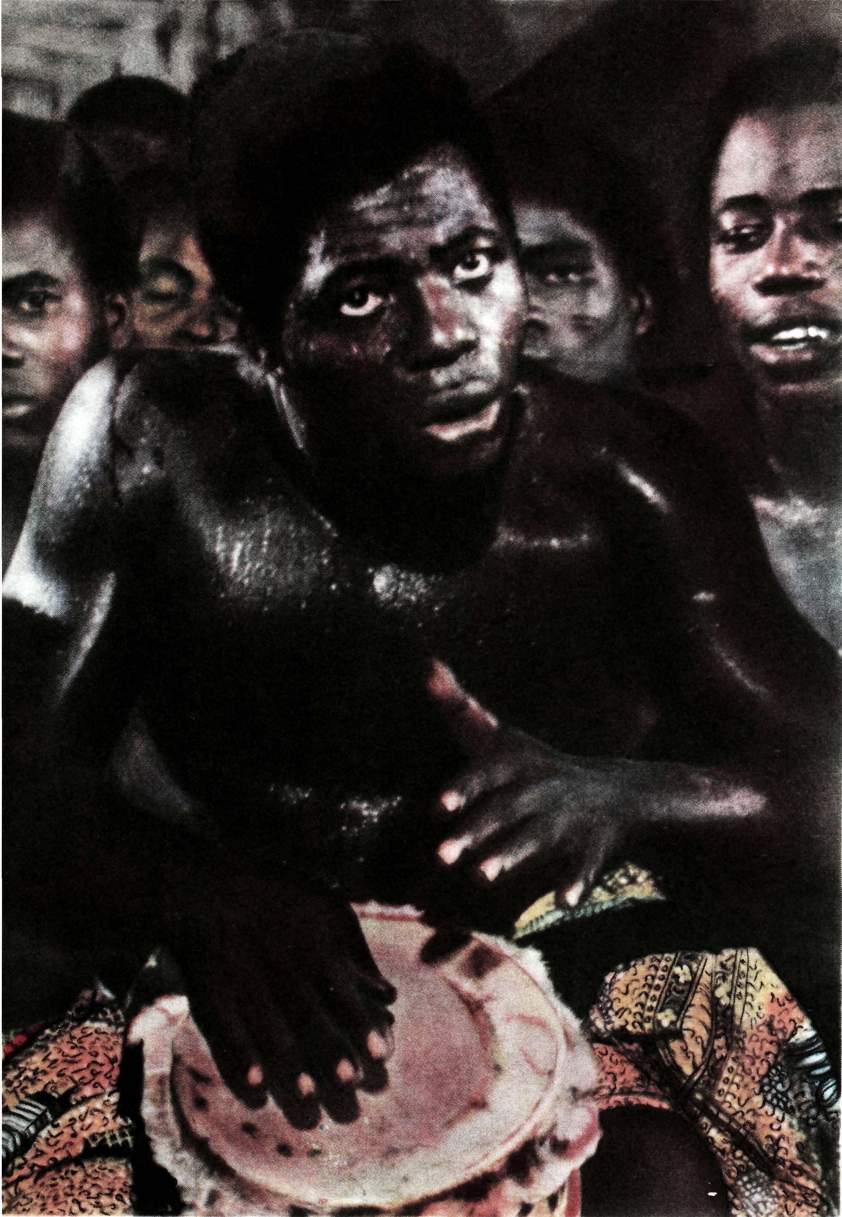
— А что вы можете?

— Все.

Ю. ЛЕКСИН

Фото В. ГОРЧУКОВА

А. ХАЗАНОВ,
кандидат исторических наук

СЛУШАЙТЕ!

В конце прошлого века воины Махди — вождя восстания в Судане — взяли Хартум. Английские войска в панике бежали из города. И тогда понеслась из деревни в деревню, над саванной и над джунглями барабанная дробь. В тот же день весть о победе достигла Сьерра-Леоне — страны, расположенной за многие сотни километров от Судана на берегу Гвинейского залива.

Европейцы, жившие в Сьерра-Леоне, тоже узнали о падении Хартума, правда, узнали значительно позже, когда корабли доставили им изрядно устаревшие газеты.

...Барабаны распространены по всей Африке. Насчитывают десятки основных типов и сотни их разновидностей. От самых маленьких — погремушек, диаметром всего в несколько сантиметров, до огромных, двухметровых нгома. Но боль-

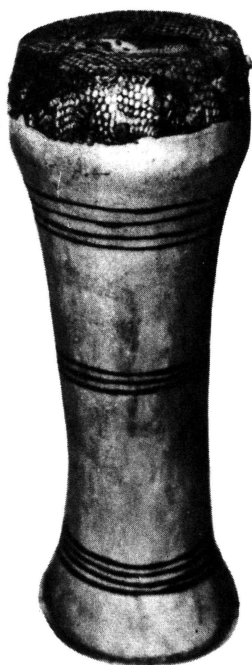
ГРЕМЯТ БАРАБАНЫ...

ше всего распространены барабаны средних размеров с одной мембраной, известные в Европе под общим названием: тамтам.

Самый простой барабан — высушенную шкуру, распяленную на четырех столбиках, — еще и сейчас можно встретить на юге и востоке Африки. У бушменов и готтентотов барабан представляет собой бамбуковый обрубок или деревянный сосуд. На дне этого сосуда налито немного воды, а горло

затянуто вымоченной бараньей шкурой. У народов банту, живущих в Южной и Центральной Африке, это огромный котел — нгома, выдолбленный из мягкого дерева. Внутри барабана нгома для резонанса кладут несколько камней. Отверстие затягивают мягкой шкурой.

В большие барабаны бьют дубинками, в маленькие — руками. Впрочем, в каждом районе Африки своя манера игры...

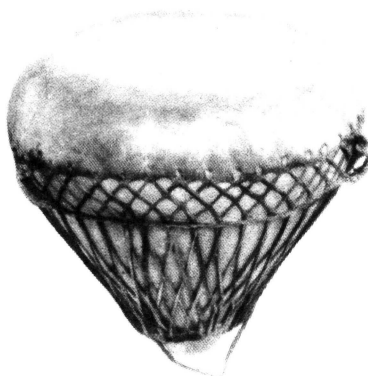
Сого (Зап. Африка).

Нконг (Зап. Африка).

Клодзио
(Центр. Африка).

Твене (Зап. Африка).

Без барабанов в Африке не обходятся ни свадьба, ни рождение ребенка, ни похороны. Даже болезни знахари «изгоняют» тревожными, резкими звуками.

И все же наибольшую славу и известность приобрели говорящие барабаны. В каждой деревне тропической Африки есть один, а то и несколько общественных барабанов. В Конго и Анголе они называются — локоле, в Гане — дондон, в Нигерии — ганган, в Того — леклеву. Каждый из них издает звуки различных диапазонов и служит для передачи сведений из деревни в деревню. Едва начав строить деревню, африканцы первым делом устанавливают барабан, а уж потом начинают возводить хижины.

Барабаны говорят. Их рассказ люди понимают на расстоянии многих километров. Причина тому — своеобразие африканских языков. Скажем, в русском языке, да и во всех европейских, как бы мы ни произносили слово, высоко или низко, обрывисто или плавно, оно всегда будет иметь один смысл. Не так в языках Африки, где между разговором и музыкой тесная связь. Одно и то же слово приобретает разный смысл в зависимости от тона отдельных слогов и ритма всей фразы. (Поэтому в науке эти языки и называются «тональными».) Говорящие барабаны как раз и передают тональную канву предложения, понятную каждому африканцу.

Длинные сообщения, состоящие из многих «фраз», африканец разбирает так же легко, как телеграфист дробь азбуки Морзе. В языке барабанов существуют целые стереотипные предложения, «код» которых известен всем соплеменникам. Уважаемые и влиятельные люди имеют особые «барабанные» имена, которые передаются от отца к сыну.

Барабан — предмет особых забот всей общины. Далеко не в каждой деревне живет мастер, который умеет делать инструменты. У шиллуков и динка из Южного Судана, да и у многих других народов эти мастера кочуют из одной деревни в другую и всюду встречают радушный прием. Хороший барабан стоит не дешево. За самый рядовой нгома отдают быка.

Барабаны из экспозиции Музея антропологии МГУ, Института Африки и из коллекции И. М. Забелина.

Многие племена обожествляли барабаны и приносили им жертвы. Вполне естественно, что уважением пользуются в Африке не только барабаны, но и барабанщики. Некогда придворный барабанщик входил даже в число приближенных многих африканских владык вместе с самыми высокими сановниками. Кстати, стать профессионалом в этой области можно только после долгих лет весьма нелегкой учебы. В Замбии, например, отцы покупают сыновьям первый барабан, когда ребенку не исполнилось еще и шести лет. Сначала ребенок учится отбивать простейшие ритмы, потом начинает «брать уроки» у барабанщика и ассистировать ему. Когда учитель «ведет передачу», мальчик-ученик ловко орудует палками, просунутыми между ремнями, которыми крепят шкуру-мембрану, то повышая, то понижая тон звука.

Лет двести назад один лишь барабанный телеграф разносил вести по Африке. У народа ашанти он созывал на защиту границ воинов (подобно колоколам в средневековой Европе) с округи в четыреста миль. В Конго барабаны передавали в XVI веке повеления царя, и они быстро становились известными в самых отдаленных уголках страны.

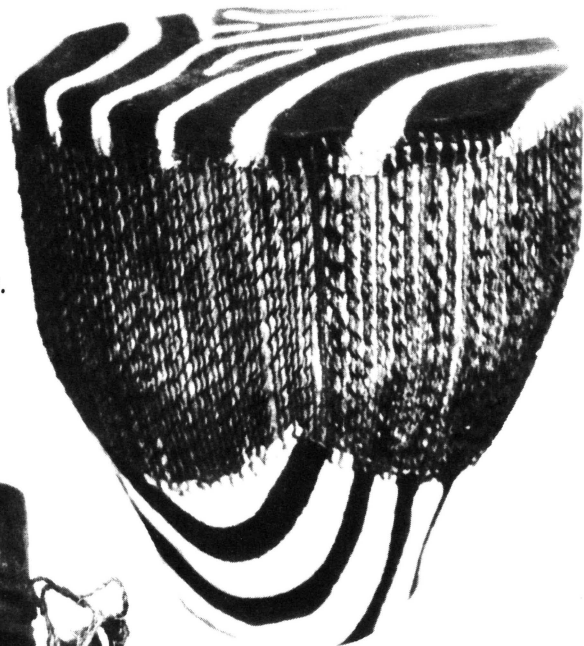
Конечно, радио, телеграф, телефон получают все большее распространение и в Африке. Но ритмический разговор барабанов и сейчас еще можно услышать по берегам Конго и Нигера, в суданской саванне и джунглях Анголы...

О барабанах сегодняшней Африки мы попросили рассказать трех журналистов-международников, которые провели на этом континенте не один год и хорошо знают жизнь его народов.

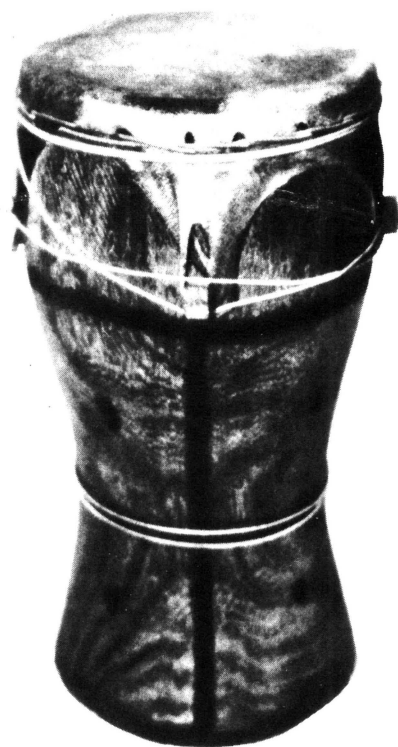
ИДУТ ПАРТИЗАНЫ

Ливень хлестал нещадно. Казалось, что мгновение — и ты захлебнешься. Из вывернутых наизнанку туч вываливались водопады. Проходили часы, а мы все двигались вперед, все проталкивались через плотную пелену дождя. Потом, когда стало совсем невмоготу, упали в хлюпающую земляную жижу и долго лежали в темноте. Перекинутые за спины автоматы мерно колыхались в такт тяжелому дыханию. Нас было трое. Четвертые сутки шагали мы по джунглям «португальской» Гвинеи. Мы шли к партизанской базе и сбились с тро-

*Асиведи
(Зап. Африка).*

Клобото (Вост. Африка).

*Леклеву
(Центр. Африка).*

Каган (Зап. Африка).

пинки. Пришлось ждать рассвета, коротая ночь в джунглях. Ветер неистовствовал, продираясь сквозь деревья. В небе дрожали зарницы и рокотали раскаты грома. Вдруг до нас донесся какой-то новый звук — он явно диссонировал с ревом стихии. Казалось, вдалеке кто-то неторопливо опустил гигантскую колотушку на туго натянутую кожу исполинского тамтама. Затем через равные промежутки времени звук повторился еще дважды.

— М'Джамба, — обратился я к другу, — ты слышишь?

— Да.

— Это стучат в барабаны?

— Э, нет. Это бьет орудие из португальского гарнизона.

Бьет орудие. Самый обычный обстрел сектора из осажденного португальского гарнизона...

...Наутро отыскивали потерянную тропу. Два часа пути — и база. Скидываем мокрые разорванные кеды, бросаемся на циновки и моментально засыпаем. Но спать мне пришлось недолго. Кто-то решительно трясет за плечо. С трудом раскрываю веки — стоит рядом М'Джамба, улыбается: «Послушай. Сейчас это Он».

Из глубины леса доносится мерный, ритмичный звук: «Раз-раз, раз-раз, раз-раз». Все ближе и ближе. Хватаю камеру и босиком — какие там кеды! — к выходу. Вижу — колонна. Идут партизаны. А впереди — горнист и барабанщик. Горнист отдыхает, и все равняют шаг по звуку барабана: «Раз-раз, раз-раз!» Наверно, его слышно далеко кругом. Может быть, даже в португальском гарнизоне.

«Раз-раз, раз-раз!» Тише! Слушайте, как звучат барабаны сегодняшней Африки!

О. ИГНАТЬЕВ

ДИСПЕТЧЕРЫ

НА ТАМТАМАХ

В Мали апрель — самый жаркий месяц. Поэтому мы постарались выехать еще до рассвета, используя относительно прохладные (что-то около тридцати градусов в тени) ранние утренние часы. Наша пара «лендроверов» держала курс из города Мопти, расположенного в среднем течении Нигера, к знаменитому среди знатоков старой Африки уступу Бандиагара, застроенному, словно ласточкиными гнездами, деревушками догонов. В старые времена добраться до уступа было очень трудно. Немало дней уходило на переход по безводному плато. Догоны, укрывшиеся на уступе от воинственных соседей и отрядов работорговцев, сохранили до

наших дней свои древние обычаи в чистом виде. Это-то обстоятельство и сделало племя «любимцем» этнографов.

Наши «лендроверы» добрались до уступа часа за три-четыре. Дорога (или скорее то, что называлось дорогой) обрывалась у входа в природный тоннель. Он вел в догонское селение Санга. Мы вышли из машин и тотчас двинулись к кромке трехсотметрового обрыва. На десяток километров проглядывалась с уступа выжженная саванна. Дрожь раскаленного воздуха размывала очертания гор. Догонские домики с квадратными крышами толпились у их подножья. Огромные деревья высились у редких источников. Откуда-то сверху доносился четкий барабанный бой.

— Передают о вашем приезде... Созывают танцоров на сегодняшний праздник... — «перевел» ритмы старый малийский ученый Сидибэ, сопровождавший нас в поездке.

...Карабкаться по козьим тропам обрыва высотой в стоэтажный дом трудно в любую погоду. А при сорокаградусной температуре в тени (да и этой-то «жаркой тени» было очень мало) такая прогулка становилась тяжким испытанием. Почти изжаренные, мы спустились к подножью. Осмотрев деревню и поговорив с одним из старейшин, мы узнали, что интересные достопримечательности Санги — «дворец» вождя и кладбище — разместились на стене обрыва: дворец метрах в ста над деревней, а кладбище — под самым козырьком уступа. И вновь мы лезем по раскаленным камням на отвесную стену.

Несколько раз в самые «критические» минуты, когда, казалось, не хватит сил хотя б на один шаг, чуть не из-под земли появлялся догон с большим калесом родниковой воды на голове. Мы вдоволь пили и даже смывали пот с лица и шеи. А когда после восхождения мы ползли обратно на плато, то очередной водонос встретил нас на маленькой теневой площадке с ящиком бутылочек темно-коричневой кока-колы, привезенной нами из Мопти.

— Как же нас все-таки находили среди скал? Откуда доставляли нам воду? — любопытствовали мы у фельдшера, работающего в Санги на медпункте.

— Им рассказывали барабаны, — объяснил он. — Все время, пока вы здесь находитесь, идут «барабанно-телефонные» разговоры. Снизу легко увидеть, где вы ползете. Сигнал подается вверх или человеку у источника, и ближайший к вам водонос отправляется навстречу.

«Диспетчеры» на тамтамах очень помогли нам, без их «телеграмм» вряд ли бы мы смогли одолеть Бандиагару...

В тот день догоны впервые познакомились с людьми из страны, пославшей в тот месяц того года первого человека в космос. Об этом великом событии в апреле 1961 года уже знали и в глубине Африки...

В. КОРОВИКОВ

Читайте в двенадцатом номере журнала третий, заключительный, очерк кандидата исторических наук Л. В. ШАПОШНИКОВОЙ из серии, посвященной племенам Индии, — «Гадаба».

ЛЕОПАРД И КОНСЕРВНАЯ БАНКА

Музей в Кумаси славится своими коллекциями. Тут и бронзовые гири в виде мифических животных для взвешивания золотого песка, и собрание африканской деревянной скульптуры — куклы «акваба» с дискообразными головками, изображения духов зла «обосом», резные троны вождей ашантийских кланов. И конечно, масса разнообразнейших барабанов — от «говорящих» гигантов до игрушечных барабанчиков.

Сюда обязательно приходят все, кого интересует культура гордого и воинственного народа ашанти. Я не раз бывал в музее, меня уже хорошо знали там и иной раз старались удивить чем-то новым.

Как-то, когда мы гуляли по саду вместе с одним из работников музея, из-за буйных бугенвилей в двух шагах от нас раздался рык леопарда. Я вздрогнул. Хотя появление леопарда здесь, в городе, было немислимо, но... Свирепый рев хищника повторился.

Не знаю, что бы я предпринял, если бы не увидел улыбку на лице спутника. Он что-то крикнул, и из-за деревьев вышел мужчина в национальном костюме — кенте, напоминающем тогу. Под мышкой у мужчины был барабан. Подойдя ближе, он опустил инструмент на землю, сделал неуловимое движение рукой, и барабан вновь рыкнул леопардом...

...Многие обряды ашантийцев запрещено видеть непосвященным. Вот перед началом церемоний барабан рыком леопарда и предупреждал слишком любопытных: смерть ожидает любого, кто нарушит запрет.

С таким грозным предупреждением спорить не приходилось. Я вспомнил об этом забавном эпизоде совсем не случайно. В Африке поражает органичность бодрого ритма барабана для всего уклада жизни, для самой природы африканца. Африканец не может обойтись без барабана.

На углу Баундэри-род и Фаррар-авеню в Аккре в квартале торговцев и мелких ремесленников, стоит небольшая мебельная мастерская.

Как-то раз под вечер мне понадобилось заехать в мастерскую. На деревянном ящике у ворот сидел мальчуган лет восьми. Между коленей он зажал объемистую жестяную банку из-под машинного масла и упоенно выстукивал по ее дну двумя кривыми палочками какой-то танцевальный ритм. А рядом плясала маленькая девочка. Малышка — ей было лет пять — точно следовала за сложным ритмом народного танца. Большие глаза девочки сияли, в мочках ушей прыгали золотые колечки серег. И она и мальчишка забыли обо всем на свете.

Эта музыка, этот танец запечатлелись в моей памяти. И прежде всего потому, что эта уличная сценка характерна для всей аккрской жизни — ведь то же я видел в районе обездоленных — Ниме, где вооруженные канистрами, бочками из-под керосина и деревянными ящиками ребята создают свои «оркестры», видел и у бродячих акробатов и во время любых народных празднеств. И разве не тот же ритм рвется из больших барабанов, сопровождающих торжественные выходы вождей под пестрыми зонтами?

Консервные банки, канистры, ящики лишь по воле обстоятельств приняты городской беднотой в семью музыкальных инструментов. Старейшинами же в этой семье по-прежнему остаются барабаны...

В. ИОРДАНСКИЙ

Вокруг нас была ночь. Долгая черная полярная ночь. Скучная, как одиночество. Студеный ветер со свистом облетал свои владения, крутя и перекладывая снега из ложбины в ложбину и наводя одному лишь ему ведомый порядок. В Мончетундре жила тогда только одна семья ненца, больше никого в этом огромном крае не было. Зима и ночь...

И еще камни. Они возвышались громадными глыбами, подставляя бока ветрам, лежали валунами, прикрытые шапками снегов, и уходили под землю россыпями — еще полужакомыми, манящими. Они звали. И на знамени нашей маленькой экспедиции был начертан вечный девиз геологов: «Вперед за камнем!»

Все, что случилось дальше, легко походило бы на чудо или игру провидения, если бы... Если бы мы были первыми. Но еще до нас десятки экспедиций уходили в «геологический рай» — в Хибины. Советская страна производила широкий учет богатств земных недр. И постепенно, день за днем накапливались все новые и новые данные: находки становились открытиями, открытия располагались в ряд, щедрым и закономерным, как таблица Менделеева. Уже наметились пояса полезных ископаемых, и закон их распределения и сочетаний позволял предсказывать: да, в тундре должен быть никель и именно там, куда мы прорывались сквозь снега и полярную ночь на двенадцати оленях.

Это было в конце тридцать первого года. Ферсман, Соседко и я выехали в Ленинград, получили снаряжение — «буржуйку», двое нарт, химикаты; в Сиесте взяли Пароделова — подрывника. И вот Полярный круг был уже позади. Ночь стелилась вокруг нас, плотная, бескрайняя, и ветер гулял по тундре свеями, невидимыми во тьме, но слышными: то с тонким и злым посвистом, то мягко и певуче.

Скала, которую мы искали, открылась перед нами густком темноты, и олени замерли. Компас больше был не нужен, разве что для возвращения, — его подрагивающая стрелка уже привела нас к месту первой стоянки. Мы сделали шалаш, и я пошел за корьем, чтобы растопить дрова. Возвращаюсь и вижу — сидят мои друзья, наклонившись к костру, и на сковородке пекут блины. Печурка раскалилась докрасна, высвечивая красноватое пятно на талом снегу.

— Откуда же вы взяли муку? — удивился я.

Они засмеялись.

— Это «блины» не из муки. Из динамита.

Оказывается, если динамит замерзнет, он может взорваться, поэтому его нужно разогреть. Это бы-

ло мое первое знакомство с динамитом. Стали жарить «блины» вместе. В шалаше было уже тепло, и очень приятно стало сидеть вот так посреди полярной ночи в маленьком, но обжитом уголке и слушать свист ветров. Не буду лукавить, мне не верилось еще, что здесь, в снежных владениях одной ненецкой семьи, может быть что-то большее, чем наш шалаш.

Между тем Пароделов обследовал скалу и заложил под один из выступов первый «блин». Грохнул взрыв. Снег взметнулся в ночи, и звук уныло унесся в тундру. Он не вернулся эхом, так и затерялся где-то во выюге.

Ферсман взял образец и склонился над микроскопом. Мы стояли молча, зная, что вот сейчас, в эту секунду, он смотрит в глубину темнеющей скалы, в самые ее недра. Это был оливин, желтовато-зеленый минерал, взявший название у плодов далекой южной оливы, такого же оливкового цвета, но еще холодный, стылый, как окружающая нас тундра. Камень, который выходит на поверхность земли из далеких недр, чтобы сказать людям: вы можете искать здесь платину, никель, хром... Ищите!

Ферсман оторвался от микроскопа, взял минерал в руку и очень мечтательно и тихо произнес:

— А знаете, здесь будет заложен город...

Хотелось верить. Тогда, в полярной ночи, в холоде мы услышали эти слова, и они тронули нас. Но мы засмеялись. До того странно было говорить здесь о городе.

— Не смейтесь. Город будет. И в теннис будут играть, и яхт-клуб будет...

Это был удивительный человек! Тучный, солидный — и, представьте себе, иногда он летел кубарем в снег и так смеялся, как могут смеяться, пожалуй, только дети. И он обладал изумительной способностью уходить от всего мелкого, вот так уйти — и позвать оттуда, из своего города, всех стоящих рядом с ним.

— Будет город!

...Я приехал в него шесть лет спустя. Здесь был уже небольшой завод, работающий на том месторождении, которое открыл Ферсман. Были улицы и дома с номерами. Правда, дом № 81 стоял среди таких же домов, а восемьдесят девятый был в лесу — он только намечался, и к дереву была прибита дощечка с его номером. Тенниса еще не было. Но был футбол. В столовой продавали шампанское и апельсины. В этой столовой я выпил за здоровье Ферсмана, за его оптимизм.

А в пятьдесят шестом году я получил приглашение от Кольского филиала Академии наук и приехал на празднование 25-летия Мончегорска. Это был прекрасный город. Дома со всеми удобствами, огромные магазины, театр, кино. И самое главное — никелевый комбинат, давший жизнь всему этому великолепному городу. Я жил в нем и все вспоминал тот кусок минерала оливкового цвета, лежавший в руке Ферсмана, — еще холодный, стылый, как окружающая нас в то время тундра.

Камень с округлым и теплым названием — оливин.

ПАВЕЛ ЛУКНИЦКИЙ

**Из летописи
ОКТАБРЯ**

Мы давно покинули бы этот колодец, если бы не верблюды (они должны были прийти именно сюда). Во-первых, в воде колодца содержалась английская соль. Привыкнуть к ней невозможно. Каждый день английская соль оказывала на нас свое лекарственное действие: мы стали черными и худыми, как факиры.

Во-вторых, пески вокруг колодца уже обследованы. Всюду, куда можно добраться на машине или пешком, мы побывали. В белых и розовых впадинах между песчаными грядами на местах древних озер, на берегах Узоя мы нашли множество стоянок первобытного человека.

В двадцати километрах от нашего колодца, за песчаными грядами тянулась цепь такыров. Когда-то они были озерами, и вполне вероятно, что по берегам озер жили первобытные люди. Но там еще, как говорится, не ступала нога археолога, и мы мечтали туда добраться. Ради этого мы и пили английскую соль, ожидая свидания с верблюдами.

До того ни одному из нас не приходилось иметь с ними дела. Никому, кроме меня.

Как-то на плато Устюрт мы сбились с дороги. К счастью, нам попался паренек верхом на верблюде. Мы спросили, как проехать к метеостанции. Паренек слез с верблюда и начал размышлять. Кажется, он советуется с верблюдом. Он ставил верблюда и так и сяк. Наконец верблюд застыл, как памятник, а паренек показал на его хвост и произнес: «Туда!» В это время верблюд передвинулся, паренек задумался и вздохнул: «А может, и не туда. Знаю дорогу ногами, руками не знаю».

Мы показали ему карту. Паренек поднес ее к глазам и вздохнул еще горестнее: «Глазами тоже не знаю».

Тогда его усадили в машину: вдруг он все-таки отыщет дорогу. Верблюд остался. Двугорбый лохматый красавец с черным чубом, ниспадающим на правый глаз.

Мне пришла в голову тщеславная идея: сфотографироваться верхом на верблюде.

Я занес ногу между верблюжьими горбами и взгромоздился на «корабль пустыни». Фотограф без лишних объяснений понял мою идею и приготовился снимать. Остановка за малым: нужно заставить верблюда подняться. «Тур (вставай)!» — крикнул я по-узбекски. Верблюд притворился, что узбекского не понимает. Я и кричал, и уговаривал, и трепал его голову, и бил его пятками по бокам. Верблюд не шевелился. В конце концов я собрался бесславно слезть с него, поставил правую ногу на землю — и вдруг увидел высоко над собой, между лохматыми горбами, свою левую ногу. Я грохнулся о землю, раздался щелчок фотоаппарата, верблюд

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

КОСМАТЫЕ ЛЕБЕДИ

Рассказ

поглядел на меня с высоты наглым глазом из-под черного чуба и презрительно сплюнул в сторону.

Возможно, снимок получился, но меня он как-то не интересовал.

Вспоминая эту историю, я в глубине души надеялся, что верблюды не придут.

Наконец настал день, когда все мы, включая даже меня, ощутили странное для столичных жителей чувство: больше без верблюдов мы жить не хотим и не можем.

Верблюды появились среди ночи и ничем не возвестили о своем приходе. Во всяком случае, когда мы проснулись, два верблюда уже лежали напротив нашей палатки, а Марианна, начальница отряда, в легком цветастом сарафане, беседовала с невысоким, по-зимнему одетым человеком.

Верблюды на сей раз одногорбые, без хулиганских чубов и по сравнению с моим прежним знакомцем почти голые. Лишь на кончиках горбов, обвисших, как пустые мешки, моталось по длинному клоку черной шерсти.

«Косматый лебедь каменного века», — вспомнил я строчку Заболоцкого. Лежащие верблюды и вправду похожи на лебедей. Особенно одногорбые. Обе верблюжьих морды повернулись ко мне. «Кажется, смиренные», — с облегчением подумал я.

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

— Ну, Валька, — обрадовала меня Марианна, — ты у нас специалист по верблюдам. Так что первым с ними отправишься ты. Познакомься. Это наш проводник Джума Дуошев.

Передо мной стоял невысокий человек неопределенного возраста, в большой черной папахе, в ватной куртке, в ватных брюках и мягких остроносых сапогах. Куртка была подпоясана ремнем, на котором висели нож и какие-то мешочки, тремя веревками разной толщины и черным резиновым шлангом. Джума приветливо улыбался из-под мохнатой шапки, и у меня отлегло от души: с ним не пропадешь.

— Верблюжий шофер, — представился Джума по-русски и расхохотался.

Еще больше я обрадовался, когда узнал, что в поход идет наш топограф Дима.

— Задача такая, — объяснила Марианна. — Пройти сколько можно в сторону больших такыров, по направлению к колодцу Ислам-Кую. Пройти и к вечеру вернуться. Нужно испытать верблюдов и сработаться с проводником. Находки наносите на карту. Пишите на этикетках: «Поиск № 27».

Слово «поиск» стало теперь до тошноты красивым и возвышенным. А мы деловито писали его на пакетах с находками. Мы употребляли это слово в том же смысле, что и разведчики. Ведь то, чем мы занимались в песках, было археологической разведкой. У нас существовало и собственное определение: «Поиском называется задушевная беседа, сопровождающаяся археологическими находками».

На рассвете мы тронулись в путь. Груз на верблюдах небольшой: бочонок с водой, ящик для находок, лопата, брезентовый тент, немного продуктов. Джума с помощью своих веревок ловко приладил все это к верблюжьим горбам, сел на переднего верблюда, издал какой-то гортанный крик, верблюды встали и пошли, а мы двинулись за ними.

Мы поднялись на песчаную грядку и остановились. Дима вынул планшет с картой, положил на нее компас.

До Ислам-Кую мы, конечно, не доберемся. Но Дима не может ходить просто так. Ему обязатель-

но нужно выйти точно в какой-нибудь пункт. Красным карандашом он поставил на карте точку. Я знал, что упрямый топограф сделает все, чтобы мы угодили именно туда. Никаких отклонений вправо или влево, даже на десять метров. На сегодня эта красная точка стала смыслом и целью его жизни.

Джума знал, куда мы идем. Он бывал на Ислам-Кую. Ни о чем не спрашивая, он вел верблюдов вперед.

Гряды были еще не так высоки. Между ними встречались белые гладкие пятна такыров. Тут хозяином положения был я. Я то и дело просил Джуму остановить верблюдов, бродил по такыру, подбирая кремни. Встречались только отдельные камешки, когда-то принесенные сюда водой, размышей стоянку. Так называемые ножевидные пластинки, плоские снизу, а сверху граненые, как карандаш. Из них первобытные люди делали резцы, ножи, скребки и даже бритвы. Из крохотных пластинок, вложив их в обойму, можно было составить даже такое солидное орудие, как серп.

Джуме мое занятие, наверное, казалось странным: пригнать верблюдов в самое сердце пустыни, чтобы собирать камешки между песчаными грядами! Но раз люди приехали сюда из самой Москвы, раз они готовы для этого страдать от жары и пить соленую воду — значит, дело нужное.

И вот Джума задал мне первый вопрос:

— Откуда маленькие камешки, если больших нет?

Я объяснил Джуме, что много тысяч лет назад, когда люди не знали металлов, они почти всю свою работу делали вот такими камешками и для них не было ничего дороже маленьких кусочков кремня, которые доставляли сюда издалека.

— На верблюдах? — спросил Джума.

Верблюды не были еще приручены в то время. Я не знал, как сказать по-туркменски слово «дикий», и ответил Джуме примерно следующее:

— Верблюды жили отдельно от людей и бегали по пустыне, как джейраны.

Джума представил себе эту невероятную картину и расхохотался. В его воображении, должно быть, промелькнуло стадо угловатых верблюдов, враспынную убегающих от человека.

Мне же представилось ужасное зрелище: страшные горбатые гиганты гонятся за человеком в набедренной повязке, вот-вот растопчут его тяжелыми копытами.

Пока я собирал кремни, Джума тоже делал находки. Бережно сорвал какое-то колючее растение, положил его в мешочек. «Дару́ (лекарство)», — пояснил проводник. Заметил мелкие серебристо-зеленые листики пустынной акации, голыми руками выкопал из песка длинный прямой ствол, срезал его. Получилась прекрасная палка. Джума положил ее поперек верблюжьего хребта, сел, ноги через нее перекинул. Он очень удобно сидел на верблюде. Уютно и непринужденно, как на ковре.

Через много лет после этого похода на комбинате твердых сплавов я увидел набор белых керамических резцов. Ножевидные пластинки первобытного человека! Формы многих наших орудий были найдены еще в каменном веке.

...Верблюды лежат на песке, вытянув шею. Джума поглядывает на меня, на мои камешки, трогает рукою песок. Скоро песок нагреется настолько, что верблюдам будет больно

идти. Дима наносит на карту находки и молча злится. Из-за меня задерживается поход. Мы не успеем дойти до места, соответствующего красной точке, которую он поставил на карте. Зачем она нам? Ведь наша задача куда проще. Но спорить с этим фанатиком бесполезно. Можно подумывать, что он поставил на карту свою честь. В переносном и даже буквальном смысле слова.

«Косматый лебедь каменного века»... Как далек от нас тот первобытный мир! Позади в синей дымке сверкает солончаками сухое русло Узоя. А тогда он был живою рекой. Впереди песчаные гряды высотой с восьмиэтажные дома. Тогда их не существовало. А вон те светлые «пяточки» такыров, где я собирал камешки, были озерами и болотами. Кругом жили люди, цвели цветы, зеленел тростник, росли деревья. Говорят, среди них были даже березы. Во всяком случае, в шурфах находят березовую пыльцу.

Каменный век завершился блистательными успехами, хотя кое-где дотянул чуть ли не до наших дней. Люди, еще не знавшие грамоты, дошкольники мировой истории, заселили всю землю от Чукотки до мыса Доброй Надежды, от Огненной Земли до Гренландии, оставив на нашу долю разве что Антарктиду.

Оттуда, из того далекого мира, пришли к нам самые важные культурные растения и, кажется, все до единого домашние животные. В том числе и верблюды. Именно тогда люди научили их строиться в цепочку и безропотно тащить на горбу любые грузы и самого человека.

У Плутарха есть примерно такая мысль. Человек приручил отважных, благородных животных. И на первых порах сами животные помогали ему. Дикий конь или грозный бизон из интереса и любопытства позволяли людям приблизиться к себе. И даже шли им навстречу, чтобы ощутить прикосновение человеческой ладони, робкую ласку иного, высшего существа. А что, если Плутарх совершенно прав? Тянутся же к человеку добрые дельфины, наши будущие друзья и помощники.

Кто знает? Может, иные из животных прогадали и вместо дружбы, которой они искали, нашли иго, ярмо, узду. Может, и верблюд пока не дождался от человека всего, чего хотел.

Косматый лебедь каменного века,
Он плачет так, что слушать негу сил,
Как будто он, скиталец и калека,
Вкусив пространства, счастья не вкусил.

Во впадинах между песчаными грядами и даже на самих грядах иногда еще встречались следы вездеходов и тягачей. Но вот они кончились. С вершины гряды мы видели перед собой лишь волнистые гребни следующих гряд да черные точки выгоревших кустов.

Говорят, что из-за этих черных кустов пустыня и получила название Каракумы, что означает «Черные пески». Ведь на самом-то деле пески здесь желтые, а то и золотые.

Джума взглянул на наши лица и понял, что начиная отсюда власть полностью переменялась. Он оглянулся на последний след вездехода, обрывавшийся у гряды, захохотал, хлопнул верблюда по шее и радостно закричал:

— Давай, давай, машина! Верблюд — хорошая машина! Толкать не надо, тащить не надо!

Это было его царство — царство кумли, человека песков.

— Стоп! — сказал Дима. — Чуть правее. Вот на тот куст на той дальней гряде.

Джума помрачнел: мальчишка руководит им, человеком песков. За полтора часа он не сказал ни слова. Мы тоже молчали. Мы сосредоточенно карабкались по песку вслед за верблюдами. Иногда Дима забегал вперед и молча показывал направление. Меня уже начинало интересовать, что мы найдем в его крайней точке и чем она отличается от любых других точек в пустыне.

Перевалив через несколько гряд, мы оказались перед тем самым кустом, на который Дима указал издалека. Зоркий Джума сразу узнал этот куст, высохший саксаул, поставленный вверх корнями.

— Сигнал, — объяснил Дима. — Поставлен топографами, наверное, очень давно. Может быть, тогда, когда делалась эта карта.

Джума поглядел вперед с вершины гряды и с высоты верблюжьего роста и обрадовался:

— Правильно! Правильно!

Он узнал эти места и убедился, что Дима верно указал направление. Именно так и нужно было идти на Ислам-Кую.

— Где колодец? — спросил он у Димы.

Дима улынулся и показал вдаль:

— Вон там. Идти нужно часа четыре.

— Правильно, правильно! — снова закричал Джума. — Ты давно в песках?

— Первый месяц, — ответил Дима, — раньше никогда не был.

Джума нахмурился и замолчал. Даже по его спине можно было понять, что наш проводник смертельно обижен.

Его неприязненное молчание угнетало нас. Наконец я поравнялся с ним.

— Как дела, Джума-ага?

Джума не ответил. Я продолжал идти рядом, не отставая ни на шаг.

— Устал? — спросил Джума. — Хочешь, садись на верблюда? Нам с тобой тут делать нечего. Почему он такой нехороший человек?

— Как нехороший? — удивился я.

— Первый месяц в песках. Неправда! Откуда дорогу знает?

— У него карта, компас, — ответил я. — Он сам умеет карты делать.

— Он не смотрит на карту, — рассердился Джума. — Все инженеры, с какими я ходил, смотрели, этот не смотрит. Он здесь был, знает дорогу, а меня проверяет, как мальчишку.

— Мастер, — объяснил я. — Специально учился в Москве.

— Если мастер, — продолжал Джума, — зачем я нужен? Воду вам возить на верблюдах? Взяли бы верблюдов и любого чабана, я бы дома остался, с детьми.

Нужно было что-то делать, как-то утешить человека. Я рассказал обо всем Диме.

— Знаешь что, — предложил Дима, — давай устроим привал.

— Я не понимаю Джуму, — сказал я.

— А я понимаю, — ответил Дима. — Я бы на его месте тоже обиделся. Это я виноват, изобразил из себя этакого царя пустыни. А приятно все-таки: какой-то студент, первый раз в песках, а шагает по ним, как по улице Горького!

Джума сел на корточки, ждал, что мы будем делать. Мы повалились на песок. Очень хотелось пить, но шлангом была подпоясана куртка Джумы

— Джума-ага, дайте шланг, — наконец попросил я.

Джума с осуждением посмотрел на меня, но шланг отдал.

Понимая, что я действую не по правилам, что, начав пить, я только разожгу жажду, я все-таки сунул шланг в отверстие бочонка и стал с жадностью сосать солоноватую воду.

— Хватит пить. Иди помоги объясниться.

Дима подсел к Джуме, вынул из планшета карту и расстелил ее перед проводником.

— Вот, Джума-ага, карта. Смотри: Бала-Ишем, Давали, Талайхан-Ата, Кугунек, Ислам-Кую. Кто названия дал? Народ! Народ караваны водил, рыл колодцы. Кто делал карту? Может быть, мои учителя. Вместе делали! Вот посмотри. Видишь, как люди карту снимали? Вон на той горе сигнал — и там сигнал. Вон вышка, а там далеко — другая. Видишь вот эти точки на карте? Это вышки обозначены. Это люди делали до нас, такие, как я и ты. Без них не было бы карты, и я бы потерялся в пустыне. А теперь каждый может ходить по пескам, если, конечно, он что-нибудь соображает.

Джума встал, держа в руках карту. Он глядел то на нее, то на вышки.

И вдруг я увидел пустыню такой, какой никогда ее не видел. Она показалась мне чем-то вроде здания, с которого еще не сняты леса. И я представил себе такой же маленький караван, как наш, с ним идут люди, делающие карту. Повсюду следы их работы. И далекий триангуляционный знак вдруг показался мне треногой теодолита. Чудилось, что за ним стоит человек. Великан за великанской треногой, прищурившись, смотрит одним глазом в трубу геодезического прибора.

— Ну, а теперь веди сам, — сказал Дима. — Я не тебя проверяю, а самого себя. Ты не обижайся.

— Вы устали, садитесь на верблюдов, — предложил Джума. — Садитесь, садитесь!

Я взгромоздился на острый, тощий хребет верблюда чуть впереди горба. Верблюд встал, бока раздулись, мои ноги прилипли к ним. Голова верблюда пружинила на длинной шее. Я боялся, что верблюд нагнется и я скачусь по шее вниз. Джума оглянулся со своего верблюда.

— Хорошо?

— Хорошо, — ответил я лицемерно, а сам подумал: «Это тебе хорошо в ватных штанах!»

Вот уж не знал, что хребет у верблюда такой острый! Сидеть на нем было для меня настоящей пыткой. Я немножко отдышал, когда мы поднимались по гряде. Но всякий раз, когда верблюд оказывался на ее вершине, мне делалось страшно: казалось, я вот-вот свалюсь с этой высоты на тот дальний колючий куст. Наконец я не выдержал и крикнул:

— Я отдохнул, Джума-ага, спасибо, я хочу слезть! Пусть верблюд тоже отдохнет.

— Ничего, ничего, — ответил Джума. — Верблюд — хорошо. Верблюд не устал, верблюд любит, когда много груза. Если на верблюда мало положить, он ляжет. Сиди отдыхай.

Неудобно настаивать на своем, когда тебе от всей души желают добра. Моя пытка продолжалась.

Верблюды шли и шли, на ходу поворачивая головы и объедая встречные кусты. Но теперь, когда вер-

блюды тянулся к колючке, мне мучительно хотелось спрыгнуть с него или скатиться по его шее. Как я был счастлив, когда мы, наконец, встали на привал и я слез! Ноги мои превратились в какое-то подобие щипцов, я никак не мог свести их вместе. Так и ковылял. Джума посмотрел на меня и с сожалением щелкнул языком.

— Ай-яй, зачем сразу не сказал?

— Ну, вот и дошли, — сказал Дима. — Вот она, моя красная точка.

— Дошли, значит, до точки? — не удержался я.

Гряды в том месте, куда привел нас Дима, раздвинулись, дав место большой песчаной горе, заросшей кустами и сухими, колючими травами.

Мы хотели оставаться у подножья высоченной гряды, но Джума повел верблюдов на самый верх: вдруг ветерок повеет.

Пройдено ровно полдороги. Нужно переждать жару и повернуть назад.

— Джума-ага, дайте шанг.

— Не дам, — ответил Джума. — Холодная вода — плохо, чай будем пить.

Мы развели крохотный костер и поставили рядом с ним чайник. Чайник мигом вскипел. Консервы, когда мы вскрыли, были уже теплыми, почти готовыми к употреблению. Я совершенно не ожидал, что двумя кружками чаю можно утолить такую неимоверную жажду, но так оно случилось после обеда. Джума подогрел на костре пустые банки и остатками жира смазал свои сапоги.

Мы расположились под высоким кустом саксаула. С его тонких кривых веток свешивались вместо листьев длинные зеленые нити. Все это давало ажурную тень, куда не укроешься от солнца. Мы постелили тент и создали настоящую тень, обрядив саксаул во все свои одежды. Джума соорудил себе шалашик, уютно уселся в нем и о чем-то думал, а мы легли на брезент. Нашей тени не хватило на то, чтобы мы в ней поместились полностью, ноги остались на солнце.

Никогда не забуду этого полдня. Тяжелая дремота, хриплые стоны верблюдов. Тень потихоньку передвигалась, и мы, разморенные, измученные, ползли вместе с ней, как вялые личинки.

Но вот зной смягчился. Мы очнулись, стряхнули оцепенение. Снова ни с того ни с сего дружно заревели верблюды. Джума в той же позе сидел в шалашике, и только в руках у него была пиала с зеленым чаем. Он улыбнулся и пригласил к себе — пить чай.

Легко и быстро Джума нагрузил верблюдов, и мы отправились в обратный путь. На самом гребне песчаной гряды я подобрал лепной черепок, относящийся к железному веку, ко временам скифов и массагетов. Какой-то одинокий путник отдыхал здесь две с половиной тысячи лет тому назад. Гора в те времена уже была такой, как сейчас.

Жажда вернулась к нам с новой силой. На этот раз мы потеряли всякий стыд и гордость и забрали у Джумы шанг. Джуме даже не приходилось класть верблюдов. Мы умудрялись на ходу ловко попадать шангом в отверстие бочонка и тянули, тянули... Наглотившись отвратительного пойла, мы шли, опустив головы, не испытывая никакого интереса к тому, что нас окружало. Обратный путь есть обратный путь...

И вдруг неожиданная встреча. Наш путь пересекала наискосок странная компания. Верблюд, к которому прикреплены две рейки и тренога. По бокам двое мужчин, черные от загара. К их рукам привязаны бутылки с водой. Они шли, размахивая руками и бутылками. Сзади небрежно, как на прогулке, шагала женщина в дачном розовом платье.

— Куда? — спросила женщина.

— На Бала-Ишем. А вы?

— На Бала-Ишем.

И мы двинулись в разные стороны.

— Неправильно! — закричал Джума.

Женщина высокомерно повернула голову и сказала:

— Идем по азимуту.

— По азимуту, — бодро подтвердили мужчины, взмахнув бутылками.

И даже их верблюд как-то презрительно качнул рейками, привязанными к бокам.

Мужчины поймали бутылки на лету, приложили их к губам, как трубы, сделали по глотку, с шумом прополоскали рот и — о, пижонство! — выплюнули воду на песок.

В движении этих троих была такая уверенность, что мы с Джумой заколебались. Джума то и дело косился в ту сторону, куда направились наши коледи.

Я попытался догнать Диму, чтобы объясниться, но тот шел, не оглядываясь, и не давал с собой поворачиваться.

— Неправильно, неправильно! — закричал Джума.

— Что значит — неправильно? — проворчал Дима.

Я оглянулся. Джума приплясывал, сидя на верблюде, радостно махал руками и пел: «Два человека — два верблюда, два человека — два верблюда!» Ах, вот оно что: мы вступили в свои собственные следы.

Дима облегченно перевел дух.

— Я ведь тоже подумал, что мы можем промахнуть. Слишком уверенно идут эти артисты. Черт знает куда выйдут, если не остановим. Куст обойти бояться, чтобы не сойти с азимута. Носом по карте водят. Карту нужно держать вот здесь! — И хлопнул себя по лбу.

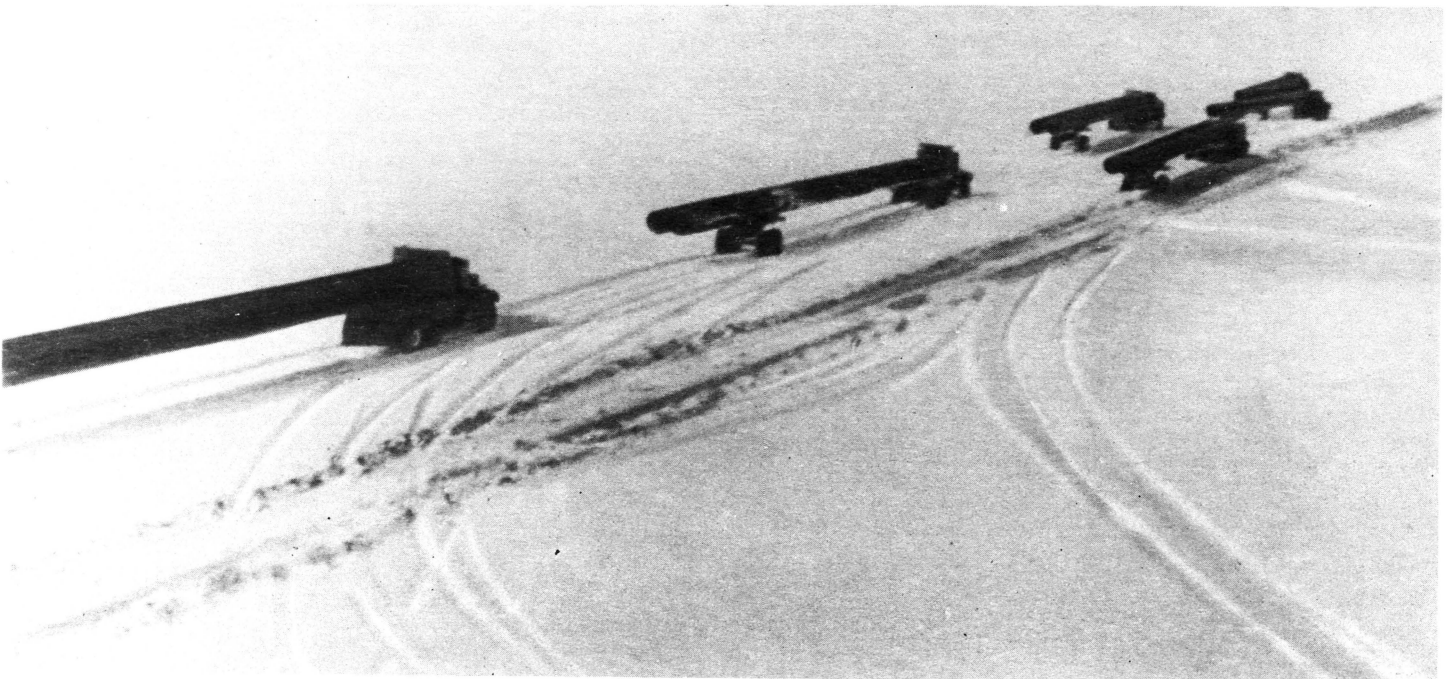
Мы взобрались на следующую гряду и дождались, пока снова не показалась компания, идущая по азимуту. Вот они смотрят на нас. В позе розовой женщины нерешительность.

— Неправильно! — закричал Джума с верблюда.

Компания повернула в нашу сторону. Первый шаг сделала женщина в розовом платье. Дима и Джума торжествующе перемигнулись. Они окончательно сработались!

Что же касается меня, то после этого похода я перестал бояться верблюдов, но больше никогда на них не садился. В конце концов можно приоровиться к их шагу. Ведь они идут примерно со скоростью четыре километра в час, и нужно только попасть в ритм и не сбиваться с него. И поэтому с верблюдами устаешь меньше, чем без них. Они облегчают вам путь, даже если вы не решаетесь на них садиться.

Прошло много лет, а я все помню этот «Поиск № 27». Грустно думать, что теперь уже никакая сила не может сделать так, чтобы мы снова оказались вместе: Джума, Дима, я и те два верблюда. Это несправедливо. Ведь мы замечательно сработались!

НА БЕРЕГАХ РЕКИ ДРУЖБА

Речь пойдет о реке необычной. Длину ее измеряли не гидрологи, а трубокладчики. На четыре тысячи семьсот километров протянулось с берегов Волги стальное ложе реки «Дружба». По этой реке неиссякаемым потоком струится из скважин нефть, которую называют «живой кровью» промышленности. «Дружба» — лишь часть большой совместной работы, ведущейся странами Совета экономической взаимопомощи. Не менее известны в социалистических странах названия энергосистемы «Мир», газопровода «Братство». И таких осуществленных проектов — великое множество.

Первой — в феврале 1962 года — получила советскую нефть Чехословакия; в сентябре того же года поток достиг венгерского города Сазхаломбатта. Через год — осенью 1963 года — нефть пришла в Польшу и Германскую Демократическую Республику.

Четыре рассказа, которые мы предлагаем читателю, — о городах на берегах нефтяной реки.

ГОРОД НЕ УХОДИТ НА ПЕНСИЮ

В обиход жителей Плоцка прочно вошла химическая терминология: дистилляция, риформинг, фракция, крекинг — эти слова здесь услышишь на каждом шагу. Когда в городе был объявлен конкурс на название новой гостиницы, большинство вынесло вердикт — «Петрополь». По-польски петрохимия значит нефтехимия. Газета, выходящая в городе, называется «Петро-Эхо», а тысячелетняя история города нынешними жителями делится на два периода — до и после начала развития нефтехимии. Да и вся Польша, если она говорит о Плоцке, прежде всего думает об огромной новостройке, хотя когда-то этот город был столицей государства, хотя здесь почитают останки двух польских королей, хотя здесь родился один из крупнейших революционных поэтов Польши — Владислав Броневский...

Польская петрохимия родилась одновременно с нефтепроводом «Дружба». Близнецы и по сию пору неразлучны: нефтепровод позволил химическому заводу в Бляховне-Шленской освоить производство полиэтилена высокого давления, а в Плоцке создать новые заводы фенола и ацетона.

Впрочем, это лишь первые объекты большой нефти. Как Бляховна, так и Плоцк растут не по дням, а по часам.

И еще одна важная для рождения петрохимии деталь. На самом первом этапе строительства мы получили из СССР две основные установки каталитического крекинга. Из СССР пришло оборудование для коксования. В Советском Союзе мы готовили строителей и эксплуатационников.

Интересны социальные изменения, которые всегда приносит с собой мощная промышленность. Среди разных эпитетов у Плоцка был и такой: «город пенсионеров». Молодежь Плоцка уезжала работать из родного города, который почти ничего не мог ей предложить. Теперь этот небольшой городок, окруженный полями, превратился в крупный промышленный центр.

Новая жизнь, шумная и торопливая, зашагала по сонным улочкам городка вместе со строителями комбината. Как блудные дети, потянулись обратно в родной город юноши и девушки Плоцка. Желающих работать, особенно квалифицированных специалистов, здесь принимают с распростертыми объятиями. Но дело теперь есть не только у химиков. В Плоцке трудятся люди невиданных здесь профессий: архитекторы, социологи, экономисты. Да и задача у них не пустяковая: нужно создать самые лучшие условия для жизни сотысячного города. Именно столько народу скоро будет в Плоцке. Уже сейчас в Плоцке больше шестидесяти тысяч жителей.

До войны польские экономисты видели будущее города в развитии корзиночного производства. Но бывший город пенсионеров стал столицей польской нефтехимии. И как подобает столице, он непрерывно растет. Старый Плоцк стал Плоцком новым.

ИНТЕРПРЕСС — ПОЛЬША
(Варшава. По телефону.)

НОВАЯ СПРАВКА ДЛЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Сазхаломбатта четко делится на два района: Старую деревню и Новый поселок. Старая деревня и есть, собственно, Сазхаломбатта.

Впервые Сазхаломбатта упоминается в хронике XII века «Геста Хунгарорум». Она утверждает, что Сазхаломбатта — древнее (древнее в XII веке!) поселение, возле которого некогда произошла битва римлян с гуннами, и не было в этой битве победителя, а поле брани было усеяно горами трупов.

С тех пор имя Сазхаломбатты в хронике больше не попадало. Лишь энциклопедии время от времени бесстрастно констатировали: «Сазхаломбатта — деревня на берегу Дуная».

По данным последней — 1960 года — переписи населения, в деревне жило около двух тысяч человек, в основном крестьяне.

В общем ничего особо примечательного — деревушка, каких в Венгрии сотни: широкая полоса Дуная, кукурузное поле, церковь на главной площади...

И вот на глазах жителей Старой деревни родился и вырос Новый поселок, тот самый, который сделал имя деревушки известным в республике.

Осенью 1960 года сюда приехали из Будапешта первые строители, и уже год спустя начался монтаж агрегатов электростанции.

В 1963 году заработала первая очередь Придунайской электростанции, на следующий год — вторая, через год — третья.

Электростанция эта работает на нефти, которая пришла из Советского Союза по нефтепроводу «Дружба». Тут уместно напомнить, что перевозка нефти по железной дороге стоила бы во много раз дороже.

От электростанции нефтепровод перешагнул через реку к Дунайскому нефтеперерабатывающему комбинату, где делают бензин, смазочные масла и многое другое.

В 1970 году, утверждают проекты, комбинат даст половину всей продукции венгерской нефтепромышленности, а к 1975 удвоит свой выпуск.

А как же Старая деревня? Старая деревня — равноправный район города. Электростанция дает теплицам кооператива имени Ракоци пар, а кооператив снабжает рабочих овощами и фруктами.

Новый город растет, и скоро только на страницах старых энциклопедий останется: «Сазхаломбатта — деревушка на берегу Дуная».

**БЕЛА БАНЯС, венгерский журналист.
(Сазхаломбатта. По телефону.)**

ТРИ ВСТРЕЧИ С ЗИГИ ГРАУПНЕРОМ

С Зигфридом Граупнером я познакомился лютой зимой 1962 года. Одер укрылся от стужи толстым ледяным панцирем, а с реки дул все пронизывающий ветер, свистел среди прибрежных сосен. Таких морозов, какие трещали тогда в декабре, не было в этих местах добрых полвека. А Зигфрид Граупнер, казалось, не чувствовал ни мороза, ни ветра. Он лихо вел машину по огромной строительной площадке, притормаживая у котлованов или у шеста, торчащего из толщи снега. И тогда Зигфрид говорил: «Вот здесь установим нефтебаки, здесь — крекинговые установки, а здесь — центральный пульт управления».

В то время на берегу Одера, в маленьком провинциальном городке Шведт не было ни нефти, ни тем более нефтехимии. Нефть была далеко на Востоке, на берегах Волги, но скоро она должна была прийти и к берегам Одера. Зигфрид и его друзья с тревогой посматривали на календарь. Успеют ли? Ведь здесь, у Шведта — конечного пункта нефтепровода, — нужно было построить крупнейший в ГДР нефтеперерабатывающий комбинат. Нужно было освоить новую технику. Технология была тоже новой для республики, где химическая промышленность всегда основывалась на буром угле. Нужно было строить и одновременно учиться, а тут еще эти морозы! График работ того и гляди рухнет.

У Зигфрида Граупнера, которого все называли просто Зиги, были красные от недосыпания глаза и хриплый, простуженный голос. Шведт был уже его четвертой стройкой, и в то же время Шведт не был похож на все предыдущие. Союз свободной немецкой молодежи объявил комбинат молодежной стройкой. Здесь работали юноши и девушки из всех округов ГДР. Им помогали и советские специалисты.

Они все же успели — успели к тому дню, когда Одер пересекла нефтяная река. В тот знаменательный день я снова приехал в Шведт.

Прошел год. Опять дул холодный ветер, но морозы ничему уже не могли помешать.

С тех пор непрерывно льется нефтяной поток в гигантские резервуары Шведта. За три года по ма-

гистрала «Дружба» они приняли миллионы тонн нефти.

Начала работать и вторая очередь комбината, который даст республике бензин, искусственные удобрения и сырье для химической промышленности.

Изменился и сам Шведт. На месте унылых казарм кайзеровских «голубых драгун» поднялись многоэтажные жилые дома. Потеснились с городских улиц и островерхие сараи для сушки табака — традиционной культуры здешних мест. Теперь главной чертой городского пейзажа стали... школы. Впрочем, что в этом удивительного? Шведт — город молодых. Средний возраст шведтчан — двадцать шесть.

В одну из этих школ пойдет скоро внучка Зигфрида Граупнера. Да, бывший начальник молодежного

штаба стройки стал нынче «самым молодым дедушкой республики».

Зовут все его по-прежнему — Зиги. Сейчас он руководит снабжением огромного комбината, и работы у него вроде прибавляется изо дня в день, но Зиги, как и прежде, неутомим.

А нефтепровод «Дружба» шагнул от Шведта дальше на юг. Строители подвели его к химическому гиганту ГДР «Гойне». Скоро советская нефть хлынет и в его агрегаты. Эстафету Зигфрида Граупнера приняли его товарищи, его ученики.

АЛЕКСАНДР ЖОЛКВЕР,
корреспондент Всесоюзного радио в ГДР.
(Берлин. По телефону.)

ИСТОРИЯ ИНЖЕНЕРА БЕДРНЫ

Вскоре после освобождения Праги из деревни Свинник приехал в столицу Чехословакии и поступил в высшее химико-технологическое училище старший сын словацкого крестьянина Иво Бедрна. Тогда же далеко от Праги, в заволжских степях, советские геологи открыли богатые залежи нефти, и первые девонские фонтаны прославили безвестные до того селения Туймазы и Ромашкино. Трудно было бы обнаружить прямую связь между судьбой юноши из словацкой деревни и победой разведчиков земных недр на рубежах «Второго Баку». Но дальнейшие события сложились так, что девонские фонтаны Башкирии и Татарии помогли пражскому студенту осуществить свою мечту. И вот как это случилось.

Весной сорок седьмого года Иво Бедрна можно было встретить в длинных и шумных коридорах химико-технологического института имени Менделеева в Москве, на Миусской площади. Одним из первых Иво Бедрна приехал в Советский Союз за дипломом. Он увлекся новыми опытами советских химиков, получавших тончайшую полиэтиленовую пленку из нефтяного сырья. Для не посвященного в тайны больших молекул это, быть может, не столь уж увлекательно, но для посвященного... Домой Бедрна вернулся с дипломом специалиста по полиэтилену.

В Чехословакии еще не было заводов, производящих полиэтилен. Иво не мог найти полного применения своим знаниям: он работал на заводе «Асбест», а затем служил в канцелярии министерства.

Тем временем события в далекой Татарии шли своим чередом, геологи открывали все новые и новые залежи нефти. Это универсальное сырье для промышленности можно было предоставить и нашим друзьям за рубежом. Возник проект сооружения магистрального трубопровода «Дружба».

Укладчики магистрала «Дружба» отправились в поход на запад, а на Дунае начали строить большой завод для переработки советской нефти. Иво

Бедрна узнал, что в Братиславе будут делать полиэтилен, и поспешил на строительную площадку нефтеперерабатывающего завода. Настало время, когда знания, полученные в Москве, на Миусской площади, оказались крайне нужными здесь, в Братиславе. Иво Бедрна принял участие в проектировании полиэтиленового цеха.

После утверждения проекта Иво Бедрна работал на стройке, ездил за границу покупать оборудование. Потом помогал монтажникам, готовил кадры операторов, мастеров, техников. И наконец, услышал, как загудели сверхмощные компрессоры, и увидел, как под чудовишным — две тысячи атмосфер — давлением (такое давление образуется при выстреле в стволе пушки) из нефтяного газа возникли гранулы полиэтилена, похожие на зернышки риса.

Я познакомился с Иво Бедрной вскоре после того, как пустили новый цех в Братиславе. На огромной территории завода цех занимает не так уж много места, но ценность его продукции позволяет ему возглавлять длинный список всех цехов и отделов, потому что полиэтиленовая пленка находит широкое применение в сельском хозяйстве, промышленности, торговле.

Инженер Бедрна — начальник этого цеха. Он нарочно привел меня в компрессорную, чтобы послушать яростный грохот конвейера, связывающего волжские нефтепромыслы с бункером, заполненным готовыми гранулами полиэтилена. Потом Бедрна поднялся на леса строящегося заводского корпуса, где бесцветные зерна будут окрашены в любые цвета.

Иво сказал:

— Мне повезло получить первый чехословацкий полиэтилен.

Так магистраль «Дружба» определила счастливую судьбу инженера Иво Бедрны.

И. ОСИПОВ,
наш спец. корр.

М. ПОРТНОЙ, В. ОРЛОВ (фото),
наши специальные корреспонденты

СТРАНА СОЛНЕЧНОГО КАМНЯ

Эсть у Павла Бажова легенда о солнечном камне, что принесли два старика-горщика в Москву, к Ленину. Взяли они этот камень вместе со множеством других из «Ильменской каменной кладовухи», где собраны камни со всего света.

«Такое место, понятно, мимо ленинского глаза никак пройти не могло. В 20-м году Владимир Ильич самоличным декретом объявил здешние места заповедными. Чтоб, значит, промышленников и хищников всяких по заправку, а оберегать эти горы для научности, на предбудущие времена...»

Легенда отражает факты. Ленинскому декрету обязан своим возникновением Ильменский заповедник — уникальное естественное хранилище множества минералов. Ходатайствовали перед Советом Народных Комиссаров о создании заповедника уральские рабочие, рудознатцы, мастера каменных дел, горные инженеры, геологи.

Камни лежат под стеклом, открытые пристальному глазу ученого и восхищенному взору человека, впервые попавшего в музей заповедника.

Эллипсообразный, похожий на огромную каплю. Он не блестит, не режет глаз. Это лунный камень (фото справа).

Берилл похож на окаменевшую воду. Будто маленький кусочек озера с зелеными, голубыми, синими цветами лежит на витрине. В берилле, как в самой воде, словно отражаются облака и небо. Берилл блестит, играет светом. Лунный камень, напротив, кажется, поглощает этот свет и отдает обратно очень нежный, какой-то неуловимый, почти прозрачный, голубовато-лимонный, из самой глубины идущий цвет.

Словно нарастающая льдинка — горный хрусталь (фото на стр. 58).

Мы идем вдоль витрин.

Рита, директор музея, молодая женщина-геолог, с какой-то жадной поспешностью говорит и говорит о минералах, о геологии, словно не для нас, а сама для себя повторяет звучные названия.

У Риты работа не совсем обычная для хранителя музейных редкостей, да и музей здесь, собственно, не музей, а что-то вроде аудитории для практикумов. Со всего мира приезжают учёные-минералоги в этот «минералогический рай», единственный на земле. Съезжаются в заповедник и студенты вузов, техникумов, учи-

лиц, школьники, съезжаются, чтобы почерпнуть премудрости хитрой науки — минералогии.

Идут сюда и с находками.

— Посмотрите, пожалуйста, что это за камень; может быть, нужен для науки.

Идут из окрестных сел, городов потомки уральских горщиков, ревнители камня.

— Иногда, — говорит Рита, — можно услышать примерно такой диалог: «Я нашел пироп. Прошу провести меня к геологу». Видимо, посетитель, бородатый дедушка с котомкой за плечами, этакий кудесник из сказки, слышал, что пироп — спутник алмазов. Да и кто на Урале не знает основ минералогии. «Где вы нашли камень?» — «Не скажу, пока вы не проведете меня к ответственному лицу. Дело государственной важности». К сожалению, пиропов, а следовательно алмазов, у нас нет, зато других камней... всего насчитывается сто сорок пять видов минералов.

...Один сверкающий чертог сменяет другой. А за порогом царства, где кусочки земной тверди рассортированы, снабжены названиями и разложены по полкам, начинается другое — царство горных духов, в глубинах которого в хаосе изломанных пород хранит свои сокровища природа. Озеро, вокруг лес. Где-то далеко за ним

в голубовато-серой жаркой дымке — горы. Во всю ширь из конца в конец до самого горизонта плавными переходами исчезают они, растворяясь, сливаясь с небом.

В горах разбросаны шурфы и штольни, а то и просто ямы бывших копей. Полсотни лет назад в них корпели горщики, искали либо яшму, либо какие иные редкие камни. Сколько страстей здесь кипело, сколько призрачных богатств словно бы давалось в руки, а потом уплыва-

спокойная и торжественная, то буйная.

Мы в машине едва взбираемся по крутому склону. Но вот мотор заглох. Мы ждем, когда он остынет. Впереди еще более трудный подъем, почти под сорок пять градусов. Поехали... Взобрались до половины — и вдруг услышали: мотор снова начинает глохнуть. По обе стороны обрывы: кустарник и лес. Если машина пройдет назад хоть три-четыре метра, ее уже едва ли остановишь... Петр отпустил сцепление,

Когда ходишь по лесу, вдоль озера или в горах, невольно охватывает чувство азарта. Где-то под ногами сокрыты удивительной красоты камни, и хочется найти хоть один. И все время не оставляет такое чувство, что они рядом... Надо только задрать голову, сильно прищурить глаза — и увидишь плотную густую зелень с голубыми прожилками неба и черными жилами веток — и перед тобой яшма. А вот другой ее цвет: снова прищурил глаза — и чуть ниже коричневые стволы со-

ло по прихоти хозяйки местных гор, а чаще из-за хитрости здешних Приваловых!

Тишина. Ранним утром из хаток своих вылезают бобры и плывут, неслышно рассекая гладь, исчезая в прибрежном тумане. Вот на каменный мыс над озером выходит девушка, останавливается на самом краю, будто собираясь нырять, и стоит, закинув руки за голову, долго смотрит на горы... Неподалеку, на высохшей березе сидит орел. Хозяин. Спокойный и величавый.

Что-то есть в русской природе такое, чего и не выразишь. Как-кая-то задумчивая грусть, сила и простота. Смотришь вокруг и понимаешь, откуда душевная широта русского человека. Природа то

нажал тормоз, но машина потихоньку начала пятиться. Петр до отказа взял на себя рычаг ручного тормоза. Машина сползает.

— Попробуем удержать, — спокойно сказал он.

Еще раз нажал педаль ножного, потом снова взялся за рычаг ручного тормоза и с такой силой потянул его на себя, что мне показалось, что рычаг прогнулся: дальше ему двигаться было некуда... Но нет, где-то что-то еще осталось. Петр все тянет и тянет на себя, и мы с облегчением замечаем выпорхнувшую и тут же улетевшую улыбку с его лица. Машина встала.

Вот так, наверное, было и на войне: «Попробуем удержать». И держали. А потом улыбка...

сен. Они сливаются в плотную — коричневую с желтым — стену. И в отличие от камня в ней тепло солнечного дня и запах леса. Или стволы берез и осин создают вдруг в лучах солнца необычайно нежный и хрупкий, с блестками от первых капель дождя на коре и листьях, новый цвет. И наверняка где-то в земле лежит воплощенный в камень кусочек этой природы... На озере лучи солнца играют на легкой от ветра ряби; и кажется, солнечный дождик бежит по воде к середине озера и там, сливаясь в желтый искрящийся поток и застывая, опускается на дно слитками солнечного камня... Надо только прищуриться.

У берега вода еще спокойная,

хотя ветер уже дует и дует, смешивая все запахи. Все более упруги его порывы, все плотней. Сквозь воду у берега можно разглядеть зеленые и голубые водоросли, и по ним, густые, с редкими уже солнечными прерывистыми всплесками, ползут черные с серым тучи. Как-то неожиданно вмиг что-то изменится на воде — и перед тобой берилл.

Дождь... Все небо затянуто тучами. Постепенно, с перекатами, все нарастая, с треском рванет гром, и над едва заметными за дождем далями вспыхнет вдруг и расцветет над серыми горами красное, кустистое дерево молнии...

После дождя снизу подымается пахнущий свежей землей и зеленой воздух. Дышится легко. Но ощущение такое, будто чего-то еще не хватает, не все еще увидено.

Эти горы не раскроют себя без Данилы-мастера. Где-то здесь бродит он в современном своем обличье, с геологическим молотком, где-то здесь стоят палатки — походный лагерь.

Поляна. Высоченные травы. Пестрый ситец цветов. Тут и должен быть дом геологов. Лучше

места не найдешь. Так и есть! На встречу нам по лугу идет, словно плывет по озеру, разгребая травы, черноволосый человек. Главный геолог заповедника Николай Михайлович Басов.

— Неужели здесь, в горах, есть что-нибудь еще не открытое геологами? — Этот вопрос вертелся у нас на языке уже давно. Мы опасаемся — не назойлив ли он для человека, который отвечает на подобные вопросы ежедневно. Но оказывается, что он вполне уместен и даже необходим.

— Открывать всегда есть что, — откликается Николай Михайлович. — Особенно у нас. Я не люблю покидать свой дом. Дом или работу, в данном случае все равно. Судьба меня не обижала — работал и на Севере, и в Антарктиду путешествовал, в Африке копал. А здесь я уже тринадцать лет — и не скучно. Однолюб... или заколдован. Вы же знаете, что здесь минералогический рай. Нет, ископаемых мы здесь сейчас не ищем. Меня занимает общая проблема: почему в недрах Ильменского хребта так много минералов? Не одного меня она, конечно, занимает, эта мысль. Точного решения пока нет. А проблема важная. В наше время геологов

все больше волнуют подобные вопросы. Как открыли алмазы в Сибири? Теоретически доказав, что они там должны быть. Если знать, как что образовалось, можно предсказывать, где что искать... Вот мы и работаем. В группе у меня семеро, семеро смелых, а вернее, семеро одержимых. Наш край богат одержимыми людьми, их тут не меньше, чем редких камней в горах.

Красное, рубиновое солнце скатывается за гору, и вослед ему над лесом подымается полупрозрачная, бледно-лимонная луна. Гаснут последние огоньки в далеких окошках городка ученых, спит кордон... Мы прощаемся с геологами и заповедником. Кажется, что люди, промелькнувшие за короткое время, их работа, улыбки — все это здесь, вокруг тебя, незаметное, неброское каждое в отдельности, — похожи на неторопливый луч северного солнца, который, достигнув мокрой песчаной впадины у подножья сосны, отдает обратно теплый блеск солнечного камня.

Над озером, гладким и чистым, — тишина, покой, и к самой середине его собираются лунные блики, чтобы лечь на дно рядом с кусочками солнца.

НА МЕРИДИНАХ РОДИНЫ

ВТОРОЕ ГОРНОЕ МОРЕ АРМЕНИИ. На склонах четырехглавого Арагаца на высоте 1800 метров, перегордив дамбой русло реки Касах, армянские инженеры и строители создали искусственное озеро — Апаранское водохранилище. Его «зеркало» около 800 гектаров. Оно уступает по площади лишь Севану, самому большому водоему республики.

За зиму и весну Апаранское водохранилище будет собирать 91 миллион кубометров живительной влаги, которая оросит более семи тысяч гектаров полей, садов и виноградников Апаранского и Аштаракского районов республики. Поможет новое море и Севану — его тоды можно будет расходовать экономнее.

Пять лет назад в глубоком ущелье одиноко шумела угрюмая река Касах, и мало кто навещивался в эти места. Теперь на берегах Апаранского озера вырастут корпуса санаториев, домов отдыха и пансионатов.

НОВЕЙШИЕ НАХОДКИ В УРОЧИЩЕ АБИДНЯ, сделанные белорусским археологом Л. Д. Подблем, подтверждают, что племена, жившие на

территории Белоруссии в первой половине первого тысячелетия, поддерживали оживленные отношения с римскими провинциями. Эти находки близки по характеру к кладу из Красного бора, где сто лет назад было найдено пять широких серебряных поясов, искусно украшенных разноцветной эмалью. Л. Д. Подблем разыскал в фондах Варшавского музея часть этого клада, считавшуюся потерянной. И установил также, что в разное время на территории Белоруссии — в сорока точках — были найдены римские монеты, стеклянные бусы с позолотой, керамика, бронзовые сосуды, датируемые началом нашей эры.

НОВЫЙ КУРОРТНЫЙ РАЙОН СТРАНЫ предполагается создать в ближайшее время на побережье высокогорного озера Исык-Куль.

Для изучения курортных «ресурсов» сюда ежегодно отправляются климатологические экспедиции Киргизского научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии. В этом году здесь работают две экспедиции. Города-здравицы будут строиться в живописных уголках в полутора-двух километрах от воды (само побережье неблагоприятно в сейсмическом отношении), рядом с источниками лечебной грязи.

Каждый год здесь смогут отдыхать 200 тысяч человек.

Г азик карабкался вверх. Мы ехали вместе с доктором наук Георгием Константиновичем Сулаквелидзе в одну из лабораторий Высокотехнологического геофизического института — ледовую базу.

Справа за скалами поднимались ослепительно белые купола Эльбруса. А слева огромным снеговым карнизом открывалась цепь Главного Кавказского хребта с красавицей Ужбой посредине; вокруг ее острых башен висело неподвижное ожерелье облаков.

— Давайте передохнем здесь, — Георгий Константинович кивнул в сторону гор.

Мы молчали. Видно, не зря мы остановились именно здесь.

— Неподалеку есть старый блиндаж, немецкий. Сохранился. Вон там, на самом хребте, были мы. А здесь — фашисты, — Сулаквелидзе скользнул взглядом по уступам Донгуз-Оруна. — Через перевалы им пройти не удалось. А как стремились! Еще бы — там нефть... Но мы не пустили. Был я тогда совсем мальчишкой, лейтенантом Красной Армии.

И Георгий Константинович рассказал нам об одном из необычных боевых заданий...

К осени сорок второго года фашистские дивизии прорвались на Северный Кавказ. Оказавшись вблизи Эльбруса, оккупанты решили торжественно отметить это событие. Специально подготовленные егеря отправились на Эльбрус, чтобы поднять там флаг со свастики. Геббельс ликовал: имперский флаг на высшей точке Европы!

Двадцать армейских альпинистов получили задание: снять фашистский флаг с вершины нашего Эльбруса.

С гор в ущелье свалились двумя группами. Так безопасней. Вокруг фашисты. Данные разведки приблизительны. А достаточно нарваться на засаду — и задание будет сорвано: в горах и небольшой патруль с пулеметом, надежно укрытый, — серьезное препятствие. И хотя на этот раз в ущелье была тишина, нужно было быть осторожными.

...Шли медленно, молча. Слышно было лишь поскрипывание снега. Наконец замаячили впереди знакомые очертания дома-«дирижабля» высокогорной гостиницы «Приют одиннадцати». Люди проваливались в сугробы: помимо альпинистского груза, на шеях висели автоматы.

Эльбрус не очень сложная вершина. Летом. Но тогда... Кто знает горы, тот легко представит себе, что такое восхождение зимой на высоту пять с половиной километров. Мороз, метели, туманы, лавины — все против людей. И поблизости в блиндажах могли сидеть фашисты.

В «Приюте» никого не оказалось.

Пока те, что пришли первыми, выбрасывали снег, сушили стены, подошла вторая группа. Устроились на ночлег, уселись у огня... Двадцать молодых ребят. По-разному сложатся их судьбы. Александр Гусев станет крупным ученым, полярным исследователем. Разреженный воздух зимнего Эльбруса будет напоминаться ему на ледяных плато Антарктиды. С наукой свяжут свою жизнь и Николай Гусак и Георгий Сулаквелидзе. Много троп предстоит проложить будущим мастерам спорта Евгению Белецкому, Юрию Одноблюдову, Александру Сидоренку. А пока у них за плечами лишь тревожная молодость военных лет, альпинистская выучка, недавние отчаянные схватки за Кавказ, радость первых побед над врагом и уверенность в своих силах, утвердившаяся в этих победах.

Сразу продолжить подъем не удалось — Эльбрус закрыли темно-серые, почти черные тучи, взметнулась пурга. Пришлось отсиживаться. Ветер так неистово кружил над «Приютом», что, выходя из здания, надо было привязываться веревкой. Ожидание становилось непереносимым — ведь в эти дни разворачивалось наступление наших войск. То были дни победного завершения Сталинградской битвы. Наиболее нетерпеливые предлагали идти вверх, несмотря на непогоду. Но рисковать всей операцией было нельзя.

13 февраля чуть-чуть поуспокоилось, и одна группа смогла подняться на западную вершину Эльбруса.

Разодранный ветром гитлеровский флаг был сброшен в снег, и над Кавказом заплескался красный стяг. Прогремел пистолетный залп.

Вновь разыгрался буран. Но все равно уходить совсем еще было нельзя — еще нужно было водрузить родной флаг и на восточную вершину. Только в ночь на 17 февраля удалось возобновить штурм. Тучи совсем разошлись, стали просвечивать звезды. Лишь ветер продолжал дуть с такой силой, что, несмотря на маски, приходилось закрывать лицо руками. К утру распогодилось окончательно, взошло солнце. Наконец восходители на вершине. Погода как бы старалась искупить свою многодневную вину. Зимний воздух был кристально прозрачен, и весь Кавказ лежал перед бойцами белый-белый: белые вершины, белые склоны, белые долины, лишь кое-где прорезанные темной впиткой незамерзшей речки. А двуглавая вершина вспыхнула алым пламенем. Несколько минут она вся напоминала полотнище боевого советского знамени.

Сюда, на вершины гор, не долетали ни автоматная трескотня, ни гром артиллерийских залпов, отсюда не видны были пожары родных селений. Но фашистский флаг, втоптаный в снег, ни на секунду не позволял людям в обледеневшей одежде забывать о том долгом пути, что им еще предстояло...

В тот момент двадцать бойцов, стоявших на кавказской вершине, предвидели и последний бой, мысленно брали и последнюю высоту в битве с фашизмом.

В. АЛЕКСАНДРОВ

Из летописи
ОКТАБРЯ

АЛМАЗ

величиной с отель "Рич"

Фантастическая повесть

VII

Июль под сенью алмазной горы был месяцем прохладных ночей и сияющих дней. Джон и Кисмин были влюблены. Он не подозревал, что крошечный золоченый футбольный мяч с надписью: «За бога, за родину и за Св. Мидаса», который он ей подарил, на платиновой цепочке покоится у нее на груди. Но именно так оно и было. А она, в свой черед, не знала, что большой сапфир, выскользнувший из ее волос, Джон бережно спрятал в кармочку с другими сокровищами.

Как-то к вечеру, когда в музыкальной комнате, обитой горностаевыми шкурками в рубинах, стояла тишина, они провели там целый час. Он взял ее за руку, а она взглянула на него так, что он прошептал:

— Кисмин...

Она потянулась к нему, но остановилась.

— Что? — спросила она тихонь-

ко. Ей хотелось удостовериться, правильно ли она его поняла.

Оба никогда еще не целовались, но через час это уже не имело значения.

День кончился. А ночью, когда с высокой башни слетали последние звуки музыки, оба лежали без сна, чувствуя себя счастливыми и вспоминая каждую минуту этого дня. Они решили как можно скорее пожениться.

VIII

Ежедневно мистер Вашингтон и оба юноши ловили рыбу, или охотились в гуще лесов, либо играли в гольф на сонной площадке, и Джон дипломатично позволял хозяину выигрывать, либо плавали в прохладе горного озера. Джон находил, что мистер Вашингтон — личность весьма деспотичная и его начисто не интересуют ничьи мнения и мысли, кроме собственных. Миссис Вашингтон держалась неизменно отчужденно и замкнуто. Она была откровенно равнодушна к своим дочерям и целиком поглощена

сыном Перси, с которым вела за обедом нескончаемые беседы на быстром испанском языке.

Старшая дочь, Жасмин, внешне очень напоминала Кисмин, с той разницей, что у нее были большие руки и большие, чуточку кривоватые ноги. Но характером она была совсем иной, больше всего любила книги, где речь шла о бедных девочках, которые вели хозяйство и заботились о своих вдовых отцах. Джон узнал от Кисмин, что Жасмин никак не могла оправиться от потрясения и разочарования, испытанных при вести об окончании мировой войны: как раз в это время она собралась ехать в Европу в качестве эксперта по войсковым лавкам. Она даже совсем было зачихала, так что ее отец предпринял шаги для того, чтобы спровоцировать какую-то новую войну; однако Жасмин потом увидела фотографии раненых, и это отбило у нее всякий интерес к войне. Но Перси и Кисмин унаследовали от отца высокомерие во всем его жестоком великолепии. Каждую их

Окончание. Начало в № 9.

мысль пронизывал здоровый и последовательный эгоизм.

Джон был очарован волшебством замка и долины. Брэддок Вашингтон, как рассказал Перси, приказал похитить садовника, архитектора, художника-декоратора и французского поэта-декадента, оставшегося в наследство от прошлого века. В их распоряжение Брэддок предоставил всех своих негров, пообещав обеспечить любимыми материалами, существующими на земле, и приказал разрабатывать все идеи, какие придут в голову. Но один за другим они обнаружили свою несостоятельность. Поэт-декадент тотчас принялся оплакивать разлуку с веселыми бульварами, произносил туманные фразы насчет пряностей, обезьян и слоновой кости, но никакой практической пользы извлечь из этого было нельзя. Художник-декоратор желал создать из долины серию трюков и сенсационных эффектов, что в Вашингтоне, несомненно, очень скоро бы наскучило. Что же касается архитектора и садовника, то они мыслили одними шаблонами: это они сделают похожим на это, а то — похожим на то.

Но они по крайней мере сами разрешили проблему, как с ними поступить: как-то утром они все сошли с ума после того, как поспорили ночь напролет о том, где разместить фонтан. И теперь благополучно пребывали в лечебнице для умалишенных в Уэстпорте, штат Коннектикут.

— Но кто же тогда проектировал, — с любопытством спросил Джон, — ваши чудесные гостиные, холлы, коридоры и чянные?

— Видишь ли, — ответил Перси, — стыдно сказать, но это сделал один тип из кино. Он оказался единственным, кто привык распорядиться неограниченными суммами денег, хотя и засовывал салфетку за воротник и не умел читать и писать.

По мере того как август близился к концу, Джон начинал говорить, что скоро надо возвращаться в колледж. Они с Кисмин решили бежать в июне следующего года.

— Конечно, было бы приятнее пожениться здесь, — призналась Кисмин, — но отец ни за что не даст мне разрешения выйти за тебя. И потом мне даже хочется обвенчаться тайно. В наше время в Америке богатым людям вступать в брак ужасно сложно. Вечно приходится давать объявления в газеты, где говорится, что на невесте будет «старьё» — горст-

ка подержанных жемчугов и поношенных кружев, которые однажды надевала императрица Евгения.

— Верно, — с жаром подхватил Джон. — Когда я гостил у Шнлицер-Мэрфи, их старшая дочь Гвендолин выходила замуж за человека, отцу которого принадлежит половина Западной Virginии. Так она потом прислала домой письмо, где писала, как жестоко ей приходится экономить, чтобы сводить концы с концами на его жалованье банковского клерка, а кончала письмо так: «Слава богу, у меня хоть есть четыре хорошие горничные, это все-таки облегчает мне жизнь».

— Да, как глупо! — заметила Кисмин. — Ведь миллионы и миллионы людей в мире, всякие там рабочие, обходятся всего двумя горничными.

Фраза, которую нечаянно обронила Кисмин как-то в конце августа, все перевернула и повергла Джона в состояние панического страха.

Они укрывались в своей любимой роще, и между поцелуями Джон предавался меланхолическим пророчествам, что, по его мнению, придавало романтическую остроту их отношениям.

— Порою мне кажется, что мы никогда не поженемся, — сказал он с грустью. — Ты слишком богата, слишком недоступна. У такой богатой девушки, как ты, и судьба особенная. Мне следовало бы жениться на дочери какого-нибудь состоятельного оптового торговца скобяными товарами из Омахи и удовлетвориться ее полумиллионом.

— А я знала дочь одного состоятельного торговца скобяными товарами, — сказала Кисмин. — Не думаю, чтобы она тебе понравилась. Она была подругой моей сестры. Она тоже здесь гостила.

— Так у вас здесь бывали и другие гости? — с удивлением воскликнул Джон.

Казалось, Кисмин пожалела о своих необдуманных словах.

— Ну да, — торопливо проговорила она, — бывали изредка.

— Но разве вы... Разве твой отец не боялся, что они могут поговориться?

— Да, конечно, в какой-то степени, — ответила она. — Давай поговорим о чем-нибудь более приятном.

Но в Джоне проснулось любопытство.

— Более приятном? — настойчиво переспросил он. — А что

тут неприятного? Они были противные?

К его удивлению, Кисмин зарыдала:

— Н-нет, в том-то и дело. Я т-так привязалась к не-некоторым из них. Жасмин тоже, но она все равно п-продолжала их приглашать. Я ни-никак не могла этого понять.

В душе у Джона зародилось страшное подозрение.

— Ты хочешь сказать, что они действительно проговорились и тогда твой отец их... убрал?

— Хуже, — пролепетала она. — Отец с самого начала не мог riskовать... А Жасмин все равно им писала и приглашала в гости, и им так хорошо здесь жилось!..

Она была вне себя от горя.

Оглушенный своим чудовищным открытием, Джон сидел, разинув рот, и все нервы его трепетали, точно воробышки, усевшиеся у него вдоль позвоночника.

— Ну вот, я проболталась, а я не должна была этого делать, — сказала она, вдруг успокаиваясь и вытирая свои синие глаза.

— Значит, твой отец убивал их здесь, до того как они уезжали?

Она кивнула.

— Обычно в августе... или в начале сентября. Нам, естественно, хочется получить сперва как можно больше удовольствия от их присутствия.

— Какая гнусность! Как же... Нет, я, наверное, схожу с ума! Ты в самом деле признаешься...

— Да, признаюсь, — прервала его Кисмин, пожимая плечами. — Мы не можем сажать их в яму, как тех авиаторов: они были бы для нас постоянным укором. И потом нас с Жасмин всегда щадили, отец обычно продельвал это раньше, чем мы ожидали, так что мы избегали прощальных сцен...

— Значит, вы их убивали! Уф!.. — вскричал Джон.

— Это делалось совсем безболезненно. Их отравляли во время сна, а их семьям сообщали, что они умерли от скарлатины в Бьюте.

— Но я... я просто не понимаю, как могли вы приглашать их!

— Я не приглашала! — с негодованием выпалила Кисмин. — Ни разу не пригласила! Это все Жасмин! Да и потом, им жилось у нас очень хорошо. Жасмин перед концом дарила им всякие миленькие вещицы. Я, наверное, тоже стану приглашать гостей: привыкну в конце концов. Нельзя же допустить, чтобы такая неизбежная вещь, как смерть, стояла у нас

на дороге и мешала жить в свое удовольствие. Представь себе, как здесь было бы скучно, если бы у нас никогда не бывало гостей. Ведь папе и маме тоже пришлось пожертвовать своими лучшими друзьями.

— Так! Значит, — осуждающе воскликнул Джон, — ты позволяла мне говорить о любви и притворялась, будто тоже меня любишь, обещала выйти за меня замуж, а сама все это время прекрасно знала, что мне никогда отсюда живым не выйти...

— Ничего подобного, — с жаром запротестовала она. — Последнее время — нет. Сперва действительно так было. Все равно ты уже жил здесь. От меня это не зависело, я и решила — пускай твои последние дни пройдут приятно для нас обоих. Но потом я в тебя влюбилась, и... честное слово, мне очень жалко, что тебя... устроят... Хотя пусть уж лучше тебя устроят — тогда ты не сможешь целовать других девочек.

— Ах, так лучше?! — закричал взбешенный Джон.

— Да, гораздо лучше. А кроме того, я слышала, что во много раз интереснее любить того, за кого не можешь выйти замуж. Ах, зачем я тебе все рассказала! Я, наверное, испортила тебе настроение, а пока ты ни о чем не знал, нам было так замечательно! Я так и думала, что на тебя это произведет неприятное впечатление.

— Вот как, «неприятное впечатление»? — голос Джона дрожал от возмущения. — Довольно, с меня хватит! Если у тебя настолько нет гордости и чувства приличия, что ты заводешь роман с человеком, который уже все равно что труп, то я больше не желаю иметь с тобой ничего общего!

— Все же ты не труп! — с ужасом возразила она. — Ты вовсе не труп! Не смей говорить, что я целовалась с трупом!

— Я ничего подобного не говорил!

— Нет, говорил! Ты сказал, будто я целовалась с трупом!

— Нет, я не говорил!

Они кричали воем, но вдруг оба умолкли. По тропинке кто-то шел, шаги приближались, кусты раздвинулись, и они увидели пронизывающие глаза и неподвижное красивое лицо Брэджока Вашингтона.

— Кто это целовался с трупом? — с явным неодобрением спросил он.

— Никто, — быстро ответила Кисмин. — Мы просто шутили.

— И вообще, почему вы тут вдвоем? Кисмин, ты должна... должна сейчас читать или играть в гольф с твоей сестрой. Ступай! Читай, играй в гольф! Чтобы, когда я вернусь, тебя тут не было!

Он кивнул Джону и пошел по тропе дальше.

— Вот видишь! — сердито сказала Кисмин, когда отец отошел подальше. — Ты все испортил. Теперь нам нельзя больше встречаться. Он мне не позволит. Он тебя отравит, если заподозрит, что мы влюблены.

— С этим покончено! — с яростью воскликнул Джон. — На этот счет он может быть спокоен. И не думай, пожалуйста, что я тут после этого останусь. Через шесть часов я буду уже по ту сторону гор, даже если мне придется прогрызть их зубами, а там — на Восток.

Они стояли теперь друг против друга, и при последних его словах Кисмин придвинулась и взяла его под руку.

— И я с тобой.

— Да ты с ума сошла...

— Я непременно иду с тобой, — нетерпеливо прервала она его.

— Ни в коем случае. Ты...

— Прекрасно, — сказала она спокойно. — Сейчас мы догоним папу и обсудим это с ним.

Побежденный Джон выдавил из себя бледную улыбку.

— Превосходно, моя радость, — неуверенно согласился он с вялой нежностью, — мы убежим вместе.

Однако любовь вернулась и снова безмятежно воцарилась в его сердце. Кисмин с ним, она готова идти за ним и разделить опасность. Он обнял ее и пылко поцеловал. В конце концов она его любит; она, в сущности, только что спасла его.

Они медленно направились к замку, обсуждая по дороге план действий. Поскольку Брэджок Вашингтон застал их вместе, они решили бежать на следующую ночь. У Джона, однако, за обедом то и дело пересыхало во рту, и он так нервничал, что поперхнулся павлиньим супом. Пришлось унести его в карточную комнату из бирузы и соболя, где один из младших дворецких поколотил его по спине, на радость Перси, который покатывался со смеху.

IX

Далеко за полночь Джон сильно вздрогнул во сне и тут же сел на постели, вглядываясь в завесу

сна, окутывавшую спальню. За квадратами синей густой тьмы, которые были раскрытыми окнами, ему послышался далекий слабый звук, унесенный ветром, прежде чем затуманенный тревожными снами мозг Джона успел осознать его. Но вслед за этим раздался шум ближе, совсем близко, у него за дверью, — может быть, щелканье ручки, шаги, шепот, что именно, он не мог сказать. В животе у него все стянуло, тело заныло, он мучительно прислушивался. Затем одна из драпировок словно растаяла, и он увидел темную фигуру за дверью, едва обрисовывавшуюся, едва намеченную на фоне черноты, настолько сливавшуюся со складками драпировок, что она казалась зыбкой и искаженной, как отражение на мокром стекле.

Внезапно то ли испуганным, то ли решительным движением Джон нажал кнопку возле кровати и через секунду очутился в зеленой ванне, до половины наполненной холодной водой, отчего сразу и окончательно пробудился.

Он выскочил из ванны и, оставая на полу струйки воды, стекавшие с пижамы, подбежал к аквариумной двери, которая, как он знал, вела на площадку второго этажа. Дверь бесшумно отворилась. Одна-единственная темно-красная лампа, горевшая сверху под большим куполом, освещала грандиозную резную лестницу, придавая ей пронзительную красоту. На миг Джон заколебался, уstraшенный видом безмолвной роскоши, обступавшей его со всех сторон, обнимавшей своими гигантскими изгибами и поворотами одинокую мокрую фигурку, дрожавшую от холода на площадке из слоновой кости. И тут произошли два события одновременно. Дверь его собственной гостиной распахнулась, и оттуда выскочили три голых негра; но в тот момент, когда Джон, обезумев от ужаса, метнулся к ступеням, в противоположной стене отъехала еще одна дверь, и Джон увидел в освещенной кабине лифта Брэджока Вашингтона в распахнутой меховой шубе и верховых, до колен, сапогах, над которыми виднелась пылающая ярко-розовая пижама.

Трое негров, рванувшиеся было к Джону, — он до этого ни разу их не встречал, и в голове у него пронеслось, что это, должно быть, палачи, — замерли на месте и выжидающе повернулись к стоявшему в лифте, который властно командовал:

— Сюда! Все трое! Сейчас же!

В одно мгновение негры впрыгнули в кабину, дверца лифта закрылась, освещенный проем исчез, и Джон остался в коридоре один. Он без сил опустился на пол.

Было очевидно, что случилось что-то знаменательное, что-то, хотя бы ненадолго отодвинувшее такое пустячное дело, как его смерть. Что же это? Может быть, взбунтовались рабы? Может быть, авиаторы взломали стальную решетку? Или жители деревушки

Фиш случайно добрели сюда через горы и тусклым, безрадостным взглядом смотрят теперь на сказочную долину? Джон ничего не знал. Он услышал слабый шум воздуха, когда лифт просвистел вверх, и — минуту спустя, когда он снова скользнул вниз. Возможно, это Перси спешил на помощь отцу. Джону вдруг пришло в голову, что именно сейчас он может воспользоваться случаем увидеться с Кисмин и решиться на немедленное бегство. Подождав несколько минут и убедившись, что лифт успокоился, Джон, вздрагивая от ночной прохлады, проникавшей сквозь мокрую пижаму, вернулся в спальню и быстро оделся. Затем он взбежал вверх по лестнице и свернул в устланый соболями коридор, который вел в комнаты Кисмин.

Дверь ее гостиной была приотворена, там горел свет. Кисмин в кино из шерсти ангорской козы стояла у окна и к чему-то прислушивалась. Когда Джон почти неслышно вошел, она обернулась.

— А-а, это ты, — прошептала она, идя ему навстречу. — Ты услышал?

— Я услышал их за дверью, когда они собирались...

— Да нет же, — возбужденно прервала она его. — Аэропланы!

— Аэропланы? Так вот что меня разбудило!

— Их по крайней мере дюжина. Я только что видела один аэроплан прямо против луны. Часовой около утеса выстрелил из винтовки, и выстрел разбудил отца. Мы вот-вот откроем по ним огонь.

— Они прилетели не случайно? — Конечно, это все тот сбегавший итальянец...

Одновременно с ее последним словом за открытым окном раздался один за другим резкие оружейные хлопки. Кисмин вскрикнула, трясущимися пальцами выхватила монетку из коро-

бочки на туалетном столе и бросилась к лампе. В одно мгновение весь замок погрузился во тьму — Кисмин устроила короткое замыкание.

— Идем! — крикнула она Джону. — Поднимемся в сад на крышу, будем смотреть оттуда!

Закутавшись в плащ, она взяла Джона за руку, и они ощупью выбрались за дверь. До лифта, поднимавшего на башню, был всего один шаг, и как только она нажала кнопку и лифт взлетел вверх, Джон обвил ее руками и страстно поцеловал. Наконец-то романтика снизошла на Джона Т. Энгера. Минуту спустя они ступили на серебристо-белую площадку. Над ними, то уходя в облака, клубящиеся ниже тусклой луны, то снова появляясь, описывали ровные круги темнокрылые тела. В нескольких местах из долины кверху взметнулись вспышки огня, а вслед за этим послышались взрывы. Кисмин захлопала в ладоши от радости, которая тут же сменилась испугом, когда аэропланы начали сбрасывать бомбы и вся долина заполнилась сплошным грохочущим эхом и мертвенно-бледным огнем.

Очень скоро атакующие сосредоточили свои усилия на тех точках, где были установлены зенитные пушки, и почти сразу же одна из них превратилась в груды раскаленного шлака, светящегося среди кустов роз.

— Кисмин, — молил Джон, — ты должна быть рада услышать, что атака началась как раз, когда меня собирались убить. Если бы я не услышал выстрела часового под утесом, я был бы сейчас мертв...

— Не слышу! — прокричала Кисмин, целиком поглощенная происходящим. — Говори громче!

— Я говорю, — закричал Джон, — что нам лучше уйти отсюда, пока они не начали бомбить замок!

Внезапно галерея, где жили негры, с грохотом раскололась, столб пламени вырвался из-под колоннады, огромные глыбы мрамора швырнуло до самого озера.

— Полюбуйся! Погибло на пятьдесят тысяч долларов рабов! — прокричала Кисмин. — По доведенным ценам! Где у американцев уважение к чужой собственности!

Джон снова попытался увести ее. С каждой минутой прицел аэропланов делался все точнее, и уже только две пушки продолжали отвечать. Было ясно, что гарнизон, окруженный огнем, долго не продержится.

— Идем! — закричал Джон, потянув Кисмин за руку. — Пора бежать. Ты понимаешь, что, если авиаторы найдут нас, они тебя убьют без всяких разговоров?

Она, наконец, уступила.

— Надо разбудить Жасмин! — сказала она, когда они бежали к лифту. И добавила с ребяческим восторгом: — Мы будем бедными, правда? Как люди из книг. Я буду сиротой и совершенно свободна! Свободна и бедна! Вот весело-то! — Она остановилась и от избытка чувств протянула ему губы для поцелуя.

— Нельзя быть бедной и свободной одновременно, — хмуро сказал Джон. — Это людям давно известно. Я бы лично предпочел свободу. На всякий случай советую тебе пересыпать драгоценности из коробки в карманы.

Спустя десять минут обе девочки встретились с Джоном в темном коридоре. Вместе они спустились на первый этаж. Пройдя в последний раз через величественный вестибюль, они на минуту остановились на террасе поглядеть на горящие негритянские галереи и пылающие остовы двух аэропланов, упавших по ту сторону озера. Одинокая пушка все еще стойко вела огонь; нападающие, казалось, побаивались спуститься ниже и окружали ее разрывами бомб, выжидая, когда случайное прямое попадание уничтожит артиллеристов.

Джон и сестры спустились по мраморной лестнице, взяли круто влево и начали подниматься по узкой тропинке, которая, как змея, вилась вокруг алмазной горы. Кисмин знала густо поросшее лесом местечко, где можно было спрятаться и понаблюдать, что творится в обезумевшей ночной долине, а потом бежать, когда понадобится, по тайной тропе, проложенной в скале вдоль водостока.

X

Было три часа ночи, когда они, наконец, достигли этого места. Послушная, флегматичная Жасмин тут же уснула, приклонившись к стволу большого дерева, а Джон с Кисмин, обнявшись, следили за отчаянными приливами и отливами затухающего боя среди руин, которые еще утром были парком. Около четырех утра последняя пушка с резким лягом выбыла из строя, выпустив язык красного дыма. Хотя луна уже зашла, они разглядели, что аэропланы, кружа, снижаются. Убедившись, что осажденные бес-

силны, они, конечно, приземлятся, и жестокому и пышному владычеству Вашингтонов придет конец.

С прекращением стрельбы в долине наступила тишина. Тлеющие обломки сбитых аэропланов светились в траве, словно глаза притаившихся чудовищ. Замок стоял темный и затихший, столь же прекрасный в темноте, каким был при свете солнца; вверх сухое грохотанье Немезиды, то нарастая, то удаляясь, наполняло воздух недовольным ворчанием. И тут Джон заметил, что Кисмин по примеру сестры крепко спит.

Время приближалось к пяти, когда он вдруг расслышал шаги на тропинке, по которой они сами недавно поднимались, и затаив дыхание стал ждать, когда неизвестные минуют его наблюдательный пункт. В воздухе чувствовалось еле заметное движение, происходившее не по воле человека; роса стала холодной — Джон понял, что скоро наступит рассвет. Он подождал, пока шаги удалились на безопасное расстояние и затихли. Тогда он двинулся следом. На полпути к крутой вершине деревьев пропали, и дальше алмазную гору покрывала каменная кора. Не доходя камней, Джон замедлил шаг; инстинкт, как зверю, сказал ему, что впереди что-то живое. Дойдя до большого валуна, он осторожно высунул голову. Любопытство его было вознаграждено.

Впереди на фоне серого неба неподвижно, как изваяние, стоял Брэддок Вашингтон. Когда на востоке забрезжила заря, окрасив все вокруг холодным зеленым цветом, одинокая фигура стала бледнеть и едва виднелась в свете встающего дня.

Несколько минут Брэддок Вашингтон продолжал стоять неподвижно, погруженный в какие-то таинственные размышления, затем подал знак, и негры присели, чтобы поднять лежавшую между ними ношу. В то время как они с трудом выпрямлялись, первый желтый луч солнца ударил в бесчисленные грани громадного, идеально отшлифованного алмаза, отчего вокруг него зажглось белое сияние, пылавшее, словно утренняя звезда. Носильщики зашатались было под тяжестью камня, затем их вздувшиеся мускулы напряглись, затвердели под мокро блестящей кожей, и трое людей опять застыли на месте, бросая бессильный вызов небесам.

Немного погодя Брэддок Вашингтон поднял голову и медлен-

но протянул руки, как бы призывая к вниманию толпу — но не было толпы, было лишь необъятное безмолвие горы и неба, нарушаемое едва доносившимися снизу, из леса, птичьими голосами. Человек заговорил, запинаясь, но с неугасимой гордостью.

— Ты, там, наверху!.. — напряженным голосом прокричал он. — Ты... там...

Затем умолк, не опуская рук, подняв внимательное лицо, словно ожидая ответа. Джон смотрел во все глаза, не спускается ли кто-нибудь с вершины, но гора была безлюдна. Вокруг было только небо, да насмешливо свистел ветер в верхушках деревьев. Неужели Вашингтон молится? Сначала Джон так и подумал. Но затем впечатление это рассеялось — было в позе и поведении этого человека что-то противоречащее молитве.

— Эй, ты, там, наверху!

Голос окреп, сделался уверенным. Это не была мольба несчастного о помощи. Если уж на то пошло, в голосе скорее слышалась чудовищная снисходительность.

— Ты... там...

Слова стали следовать слишком быстро одно за другим, сливаясь в неразборчивую речь... Джон слушал затаив дыхание, улавливая то одну фразу, то другую, а голос прерывался, звучал снова, опять умолкал — то властный, убедительный, то медленный, нетерпеливо-недоумевающий. И

вдруг догадка стала зреть у Джона; и когда она превратилась в уверенность, он ощутил бешеный толчок крови, жар во всем теле. Брэддок Вашингтон предлагал взятку... богу!

Да, именно так — сомнений не оставалось. Алмаз в руках рабов был как бы авансом, обещанием дать еще.

Смысл фраз в целом, как разобрал через некоторое время Джон, сводился именно к этому. Прометей Разбогатевший ссылался на забытые жертвоприношения, забытые ритуалы, на молитвы, отошедшие в прошлое еще до рождения Христа. Сперва он напоминал богу о тех или иных дарах, которые тот соблюдал или принять от людей: великие храмы, мирра и золото, человеческие жизни и прекрасные женщины, побежденные армии, дети и королевы, лесные и полевые звери, овцы и козы, урожаи и города, покоренные земли, — все, что приносилось в дар среди похоти и крови, дабы умиловить его и получить себе в награду смяг-

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

чение божественного гнева. А ныне он, Брэддок Вашингтон, император страны алмазов, король и жрец Золотого века, владетель роскоши и великолепия, предложит ему сокровище, о каком не мечтал ни один государь, предложит не в унижении, а в гордости. Он даст богу, продолжал он, переходя к подробностям сделки, величайший алмаз в мире. В этом алмазе будет граней в тысячи раз больше, чем листьев у дерева, но в то же время форма его будет не менее совершенна, чем у алмаза величиной с муху. Множество людей будет трудиться над ним много лет. Он будет помещен под грандиозный купол из ковального золота, украшенный дивной резьбой, снабженный воротами из опала и неотшлифованного сапфира. Внутри алмаза будет выдолблена часовня с алтарем из радия, вечно изменчивого, испускающего лучи, которые ослепят того, кто оторвется от молитвы. И на этом алтаре будет для развлечения Божественного Благоде-

теля умерщвлена любая жертва, какую только он изберет, даже если его выбор падет на самого могущественного и великого из живущих.

Взамен он просит очень немного, и богу это сделать до нелепости просто: чтобы все стало, как было вчера, в этот же час, и чтобы так и оставалось всегда. Так просто! Пусть, скажем, разверзнутся небеса и поглотят этих людей с их аэропланами, а потом опять сомкнутся. Пусть вернуться к нему его рабы, живые и невредимые.

До сих пор ему еще никогда ни с кем не приходилось вести переговоры, ни с кем вступать в сделку. Он только сомневается, достаточно ли большую предложил взятку. У бога, конечно, своя цена. Бог создан по образу и подобию человека, так принято считать, — значит, у него есть своя цена, и он, Брэддок, платит неслыханную. Ни один собор, на строительство которого ушли многие годы, ни одна пирамида, воз-

водившаяся десятью тысячами рабов, не сравнится с этим собором, с этой пирамидой.

Брэддок Вашингтон умолк. Он свое сказал. Все обещанное будет исполнено в точности, и нет ничего вульгарного в его утверждении, что для такой малости цена более чем достаточная. Дело Провидения — согласиться или отказать.

По мере того как речь подходила к концу, фразы становились отрывистыми, короткими и нерешительными, тело говорившего напряглось; казалось, он изо всех сил старается уловить малейшее движение, малейший отклик в пространствах над ним. По мере того как он говорил, волосы его седали, и теперь он обратил лицо к небу, точно пророк былых времен, великолепный в своем безумии.

Джону, у которого кружилась голова, который смотрел как зачарованный, почудилось, что вокруг творится что-то странное! Небо на миг словно почернело, в

порыве ветра словно послышался ропот, отзвук далеких труб, вздох, подобный шороху грандиозных шелковых одежд, на какой-то миг вся природа отдала дань наступившей тьме: птичий щебет пре-

кратился, деревья замерли, и вдали за горой раздалось глухое угрожающее громыханье.

И все. Ветер перестал гнуть высокую траву долины. Заря и наступивший день заняли свои ме-

ста, а поднимавшееся солнце катило перед собой жаркие волны желтого тумана, высвечивая яркую дорожку. Листья смеялись на солнце, от их смеха тряслись деревья, и каждая зеленая ветка походила на школу для девочек в сказочной стране. Бог отказался принять взятку.

Еще минуту Джон взирал на торжество дня. Затем, обернувшись, он заметил какое-то мелькание у озера, затем еще мелькание и еще, будто танец золотистых ангелов, спустившихся с облаков. Аэропланы сели на землю.

Джон соскользнул с валуна и бросился вниз по склону к группе деревьев, где ждали его проснувшиеся девочки. Кисмин вскопчила, камешки у нее в кармане звякнули, с полураскрытых губ готов был вот-вот сорваться вопрос, но Джон чувствовал, что разговаривать уже некогда. Необходимо покинуть гору, не теряя ни минуты. Он взял девочек за руки, и они стали молча пробираться между стволами, омытыми светом и подымающимся туманом. Позади них, из долины, раздавались жалобные крики павлинов и негромкие утренние голоса просыпающейся природы.

Пройдя с полмили, они обошли стороной парк и ступили на узкую тропу, которая вела на следующий перевал. На вершине холма они остановились и оглянулись. Глаза их обратились на склон, который они только что покинули: их томило мрачное предчувствие надвигающейся катастрофы.

Четко вырисовываясь на фоне неба, сложенный седовласый человек медленно спускался с крутой горы, а за ним два гиганта, два бесстрастных негра несли ношу, которая по-прежнему сверкала и вспыхивала на солнце. На полдороге к ним присоединились еще двое — миссис Вашингтон, опиравшаяся на руку сына. Авиаторы уже вылезли из кабин на луг перед замком и теперь с винтовками в руках поднимались цепью по алмазной горе.

Неожиданно пятеро наверху, к которым было приковано внимание всех наблюдателей, остановились на уступе скалы, негры наклонились и открыли какую-то дверцу — видимо, потайной ход в склоне горы. Туда они спустились все — седовласый человек первым, за ним жена и сын, последними два негра, в чьих прищелках еще успели сверкнуть на солнце драгоценные камни, перед

тем как дверь закрылась и гора поглотила их всех.

Кисмин стиснула Джону руку.

— Что это? — отчаянно закричала она. — Куда они идут? Что они хотят сделать?

— Наверное, там есть подземный ход...

Джон не окончил фразы, как обе девочки вскрикнули.

— Как ты не понимаешь? — Кисмин истерически всхлинула. — Гора заминирована!

Она не успела проговорить это, как в ту же секунду Джон поднял руки, защищая глаза. Вся поверхность горы полыхнула слепящим желтым огнем, который пронизал дерн, точно свет лампы — подставленную ладонь. Этот невыносимый блеск длился с минуту, а потом вдруг исчез, точно в лампе перегорел волосок, и на месте горы теперь лежала черная пустыня, от которой медленно поднимался синий дым, унося с собой то, что осталось от растений и человеческой плоти. От авиаторов не сохранилось ничего — они были истреблены дотла, как и пятеро, скрывшиеся в горе.

Тут же последовало невероятное сотрясение, замок буквально взлетел на воздух, пылающие обломки обрушились вниз, и дымящаяся гряда наполовину сползла в озеро. Пламени не было, дым унесло вдале, и он смешался с солнечным сиянием; еще несколько минут мраморная пыль подымалась от огромной бесформенной массы, которая прежде была волшебным дворцом, затем наступила полная тишина.

В долине остались трое...

XI

На зекате Джон со своими спутницами добрались до высокого утеса, обозначавшего границу владений Вашингтонов, и оглянулись назад: в сумерках долина лежала мирная и прелестная. Они уселись, чтобы съесть ужин, который захватила с собой в корзинке Жасмин.

— Вот! — Она расстелила на камнях скатерть и сложила сандвичи аккуратной стопкой. — Правда, они замечательно выглядят? Я всегда считала, что на воздухе пища делается гораздо вкуснее.

— Этим высказыванием, — заметила Кисмин, — Жасмин общается к буржуазии.

— А теперь, — с нетерпением сказал Джон, — выверни карман, и давайте посмотрим, какие драгоценности ты взяла с собой. Если ты отобрала правильно, мы все

трое проживем до конца наших дней безбедно.

Кисмин послушно сунула руку в карман и выбросила на скатерть две пригоршни сверкающих камешков.

— Недурно! — восторженно воскликнул Джон. — Они не очень велики, но... Стой! — Лицо его вытянулось, едва он поднес один из камней к глазам и посмотрел сквозь него на заходящее солнце. — Да это же не алмазы! Что произошло?

— Вот тебе раз! — с удивленным видом воскликнула Кисмин. — Какая я глупая!

— Да ведь это стекляшки, стразы! — продолжал Джон.

— Ну да! — Она расхохоталась. — Я выдвинула не тот ящик. Они украшали платье одной девочки, которая приезжала к Жасмин. Я уговорила ее отдать их мне в обмен на настоящие алмазы. Я до сих пор никогда не видела ничего, кроме драгоценных камней.

— И только их ты и захватила?

— Боюсь, что да. — Она задумчиво потрогала стразы. — Пожалуй, они мне нравятся больше. Мне уже как-то надоели алмазы.

— Отлично, — мрачно сказал Джон. — Придется поселиться в Гадесе. И ты до старости станешь рассказывать женщинам, которые не будут тебе верить, что ты ошиблась ящиком.

— А что плохого в Гадесе?

— Если я, в моем возрасте, явлюсь домой с женой, отец скорее всего оставит меня без единого цента — оставит с носом, как у нас там выражаются.

Жасмин подала голос.

— Я люблю стирать, — спокойно сказала она. — Я всегда сама стирала себе носовые платки. Я буду брать стирать белье и содержать вас обоих.

— А в Гадесе есть прачки? — наивно спросила Кисмин.

— Еще бы, — ответил Джон. — Как и повсюду.

— Я подумала... может быть, в Гадесе так жарко, что там ходят неодетыми...

Джон засмеялся.

— Попробуй пройдишь в таком виде! — предложил он. — Не успеешь показаться, как тебя выгонят из города.

— А папа тоже будет там? — спросила она.

Джон с удивлением на нее посмотрел.

— Твой отец мертв, — ответил он хмуро. — Что ему делать в Гадесе? Ты спутала его с другим местом, которое давным-давно не существует.

После ужина они сложили скатерть и расстелили одеяла, готовясь спать.

— Все как сон, — вздохнула Кисмин, глядя вверх на звезды. — Как странно находиться здесь в одном-единственном платье! Прямо под звездами, — продолжала она. — Я раньше не замечала звезд. Я считала их большущими алмазами, которые кому-то принадлежат. А теперь они меня пугают. Мне сейчас кажется, будто все прежнее было сном — вся моя юность.

— Это и был сон, — спокойно сказал Джон. — Юность всегда сон, особая форма безумия.

— В таком случае, быть безумной очень приятно!

— Говорят, — мрачно ответил Джон. — Но теперь я в этом не уверен. Во всяком случае, давай попробуем любить друг друга, хотя бы недолго, год или два. Любовь — это форма божественного опьянения, она доступна всем. В мире реальны только алмазы... алмазы да еще, быть может, ничтожный дар разочарования. Что ж, этим даром я владею и, как водится, им не воспользуюсь. — Он вздрогнул. — Подними воротник, девочка, ночь сыра, ты простудишься. Великий грех совершил тот, кто изобрел сознание. Давайте же потеряем его на несколько часов.

И, закутавшись в одеяло, он заснул.

Конец

Перевела с английского
Н. РАХМАНОВА

Аогорает закатный жар. Солнце теряет блеск, и волны моря темнеют, прощаясь с бликами. Лишь вдалеке еще раскачивается, угасая, последний зыбкий свет. И море стихает.

Вечер выступает из потемневших волн и вползает в город тенями. Прохладные, они приникают к тротуарам, и вечер тихо разносит их во все уголки. Кончился день. Жаль!

Мустафа еще долго стоит в лаборатории и смотрит, как стекло колб и реторт бережно сохраняет в себе бегущие искорки света. Тени делают царство стекла еще таинственней, призрачней. И тогда на душе становится странно: будто царство это ненастоящее, выдуманное от начала и до конца; а где-то есть другое, настоящее... Но свет зажигать не стоит. Надо уходить. Все будет завтра.

Реактор готов. В темноте лаборатории возвышается тонкая метровая стеклянная трубка. Ее защищают еще один сосуд и металлическая сетка. Вот только кого защищают: трубку или Мустафу? Завтра все надо будет видеть своими глазами — и мало того! — записать: зафиксировать точно, скрупулезно. От первого опыта зависит многое: итог долгого хода мысли, предшествующего ему, и — главное — практика будущего. И первый шаг к будущему надо видеть, наблюдать — пройти самому.

Здесь надо, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

Будь Мустафа сейчас не один, а с кем-нибудь из друзей, он улыбнулся бы, чтобы улыбкой защитить свой внезапный пафос. Но он один и не улыбается.

Хорошо бы, конечно, опыт провести одному — мало ли что может случиться... Но одному не справиться. Их будет трое.

Ночью ему снится хлопок. Хлопок далекого сорок первого года. Белый, как взбитые облака июня. Мустафа идет сквозь заросли кустов, собирая в мешок коробочки, и все время должен возвращаться назад; он смертельно устал, ноют руки, плечи, спина; он много пропускает белых комочков. Значит, устал.

Потом на поле его сна приходят старшие братья, но не помогают ему. Потому что тут же, как всегда в его снах о братьях, раздается взрыв, и братья не успевают ничего сделать. Это потому, что они все погибли на войне. И взрыв всегда белый-белый, как хлопок сорок первого года.

...Утро тоже встает из моря. Воде легче погаснуть и зажечься вновь. Теперь из волн выходит солнце и отправляется в город — зажигать блики в химическом царстве Мустафы.

Вообще-то ему «везет» со взрывами. Не один летчик-испытатель с благодарностью вспоминал хими-

ков, когда удавалось избежать взрыва — загасить едва начавшийся пожар. И всего-то несколькими каплями волшебной жидкости. В ее изготовление свой вклад внесла лаборатория Мустафы.

А те, кто имеет дело с топливом (конечно, не с дровами!), добавляют в него продукт, предотвращающий детонацию. Изготовить его помогла лаборатория Мустафы. Сделан он из газа, который раньше просто уходил в воздух, ему не было применения.

Мустафа ненавидит взрывы. Белые, как хлопок сорок первого года. Но этот... Впрочем, и этот тоже.

Еще сто с лишним лет назад французский химик Дюма, открыв четыреххлористый углерод, между прочим, отметил: соединение четырех объемов хлора с одним объемом метана происходит со взрывом.

Минули годы. И это соединение стало нужно людям. Но не в граммах, как во времена Дюма, а в гораздо больших количествах. Оно требуется при очистке тканей, в установках холодильной промышленности. Благодаря ему может быть получен чудесный материал — энант.

Уходят в океаны траулеры. Если их сети будут сделаны из энанта, они будут почти невидимыми. Ведь на веревке толщиной в два сантиметра, свитой из энанта, свободно может висеть груженный товарный вагон. И соединение должно быть как можно дешевле, а дешевый способ один: четыре объема хлора с одним объемом метана.

Но может быть просто взрыв неизвестной силы. — Всем покинуть лабораторию!..

Три человека медленно сходятся к реактору. Опыт! Из шлангов в реактор струятся метан и хлор — газы, «ненавидящие» друг друга до взрыва. Первые струи невидимо коснулись. И тогда над дном, поднимаясь все выше и выше, закипели, как пылинки в ветре, мельчайшие частицы активированного угля. Это катализатор. На него-то и вся надежда.

В реакторе уже буря. Уголь мечется, зажатым стеклом стенок, и ни на секунду не опадает.

Никто из троих не делает ни шага назад. И даже, если нужно отойти, чтобы что-то взять, уходят неохотно. Так и идут с прикованным к буре взглядом. Реактор словно притягивает к себе. И день бушует на улицах, не боясь погаснуть.

Вихрь за стеклянной стенкой становится смерчем. И может ли защитить эта металлическая сетка?!

Смерч невидимо давит на стенки. И если это случится, то случится сейчас. Есть!..

Перекрыть краны!

Трое пристально смотрят друг на друга.

Взрыва не будет.

Так окончился один из опытов молодого ученого, ныне доктора наук, Мустафы Гусейнова. В 1959 году эта работа исследователей была отмечена медалью ВДНХ. Ее обсуждали международные симпозиумы химиков в Париже и Будапеште.

Вслед за этим шагом азербайджанских ученых последовали другие. За последние годы в лаборатории уже получен целый ряд хлоруглеродов, в которых нуждается большая химия. Ныне в реакторах на столах лабораторий «варятся» новые вещества. Исследователи продолжают работу.

Ю. СТЕПАНОВ

**Из летописи
ОКТАБРЯ**

...В два часа ночи нагрянула тогда облава. В дверь квартиры грохочут — мы к чердаку. А дверь на чердак закрыта. Фашисты уже в комнате. Тогда я одного из них хлопнул, остальные смешались, растерялись. Вышибли мы дверь и ушли все вместе на крышу. Метров двести ползли по обледенелому железу, руками за гребень крыши хватались. Встать и побегать невозможно — сразу бы подстрелили. А потом залегли на чердаке дома, в котором жили одни немецкие офицеры. К бою приготовились: кусок стены даже разобрали, чтобы фашистов, если они пожарные лестницы подвезут, кирпичами сверху бить. Мы с Мишей в карманы по последнему патрону специально отложили, а Панчику — у него оружия не было — выдали гранату... Но ничего. Переждали, пока немцы посты не сняли, и ушли.

Мы спрашиваем Степана Петровича, как проходили бои за освобождение Львова.

— Львов наши освободили быстро, — рассказывает он. — Как только начался бой за город, мы сразу — к нашим. Темно, стреляют кругом, фашисты бегут по улицам — все-таки прорвались мы к своим. Пришли грязные, оборванные.

— Кто такие? — спрашивают.

Ну, а когда разобрались, очень благодарили за информацию.

Мы вооружились автоматами, присоединились к группе бойцов и воевали вместе с ними до самого последнего выстрела в городе. Кабели электрические перерубили, что вели к заминированным зданиям. Успели предотвратить взрыв здания, в котором располагалось гестапо, здание гостиницы и ресторана «Жорж», ратуши, многих домов по Академической улице. Ну и, конечно, в уличных боях участвовали. Помню, увидели мы немецкие танки — пять «тигров». Стояли они в небольшом скверике, и танкисты почему-то из машин вышли. Мы подползли к ним и открыли автоматный огонь. Только в одну машину водитель успел вскопчить. Развернул он свой «тигр» и... заклинился поперек узкой улоч-

ки, ни туда, ни сюда. Так и взяли мы все пять танков, ни одного выстрела фашисты не сделали.

Мы просим рассказать Пастухова, как сложилась его жизнь после войны, почему вышло так, что он потерял связь с товарищами по отряду. Негромким голосом, почти не выдавая волнения, начал Степан Петрович свой рассказ, тяжелый рассказ человека, которому много довелось пережить... Мы слушали и в душе поражались его мужеству.

— После освобождения Львова мы приехали с Мишей в Москву, отчитались где положено, отдохнули с месяц, получили деньги, советские документы и разъехались по домам. Что расстаемся на двадцать три года, мы, конечно, и предположить не могли.

Я поехал в Луганск, где жил до войны. Что с моей семьей — не знал ничего, и они обо мне не знали, считали пропавшим без вести. Жена во время войны была на Северном Кавказе, в госпитале работала старшей медсестрой. Потом госпиталь перебрался в Кисловодск — фашисты уже были в Пятигорске. Потом и в Кисловодск ворвались. Не могла она раненых бросить, а раненые сплошь тяжелые: без рук, без ног. Всех их фашисты перестреляли. Жене с сынишкой чудом удалось скрыться. Встретила партизан и осталась с ними до самого освобождения Северного Кавказа. Я вот через что только ни прошел, а ни разу ранен не был, только контужен. А она ранена восемь раз...

Когда Украину освободили, поехала она в Луганск. Сына второго, который с моими стариками оставался, нашла, а больше — никого. И отца моего и мать фашисты расстреляли. Вместе с ними и мою сестренку.

Тут и я приехал. И радуюсь, что жену с детьми нашел, и плачу по убитым моим близким. Не мог я больше в Луганске оставаться, нервы не выдерживали.

Уехали на Северный Кавказ. Там я заболел. Сказались тяжелая контузия и все пережитое. Попал в госпиталь. Вышел оттуда не скоро. Полтора года лежал с полной потерей зрения.

Я поправился — жена заболела и уже не выздоровела. Тогда я и уехал в Казахстан. Работал в Северо-Казахстанской геофизической экспедиции, пока не вышел на пенсию. Дети уже большие у меня. Лоринц, тот, что с матерью скитался в войну, закончил техникум, сейчас работает на курорте Теберда. Второй сын, Володя, закончил электротехнический институт, работает в Караганде.

Вот так и получилось, из-за всех этих событий потерял я и Мишу Кобеляцкого и других товарищей. Первые годы после войны обменялся несколькими письмами с Медведевым. А когда Дмитрий Николаевич умер, то последняя ниточка оборвалась...

Ну, а теперь-то мы не растеяемся, коли через столько лет встретились в Москве!

Вспоминали разное, события большие и малые, трагические и... курьезные. Василий Кондратьевич Дзямба, например, рассказал историю, всех сейчас немало рассмешившую, о том, как разведчики нашли выход из «финансового кризиса», а попросту говоря — как они добыли деньги, когда взятые из отряда кончились.

— Я работал тогда помощником бухгалтера в учреждении, где выплачивалось жалованье административно-управленческому аппарату Львова, городской управе, полиции. В кассе регулярно бывали крупные суммы.

Вначале мы хотели деньги просто экспроприровать. Назначили день и час. Но случилось непредвиденное. Когда Степан Пастухов и Миша Кобеляцкий подошли к зданию, они чуть не столкнулись с сотником Прудеусом, начальником полиции, который приехал получить жалованье для своих служащих. Был он, конечно, не один, а с охраной. От налета пришлось отказаться. Тогда разработали другой план.

Мне было известно, что кассиры получают деньги в эмиссионном банке. Хорошо зная технику этой операции и состояние расчетного счета, я решил заполучить в свои руки чек. Печать и чековая книжка хранились у кассира. Чтобы добраться до них, я устроил в

коридоре небольшой пожар. Поднялась паника. Воспользовавшись суматохой, я сделал все, что нужно: вырвал из книжки чек с корешком и приложил печать. Потом пошел к своему школьному товарищу Семену Корпяку, человеку надежному, тот вписал в чек сумму — восемьдесят тысяч złotych (такие примерно суммы получали бригады рабочих) и распущался за руководителя нашего учреждения фон Турянского.

С этим-то чеком Пастухов и Кобеляцкий отправились в банк и спокойно получили восемьдесят тысяч. Можно было изъять и большую сумму, но это наверняка привлекло бы внимание.

Неприятности последовали не сразу. Перед концом полугодия в банке сверяли документы и обнаружили подлог. Начались аресты, по подозрению в соучастии арестовали и меня. Трудно сказать, чем все это могло кончиться, но фон Турянский, когда ему предъявили подложный чек, признал подпись за свою! А тут на мое счастье решил бежать с перепугу под Краков один наш начальник, бухгалтер Гузье. Он сидел на скамеечке, на бульваре, когда к нему подошли агенты крипо — уголовной полиции. Нервы бухгалтера не выдержали, и... он умер от разрыва сердца, тут же на скамейке. При нем был портфель, в котором обнаружили около... четырехсот тысяч złotych и больше двух килограммов золота! Он оказался жуликом, этот Гузье. Как только об этом стало известно во Львове, меня выпустили. Это было буквально за несколько дней до освобождения Львова. Можно считать, что мне крупно повезло, потому что большинство арестованных гитлеровцы расстреляли независимо от того, были они в чем-то виноваты или нет...

— Ну, а теперь ты, Миша, рассказывай, — обращается Дзямба к Кобеляцкому.

Смуценно улыбаясь, Михаил Пантелеевич только пожимает плечами.

— Ну, что я о себе говорить буду? Лучше я о Пастухове расскажу... Помню бомбежку 10 апреля 1944 года. За день до нее наши прилетели, сбросили листовки, предупредили, что будет налет. А у нас фонарика нет. Как сигналить? Ну,

Пастухов пошел и где-то раздобыл фонарь. Когда стемнело — слышим, гудят.

Степан на чердак с фонариком полез, а я внизу оставался. Обоим исчезать никак нельзя было — заметить могли! Степан хитрый, он не стал прямо с чердака самолетам сигналить, а разобрал дымоход и залез в трубу. Теперь его с земли никак не могли увидеть, только с воздуха. Смотрю — идут наши самолеты. Как только сигнал заметили, сразу повесили над нами две осветительные бомбы на парашютиках. Четыре захода сделали на цель. А бомбить было что: войсковые части в нашем районе располагались, типография, склад смазочных материалов. Одна бомба у нас во дворе взорвалась, весь дом ходуном заходил, как только Степан в своей трубе удержался, а я уж думал — конец... Страшно было и в то же время радостно: как-никак первый налет наших на военные фашистские объекты Львова.

Кобеляцкий замолчал. Потом, переждав с минуту, снова заговорил.

— Расскажу об одной встрече, запомнил я ее хорошо... Мы со Степаном в тот день разделились. Он пошел к Стрийскому парку, а я на Краковский базар. Там всегда можно было кое-что интересное узнать. Хожу по базару, толкаюсь. Вдруг смотрю — идет на меня Гаврилов, парень один знакомый, мы с ним в школе вместе учились. «Здорово». — «Здорово». Спрашиваю: «Ты что тут делаешь?» Он говорит, что из плена бежал. Меня, в свою очередь, расспрашивает. Не стал я, конечно, ему ничего рассказывать, так, говорю, работаю здесь.

Потом, когда кончилась война, я поехал в Старобельск, где жили родные, и там узнал, что фашисты расстреляли мою сестру. В городе действовало комсомольское подполье, и этот Гаврилов их выдал, а потом удрал с врагами. Подполье маленькое было — человек пятнадцать, и всех расстреляли. Сейчас им памятник поставлен в Старобельске, и Галочкина фамилия тоже выбита. Только она не Кобеляцкая, а Белошевская, незадолго до войны замуж вышла... Знал бы я во Львове, кого встретил...

И Михаил Пантелеевич снова замолчал. И все примолкли,

словно услышали долетевшее через много лет эхо войны...

В разговор вступает Борис Давидович Крутиков, бывший командир одной из групп медведевского отряда. Шумный, громогласный, он говорит так, словно читает лекции на кафедре.

— О том, что в пятом номере «Вокруг света» опубликован очерк Александра Александровича Лукина, я узнал дней за десять до того, как журнал получил. Откуда узнал? Из писем — верно, журнал многие раньше получили, чем мы во Львове. И такие письма шли, что не знаю, как и отвечать. Одно письмо из Таганрога, от женщины по фамилии Велитченко. Она пишет, что в рассказе «Львовский аккорд» упоминается Андрей Величко погибший, а сына ее иногда Величко называли. Так не мой ли то был сын, спрашивает. И фотографию прикладывает: не он ли?

Я-то знаю, что не он, а какими словами матери ответить? Другое письмо. Из Оренбургской области, из деревни. Пишет Дрозденко. А в очерке упоминается Дроздов. Спрашивает, не ее ли то муж Василий. Двадцать три года они с дочерью ждут, не найдется ли их муж и отец...

Я уверен, что еще будет много писем приходить. Потому что такие раны не зарастают, сколько лет ни проходит. Потому что люди хотят знать о судьбе близких, потерянных на войне. И потому, что люди надеются: вдруг найдутся они? И ведь действительно находят! Зачем далеко ходить — вот они, живые сидят: Степан и Михаил...

— Верно, верно, находят, — поддерживает Бориса Крутикова Александр Александрович Лукин.

В прошлом году в нашем журнале был напечатан рассказ-быль А. Лукина «Пара гнедых». В нем упоминался разведчик Дмитрий Лисейкин, погибший впоследствии. После опубликования рассказа нашлись брат Лисейкина и другие родственники, которые ничего не знали о судьбе разведчика ровно четверть века...

Мы попросили Крутикова рассказать об исключительно опасном и тяжелом рейде его группы по тылам врага.

— Может быть, трижды тяжелее воевать, когда выдаешь

себя не за того, кто ты есть в действительности. Мы шли на задание как отряд бандеровцев. Установили связь с националистами, и они нас, как своих, от села к селу по цепочке передавали, с проводниками.

Однажды приходим в одно село — там бандиты пьянствуют. Их видимо-невидимо, а нас всего 21 человек. Принимают хорошо, меня возле атамана усаживают. А у нас в отряде «сухой закон» был. Спиртного ни-ни. Делаю вид, что пью, а сам только прикладываюсь к стакану... И вдруг... Я потом называл эту минуту «музыкальный момент номер один». Одному нашему бойцу потребовалось спросить что-то у меня. Он подходит и как выпалит: «Товарищ лейтенант, разрешите обратиться!»

Я так и обмер. Хорошо, все пьяные вокруг были, а то бы не выкрутиться.

А потом все же попались. Не знали мы тогда, что среди нас был бандеровский агент по кличке «Корень». Уж когда мы ушли в рейс, Александр Александрович получил кое-какие документы, где этот Корень был сфотографирован в бандеровской форме, с «трезубцем»

на фуражке. Но сообщить нам об этом уже было невозможно. Видно, этот гад улучил-таки момент и дал знать бандеровцам, кто мы на самом деле.

Приходим мы в село Ремизовское 12 января 1944 года, часов в десять вечера. И — хоп! — окружают нас со всех четырех сторон. Луна полная, а мы на снегу как на ладони под пулеметами. Хлопцы говорят: будем драться. А как драться? Выходит унтер-офицер в немецкой форме и говорит: «Предлагаю сдаваться. Если вы националисты, вернем оружие и не тронем. На обдумывание десять минут».

Десять минут время не малое. Мы обо всем успели между собой договориться. Точно в срок снова унтер выходит. Я взял автомат, поднял и говорю: «Я командир, буду первым сдавать оружие. Куда складывать?»

Ну и усыпил их внимание. Подошел ближе и сразу — гранату! И из автомата очередь. И хлопцы гранатами ударили. Прорвались...

Вышли за село, глядим — нет троих: Шевченко, Корня и Величко. А у нас закон был, у медведевцев: убитых на поле не оставлять. Вернулись. Ан-

дрея Величко тело нашли — враги его уже мертвого изуродовали: глаза выкололи, все тело штыками искололи. А Шевченко лежал возле пулемета еще живой. Стали его перевязывать, он прошептал: «Ростов, мама, Невская, 16». И умер.

Корня не нашли, не знали мы тогда, что он перебежал.

Сумели увести бандеровских лошадей, подводы с награбленным имуществом. У меня жена мастерица стряпать, но такого вкусного блюда, что довелось мне испробовать после того боя, я в жизни не едал. Там был мешок с пшеном, мешок с мукой и мешок с конфетами-подушечками. Мы в горсть зачерпывали муки, пшена, конфет — и ели. Голодные были.

Вот так и шли. Почти в каждом селе бой выдерживали. И — прорывались. Дошли все же до Гуты, и Пастухова с Кобеляцким во Львов отправили, ну, а какие дела они там делали, вы уже знаете...

Боевые друзья, собравшиеся в нашей «кают-компании», расстаются. Расстаются, чтобы встретиться вновь. Ведь дружба, рожденная в бою, не умирает.

Записал Т. ГЛАДКОВ

НА МЕРИДИНАХ РОДИНЫ

РЕКА, НЕСУЩАЯ ЗОЛОТО, — ЗАРАФШАН, так назван один из самых молодых узбекских городов.

О городе, поднявшемся среди каменистой пустыни Кызылкум, без бараков и временок — и всего за два года! — можно говорить возник. Возник на колоссальном, открытом геологами месторождении золота — Мурунтау. На площадке Бейсапан уже поднимается горно-обогатительная фабрика...

С возникновением Зарафшана, с его жизнью связан и один из самых дерзких проектов водоснабжения города. Колоссальный трубопровод пересечет пустыню, и вода Аму-Дарьи, пройдя 300 километров сквозь пески, придет в Зарафшан. Причем воде придется на всем протяжении идти вверх. Для этого в семи местах пустынной трассы ее будут встречать и перегонять семь мощных насосных станций. Река, заключенная в трубы, оросит по пути полмиллиона гектаров пустыни. «Сто километров трассы к 50-летию Октября» — девиз ее строителей.

НА БЕРЕГУ ВЬРТСЪЯРВА, одного из живописных эстонских озер, несут вахту защитники и исследователи живой природы. Ученые решают сложную проблему регулирования биологической жизни озера. Вот только небольшая часть вопросов, которые изучаются на озере Вьртсъярв: выращивание кормовых культур для рыб, прогнозирование уловов, исследование донного ила...

Тысячелетиями реки приносили в озера вещества, вымытые из почв. На дне озер образовывались плотные слои ила, богатого микроэлементами и органическими веществами. Его можно вывозить на поля как удобрение, подбавлять в корм скоту. Опыты показали, что ил укрепляет сопротивляемость животных заболеваниям, увеличивает приресты...

По подсчетам эстонского исследователя Хенна Хабермана, озера Эстонии могут дать десятки тысяч тонн ценного ила.

БОЛЬШАЯ ПОБЕДА была завоевана тираспольцами 45 лет назад — в городе была построена электростанция мощностью 130 киловатт. Об этом тираспольцы сообщали в телеграмме Владимиру Ильичу.

Сегодня в Молдавии, там, где воды Днестра, впадая в Черное море, образуют Кучурганский лиман, растет новая ГРЭС. Мощность ее 1 миллион 200 тысяч киловатт. Ток Молдавской ГРЭС пойдет на предприятия республики, в ее города и колхозы. Линии электропередачи пересекут знойные поля Одессины, шагнут через дружественные социалистические страны.

Идут к берегам Кучурганского лимана вагоны с оборудованием из Ленинграда, Харькова, Таганрога, Чебоксар, Запорожья.

ГЛАЗА И УШИ СТРАХА

И. ГОРЕЛОВ

Иуть больше пятнадцати лет назад Айзек Азимов опубликовал фантастический рассказ «Мертвое прошлое». Речь шла о следующем. В весьма отдаленном будущем изобретен аппарат, позволяющий видеть и слышать прошлое — и Карфаген, и Рим, и то, что было двести лет назад, и сто. Но ведь прошлое — это и то, что происходило минуту, секунду, долю секунды назад. Короче говоря, можно видеть и слышать практически настоящее: то, что делает сейчас — ну, секунду назад — ваша жена, сосед, конкурент.

— Поздравляю вас, господа, — говорит в конце рассказа один из героев. — Вы вступаете в такую жизнь, ужас которой не можете, к сожалению, и представить...

Но прошло лишь немногим более пятнадцати лет, а фантастическое видение писателя стало действительностью для многих его сограждан. Нам не нужно «чудесного» аппарата Азимова, чтобы посмотреть несколько сцен из жизни одного из них: м-р Джордж Диксон, женат, двое детей, инженер фирмы «Белл инк», застрахован в компании «Траст иншуренс», счет открыт в банке «Дегройт».

Сцена первая, м-р Диксон на службе:

— М-р Диксон, когда мы принимали вас на работу, мы были уверены (и позвольте вам сказать, эта уверенность основывалась не только на рекомендациях) в вашем лояльном отношении к интересам фирмы. Последние события заставляют, к сожалению, сомневаться в этом. Нам точно стало известно, что вы неоднократно принимали у себя дома вашего старого приятеля по университету инженера Стиппайда. Конечно, вы можете возразить, что ничего предосудительного в этом нет. Так, быть может, оно и было бы, если б не одно обстоятельство: инженер Стиппайд предпочитает в вашем обществе разговоры на «рабочие» темы, а точнее — о деятельности вашей лаборатории. Известно также, что м-р Стиппайд ра-

ботает на наших конкурентов. В общем, подводя итоги, я вынужден сообщить вам, что больше к вашим услугам фирма прибегать не считает возможным... Надеюсь, вы понимаете, что не в ваших интересах обращаться в профсоюз или тем более в суд. Благословляйте бога за то, что мы тоже решили от этого воздержаться...

Сцена вторая, м-р Диксон дома:

— Какого черта! Хватит с меня неприятностей на работе. Даже дома нет ни секунды покоя! Сейчас вошел в комнату этого болвана Джерри и застал его за прослушиванием пленки, на которой записан весь наш вчерашний разговор с гостями. И это родной сын, и это в пятнадцать лет! И потом, разве не просил я тебя отключать телефон каждый раз, когда ко мне приходит Стиппайд?..

Сцена третья, в бюро частного детектива:

— Нет, м-р Диксон, тот, как вы выразились, тип, который постоянно ходит за вами, вовсе не собирается угрожать вашей жизни. Это самый обычный частный детектив, которого наняла ваша же супруга. С какой целью? Вероятно, для того, чтобы убедиться в вашей верности... Но, впрочем, это лишь мое предположение; если вы хотите, мы можем установить такое же наблюдение за ним, какое мы установили за вашей женой...

Сцена четвертая, м-р Диксон в ФБР:

— Вы, видно, удивлены нашим вызовом. А ведь все это довольно просто: вы остались без работы, мы эту работу вам можем предоставить. Нас вполне устраивает ваша специальность — при современном уровне техники без специальных знаний не обойтись, вас же, я надеюсь, вполне устроит гонорар. Нет, нет, работа не будет слишком сложной. Ее профиль? Пока, к сожалению, я не могу говорить об этом детально. Сначала вы должны принять решение: да или нет. Могу лишь сказать, что «детекторы лжи» не всегда дают нам ясную картину. Человек, как известно, самая сложная машина, и трудно порой понять, что он задумал. Итак, взвесьте наше предложение...

В специальном боксе монтируется «микроклоп» для прослушивания разговоров конкурента. (Фото сверху.)

Не слишком ли много для одного человека? — резонно может спросить читатель. Что ж, следует признаться, что наш м-р Диксон — фигура собирательная. Да и звать его могли и «Джоном Тэйлором, и Арчибалдом Суинни, и как угодно. Все описанное выше могло случиться как с каждым из них, так и со всеми вместе. Ручательством тому абсолютно реальные факты, в изобилии появляющиеся в западной печати.

Трудно назвать первооснователя доблестного ордена рыцарей замочной скважины. Говорят, что уже сиракузский тиран Дионисий бился над трудным делом усовершенствования техники подслушивания. Ему построили грот такой изумительной конструкции, что любое, даже шепотом сказанное в его глубине слово усиливалось эхом и таким образом доходило до царя, с удобством расположившегося поодаль. Тирану оставалось лишь время от времени запускать в этот грот на «проверку» друзей, в чьей лояльности Дионисий не слишком был уверен.

В наше время на помощь «рыцарям» пришла техника. Пришла, естественно, не сама собой: ее ждали, ее готовили. Крупные промышленные компании, принявшие на свое вооружение шпионаж, не были вовсе первооткрывателями. Тайная и явная слежка за согражданами была и остается неотъемлемой частью работы такого государственного института, как, например, ФБР Соединенных Штатов. Впрочем, о технике мы поговорим позже. Пока же посмотрим, что нынче интересует наследников Дионисия.

Вовсе не обязательно красть весь процесс изготовления нового продукта. Достаточно нескольких деталей. К примеру, в химической промышленности шпионы охотятся не столько за формулами — принципиальная формула продукта может быть очень простой или хорошо известной, — сколько за тайной или тысячью тайн, отвечающих на вопросы, как добиться нужного качества, как добиться конкурентоспособной цены. Американцы называют этот главный секрет «know how» — «знать как».

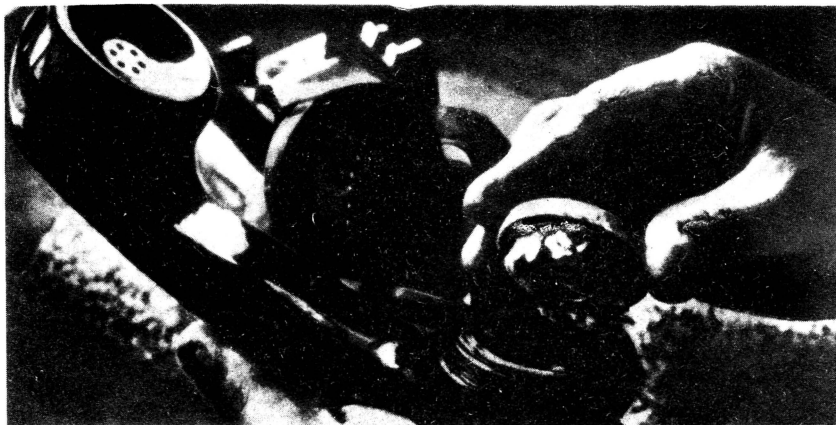
Существуют десятки красителей: одна краска должна защищать пароход от воды, другая — самолет от пожара, третья — оправу очков от запотевания, четвертая должна украшать ногти женщин. Разрешение всех этих проблем может на практике заключаться в добавлении в какой-то момент скольких-то граммов какого-то вещества в уже известный состав. Именно в погоне за этой тайной листают шпионы дневники технологических записей, добытых только им одним известным способом, фотографируют, подслушивают телефонные разговоры. Со своей стороны, хозяева тайны делают все, чтобы сохранить ее. Например, глава одной генуэзской фирмы, широко известной своими красителями для судов, собственноручно добавляет в емкости с уже готовой краской какое-то только ему известное вещество, предварительно удалив с территории всех своих сотрудников. Секрет этого вещества передается от отца к сыну.

Способов, которыми агенты добывают необходимые им сведения, существует бесчисленное множество. Каждый раз они выбирают из своего арсенала тот, что проще и выгоднее...

То, что «игра» идет нешуточная, — факт очевидный. Вот, например, какие убытки от шпионажа несут компании, по сообщениям западной печати.

Уильям Меллин, ветеран легальной корпорации шпионов «Детектив Сервис энд Рекординг Сервис», сказал: «За сорок лет я установил подслушивающие аппараты у 60 тысяч телефонов». А ведь Меллин лишь один из многих сотен «специалистов»...

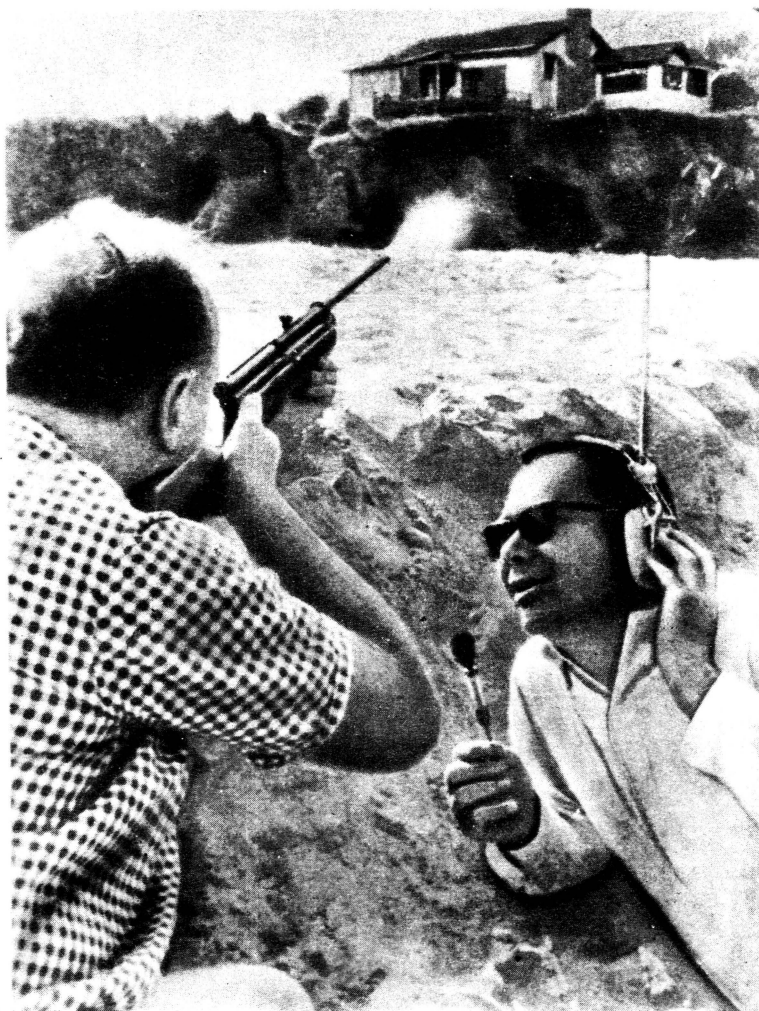

...Несколько лет и двенадцать миллионов долларов потребовалось крупнейшей американской фармацевтической фирме «Ледерли» для изготовления новых антибиотиков. Наконец они были готовы. Остались считанные дни до выпуска этого лекарства в продажу, когда вдруг оно было выброшено на рынок, и по гораздо более дешевой цене, иностранной фирмой. Не составило особого труда узнать, что итальянская фирма заплатила сто тысяч долларов нескольким экспертам из «Ледерли».

...Ежегодно французская ассоциация мод теряет сорок пять миллионов долларов. Технология утечки весьма проста: она «организуется» отлично налаженной шпионской фирмой, пересылающей самые последние парижские новинки заинтересованным лицам. Бывает, к примеру, что моды, которые вечером показывались в Париже узкому кругу лиц «без права делать снимки», утром уже смотрят с последней страницы нью-йоркского журнала «Фэши сервис». Журнал был сверстан заранее и дождался только материалов от «парижских соборов». Естественно, подобного рода деятельность вовсе не тайна для парижских факиров кройки и шитья. Им даже пришлось создать свою фирму контршпионажа. «Антишпионам» удалось схватить за руку некую мадам Кастнер в то время, как она пересылала за океан восемьдесят четыре эскиза новых моделей. В другой раз во время обыска были найдены сорок эскизов, запечатанных в банки из-под консервированных фруктов. Некую мисс Троллоп выдал щелчок фотоаппарата, изящно вмонтированного в ручку зонтика. Потом фотокамеры стали обнаруживать одну за другой: то в элегантной шляпной броши, то под фальшивым сапфиром кольца. Правда, нью-йоркский «Фэши сервис» не перестал после этого выходить. Шеф парижских «антишпионов» Жак Брессон неспроста жалуется: «Есть у меня, к примеру, на примете одна американка. То, что она шпионка, я голлову готов отдать на отсечение. Но ничего не могу с ней поделать — слишком уж высоко она стоит».

...В 1965 году британские компании зарегистрировали следующие потери в секретной войне промышленного шпионажа: новый процесс изготовления стекла, кальки и некоторые элементы электронного оборудования, чертежи новой, более дешевой модели цветного телевизора и электробритвы, кальки фотокопировальной установки и новый принцип

консервирования пищи. Список далеко не полный; в него входят лишь наиболее шумевшие скандалы. Такие, как скандал с новой моделью «роллс-ройса». Новая модель, сменившая очертания «машины королей и дипломатов», просуществовавшей, кстати сказать, без изменений четверть века, должна была, по мысли хозяев фирмы, породить бум на рынке. Однако и здесь вмешались шпионы. Они сфотографировали новую модель во время шоссейных испытаний, ли-

Это ружье заряжается не пулями, а чувствительным микрофоном направленного действия. Вонзившись в раму окна, он способен «сразить» наповал тех людей, что спокойно беседуют сейчас в доме.

шив тем самым ее создателей такого важного в рекламе фактора, как внезапность.

Итальянский журнал «Эпока» заметил, что, «когда шпион попадает с поличным, мало кто решается возбудить дело против нанявшей его фирмы. Все боится ответных акций — у всех ведь рыльце в пушку».

В газетах можно прочесть такие вот деловые объявления: «Продается микропередатчик величиной в половину спичечной коробки. Передает любые разговоры в радиусе двадцати метров через стены любой толщины на расстоянии до ста пятидесяти метров. Цена 250 тысяч лир. Гарантия — два года». Эта реклама дюринской фирмы «Холь-Электрик» появилась в итальянской газете. В серьезной английской «Файненшл Таймс» между рубриками «Редкие монеты» и «Почему бы вам не вступить в клуб «Мерседесбенц»?» фирма «Кингс сервис» поместила 29 сентября свое воззвание: «Спрячьте под скатку городского сада наш передатчик RB-2865, сядьте метрах в пятидесяти от нее, и вы услышите все тайны». Подобные передатчики можно незаметно пристроить и за книгой, стоящей в шкафу, и в подставке настольной лампы, и в телефоне. Есть приборы совсем миниатюрные, их вполне можно уместить в наручных часах, пуговице, куске сахара и даже, говорят, во рту. С помощью таких «клопов», как зовут в Америке аппаратуру для шпионажа, полиция следит за преступниками, преступники — за полицией, бизнесмены — за конкурентами, а спекулянты — за биржевыми новостями, хозяева предприятий — за служащими и руководителями профсоюзов, мужья — за женами и любовницами, квартирохозяева — за квартиросъемщиками...

В Америке «клопы» продаются в самом широком ассортименте: начиная с девяти долларов и выше. Бен Джемел, президент компании «Континентал телефон сапплай» (17 Уэст, 46 стрит, Манхэттен, Нью-Йорк), предлагает вниманию клиентов авторучку в 25 долларов, в колпачок которой вмонтирован передатчик, принимающий на расстоянии в двадцать метров. Его конкурент (тут м-р Джемел, видать, проморгал или поспешил на шпиона) из «Мослер Рисерч Продактс Инкорпорейтед» (г. Денверри, штат Коннектикут) продает, кроме ручек, «радиофицированные» зубные коронки.

Потребителю все сделают с «секретом», поскольку он задался целью добыть чужие секреты. Можно сказать, что бизнес породил новое производство. Да и о чем, собственно, может идти разговор, если теми же «клопами» пользуются ФБР, ЦРУ и, наконец, само правительство США, подслушивающее телефонные разговоры своих подданных? Как говорил по этому поводу бывший министр юстиции США Герберт Джексон: «Я не думаю, что вверенное мне министерство будет преследовать кого-либо за подобную практику. Мы прибегаем к ней сами и считаем ее законной...»

Шпионаж проник во все области жизни западного мира. Даже в те, которые не имеют ни малейшего от-

ношения к экономике. «Бизнес слежки» калечит жизни множеству людей. Одних соблазняет легкими деньгами, других просто, как жертвы, подминает под себя.

Вот рассказ невыдуманный. Герой его — итальянец, инженер завода фирмы Макса Майера.

Когда невозмутимый квадратный карабинер, крикнув, высадил дверь и, зажимая платком нос, ворвался в кухню, было уже слишком поздно. Поздно размахивать полотенцем, поздно оживлять человека искусственным дыханием. Инженер уже успел отравиться газом. Он сидел на стуле, как сидят живые люди, и держал в руках газету. В ней была вся его трагедия: два месяца назад ему и двум коллегам предъявили обвинение в хищении и продаже конкурентам фирмы Макса Майера ряда производственных секретов. Суд должен был состояться в самые ближайшие дни, но инженер предпочел не ждать дня позора и самому поставить точку... Инженер этот, безусловно, исключение. Понятие совести в нынешнем мире Запаदा высоко не котируется.

В той же Италии, в Турине, молодой и способный полицейский агент Луиджи Матти был найден в своей постели с ножом в груди. В таких случаях говорят коротко: «Он слишком много знал». Полиция, правда, высказалась несколько определеннее: «Матти наступал шпионам на пятки, и они решили его убрать. Впрочем, никаких доказательств у нас нет».

В Нью-Йорке официант фешенебельного, посещаемого солидными бизнесменами ресторана был найден застреленным. И тут полиция недолго ломала голову: «Парень знал, на что шел. Подслушивать разговоры таких посетителей — дело опасное».

Естественно, не каждый раз истории такого толка кончаются некрологом. Важно, что каждый раз у истоков этих трагедий стоит шпионаж.

Так что фантастикой в старом рассказе Азимова теперь, как говорится, и не пахнет. Теперь на очереди другое «фантастическое» предположение, сделанное на этот раз журналом сугубо актуальным — «Эпока»:

— Завтра шпионы, оснащенные новейшей техникой, уже не удовлетворятся нашими словами, они станут подслушивать наши самые сокровенные мысли — формулы математика, планы генерала, проект финансиста, решение мэра... Мы станем действительно всемогущи. Настолько всемогущи, что лучше сбежать куда-нибудь в горы, забраться на самую недосыгаемую вершину и начать все сначала, с каменных топоров...

Но вот что не договаривает «Эпока»: «каменные топоры» сами по себе решить ничего не могут; путь от грота Дионисия до «клопа» в телефонной трубке — это не просто путь развития техники. Именно это соображение и заставило профессора права Пармского университета Францоизи сделать свой грустный вывод:

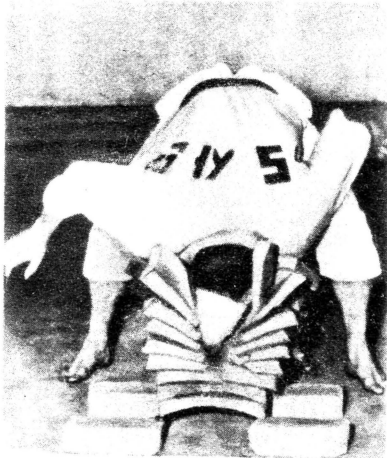
— Шпионаж — это болезнь нашего общества. Свое общество профессор знает неплохо.

Читайте в двенадцатом номере
приключенческий рассказ Дж. УЛЬМАНА
«Премия, которую не получил никто».

СИЛА В ГОЛОВЕ

Сеулец Ли Бок Ен занимается японской борьбой карате. Как спортсмен-профессионал Ли, правда, не провалился, но вот что касается само-рекламы, тут он в грязь лицом не ударил. В присутствии широкой публики Ли разбивает своей собственной головой стонку черепиц. Чем больше черепицы, тем выше рекорд. Ли продолжает «тренироваться»...

САМЫЙ СТАРЫЙ ПУТЕВОЙ ЗНАК

Недалеко от Ливорно (Италия), у крутого дорожного поворота, был найден путевой знак времен древнего Рима. На камне латинская надпись: «Это место является опасным». Очевидно, и в те давние времена дорожные происшествия здесь не редкостью.

КАК ВЗГЛЯНУТЬ...

„Если вы хотите купить домик всего в часе езды от Парижа, обращайтесь в бюро нашей фирмы». Такое объявление дала лондонская фирма, строящая дома вблизи лондонского аэропорта. В самом деле, если сесть на самолет, то через час действительно будешь в Париже.

ПТИЦЫ ЛЕЯТ СКВОЗЬ ГОРУ

Горный туннель, соединяющий Францию с Италией, оказывается, помогает сократить путь не только автомобилистам. Когда настает время лететь из Франции в теплые края, ласточки летят не как раньше, над Альпами, а выбирают короткий путь через туннель. Птицы настолько освоились под землей, что не боятся отдыхать на проходящих автомобилях.

СТАРATEЛИ НА ЧАС

В Калифорнии после знаменитой золотой лихорадки осталось много заброшенных шахт. Деловой человек из Сан-Франциско Джим Хорнер решил пустить их в дело и основал уникальную фирму. Фирма предлагает туристам попытаться счастье в золотоскапательстве, естественно, за плату. Рекламные проспекты сулят золотые горы. Ну, а если вдруг не повезет (до сих пор, правда, так оно и было), старатель получает в качестве утешения целлофановый пакетик с песком, в котором, как утверждают представители фирмы, есть и крупинки золота.

ШКОЛА ДЛЯ ОВЕЦ

Английский овцевод Джим Стоу, поставляющий овец в Испанию и Латинскую Америку, организовал для экспортируемых отар курсы испанского языка. По мнению Стоу, прохождение двухнедельной программы поможет животным быстрее акклиматизироваться на чужбине и понимать приказы испанских и латиноамериканских пастухов.

БЫК НА ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

Поначалу представление оперы Бизе «Кармен» проходило на сцене театра в Каракасе точно так, как оно проходит во всех других театрах мира. Но вот в последнем акте венецуальским меломанам был преподнесен сюрприз. Под звуки арии «Торсадор, смелее в бой...» испанский тореро Курро Хирон действительно смело вступил в бой с быком и достаточно быстро заколол его по всем правилам искусства корриды. Нововведение наделало немало шума и среди изрядно поповновавшихся зрителей и среди перепугавшихся за судьбу оперы музыкальных критиков.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вонруг света“, 1910 — 1911 годы

ПОЖАР, ПОТУШЕННЫЙ ВИНОМ

Недавно вспыхнул пожар в Соноре, старом калифорнийском городе, где дома главным образом еще деревянные. Пламя распространялось с неизмеримой быстротой между старыми постройками. Скоро вода в цистернах кончилась. Казалось, что придется оставить город в добычу пламени, но тут брандмайору пришла мысль опустить пожарный рукав в большой чан, где бродило молодое вино. Мысль оказалась очень удачной: содержащаяся в вине угольная кислота быстро тушила пламя, и через несколько часов пожарные справились с огнем.

ПЕШКОМ ВОКРУГ СВЕТА

Недавно из Астрахани в Царицын пришли пешком члены парижского географического института Андре Мартен и Габриэль Шефле. Они совершают кругосветное путешествие пешком на пари в 200 тысяч франков.

Смелые французы обошли уже Западную Европу, балканские государства, Африку, Сирию, Палестину, Кавказ и Персию. В пути с ними была масса всевозможных приключений.

У французов имеется контрольная книга, удостоверяющая пребывание в различных местах земного шара.

КОГДА ВОДА ВОЙДЕТ В ОРЕХ

Туземец Малайского архипелага узнают время следующим способом: они наполняют водой какой-нибудь сосуд, затем берут пустой кокосовый орех, прокалывают в нем крошечную дырочку и кладут на воду. Вода медленно проникает в орех, и когда он наполнится, то падает на дно.

Тогда один из местных жителей бегаает все селение и громко кричит, который час.

Приспособление это очень похоже на наши песочные часы, которые надо переворачивать каждый раз, как песок весь пересыплется вниз.

Каких только не существует часов для определения времени!

ЧУДОВИЩНЫЙ КРАБ

Из Калькутты пишут, что в Индийском океане пойман недавно огромный краб, подобного которому еще не приходилось видеть. Пой-

РАССЛАБЬТЕ ВАШИ НЕРВЫ

То, что вы видите на снимке, медицинская процедура, носящая довольно курьезное название «психокинетическое разрушение».

Такое лечение прописывают некоторые лондонские врачи богатым пациентам для разрядки нервов. Рецепт выглядит примерно так: «Один «шевроле», одна кувалда, и пошла...»

СОН В XII ВЕКЕ

Одной из достопримечательностей курортного местечка Брайтон в Англии считается древний средневековый замок, построенный еще в XII веке. Сейчас некий Ирвинг Хьюз превратил его в отель, выделяющийся среди других гостиниц своей уникальной коллекцией кроватей. «На самых древних из них спали еще в XII веке, — объясняет Хьюз своим постояльцам. — Когда вы спите на такой кровати, вы как бы переноситесь в другой век».

По пробуждении постоялец получает счет в современных деньгах с наценкой за «проспанные» века.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

РАСЧУВСТВОВАЛИСЬ...

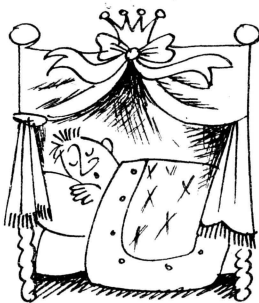
Администрация тюрьмы в Мейдстауне (Англия), заботясь о своих «питомцах», показала им кинофильм. Наибольшее оживление в зале вызвала сцена, в которой показывали, как в банке уничтожают старые банкноты на 800 тысяч фунтов стерлингов.

ВЕДЬМУ ЗАМУЖ ВЫДАЮТ

„Я. Алекс Сандерс, король колдунов и чародеев Англии, Шотландии, Ирландии, законный и единственный наследник друидов, повелитель нечистой силы, беру вас, ведьма Мэксин Моррис, в жены. Отныне вы будете именоваться королевой ведьм и колдунов Англии, Шотландии и прочая и прочая...»

Великий Маг — Поль Кинг взмахнул мечом, придавая церемонии законность. Это не был спектакль в театре, и дело не происходило на базарной площади в средние века. Зевки и рядовые «повелители нечистой силы», собравшиеся на торжественную церемонию, были одеты в блуд-джинсы и мини-юбки.

В небе летали реактивные самолеты. То была Англия, год 1967-й.

АЛЮМИНИЙ В МОДЕ

Американский фильм «Кто вы, Полли Магго?», демонстрировавшийся недавно на парижских экранах, произвел определенную сенсацию в мире французской моды. В фильме предлагаются новые женские туалеты, скроенные из алюминия. Говорят, что фирмы, изготовляющие листовую алюминий, отнеслись к моделям с большим вниманием.

ТОЧНАЯ РАБОТА

На краностроительном заводе в городе Торунь (Польша) завершили строительство нового типа самоходного крана. Это событие решили отпраздновать за обеденным столом. А для того чтобы проверить точность работы крана, стол решили сервировать при помощи виноownika торжества. Кран с работой справился на «отлично».

мали его сетью для ловли морских животных, принадлежащей тамошнему зоологическому обществу.

Панцирь этого невиданного ракообразного, пойманного не дальше мили от берега, на глубине 45 саженей, имеет 62 сантиметра в диаметре, некоторые его ноги длиной около метра. Страшные клешни его обладают невероятной силой, а глаза, напоминающие глаза омаров, придадут ему поистине свирепый вид.

Когда краб был пойман, что удалось не без труда, матросы посадили его в просторный бассейн, наполненный морской водой, в котором уже находилось с полсотни других ракообразных и разных рыб. Через два часа все животные были съедены испанским крабом. Но каково же было изумление зоологов, когда, взглянув вечером на своего пленника, они увидели, что он светится фосфоресцирующим светом необычайной белизны и силы.

НЕ СЧЕСТЬ КОЛЛЕКЦИЙ...

Страсть к коллекционерству — самая распространенная из всех человеческих слабостей. Ею одержимы и

монархи, и миллионеры, и простые смертные.

Одна дама высшего английского общества, молодая красивая графиня, обладает самой лучшей частной коллекцией человеческих черепов.

Бывший президент Теодор Рузвельт обладает ценной коллекцией тростей разных времен и народов. Одна из них составлена из рогов всех животных, встречающихся в штате Техас.

Герцог де Бофор гордится коллекцией хлыстов, принадлежавших победителям на дерби, устранившим чуть ли не в продолжение всего прошлого столетия.

Чарльз Ротшильд обладает великолепной коллекцией паразитов, собран-

ных с животных всего мира, из которых некоторые представляют собой очень редкие экземпляры, как, например, паразиты белой полярной лисы или мускусных быков.

ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

В настоящее время вся Испания говорит об одном молодом испанце, отличающемся действительно необычайной памятью. Это дон Лизардо Сайанс Окампо, священник города Сан-Мартин-де-Бореа.

Дон Лизардо не только решает моментально в уме труднейшие арифметические задачи — уравнения со многими неизвестными, извлечение корней, логарифмы в 300 и более цифр, но может повторить какой угодно перечень имен, полный список выигранных испанской национальной лотереи, самую сложную музыкальную партитуру, прочтя ее всего один раз.

Прочитав книгу, он может повторить ее наизусть. Но замечательнее всего, замечает одна мадридская газета, «что дон Лизардо получил этот дар всего год тому назад, после того как перенес тяжелую болезнь».

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1967

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ —«Это время гудит телеграфной струной...»	2
Быль о крейсере «Аврора»	6
На меридианах Родины	8, 60, 73
Десять звездных лет	16
АБЕЛАРДО КАРДЕНАС — Колокола пробили четыре...	18
Загадки, проекты, открытия	22
Из летописи Октября	23, 27, 46, 61, 70
НИК. АГАЯНЦ — Путешествие в мечту	24
Дни, о которых не забудут	28
В. ГУБАРЕВ — Урановый город	31
А. СВЕТЛИКОВ, Ю. ЛЕКСИН —Исполнена есть земля дивности...	36
А. ХАЗАНОВ — Слушайте: гремят барабаны...	40
О. ИГНАТЬЕВ — Идут партизаны	43
В. КОРОВИКОВ — Диспетчеры на тамтамах	44
В. ИОРДАНСКИЙ — Леопард и консервная банка	45
ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ — Косматые лебеди	47
На берегах реки Дружба	52
Город не уходит на пенсию	53
БЕЛА БАНЯС — Новая справка для энциклопедии	54
АЛЕКСАНДР ЖОЛКВЕР — Три встречи с Зиги Граупнером	54
И. ОСИПОВ — История инженера Бедрны	55
М. ПОРТНОЙ, В. ОРЛОВ — Страна солнечного камня	56
Ф. СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД — Алмаз величиной с отель «Риц»	62
И. ГОРЕЛОВ — Глаза и уши страха	74
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	78

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 11/VIII 1967 г. Подп. к печ. 28/IX 1967 г. А01394. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2.700.000 экз. Заказ 1602. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцеская, 21.

Уважаемые товарищи!

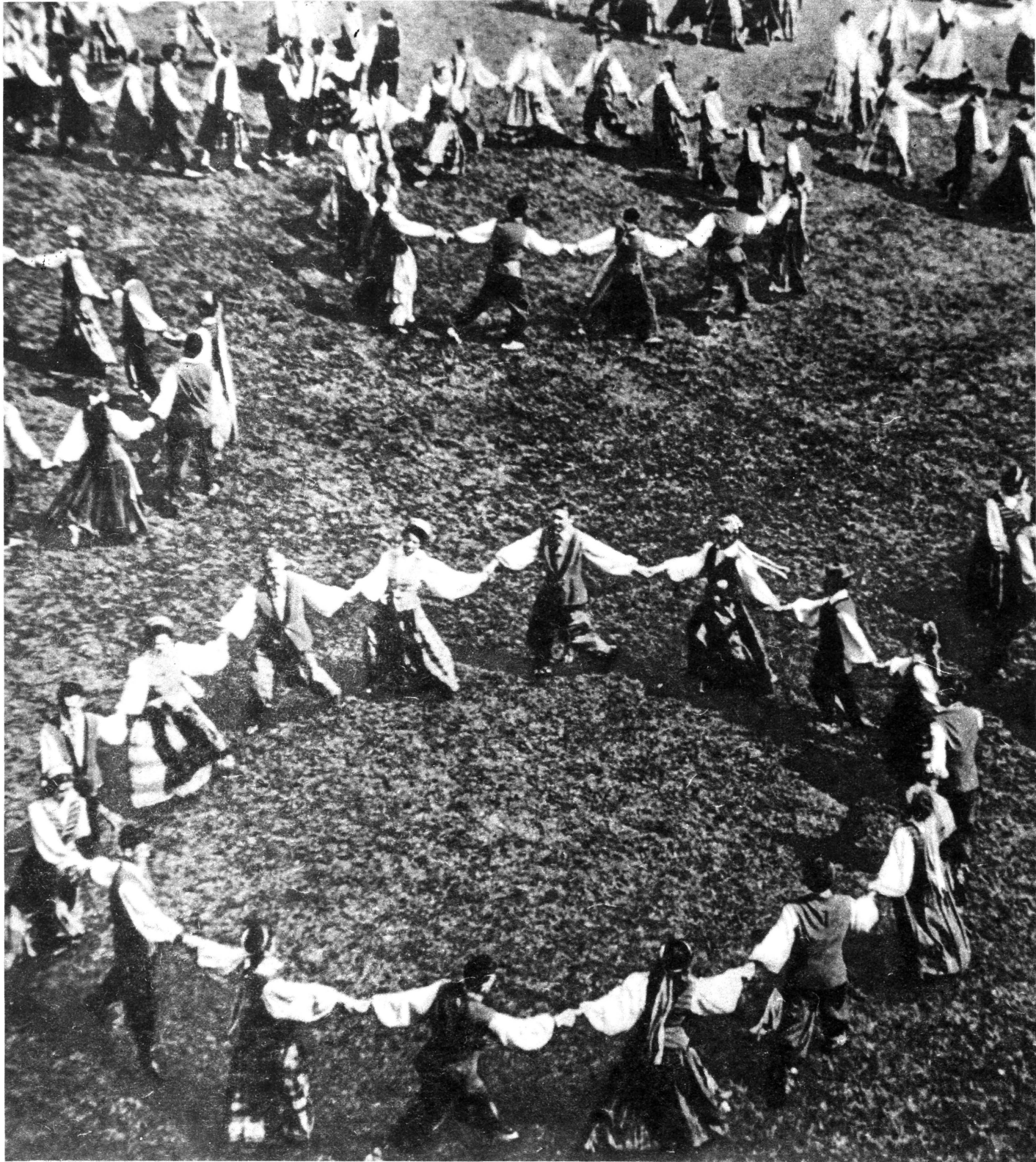
Если вы хотите регулярно читать журнал «Вокруг света» в 1968 году, рекомендуем оформить подписку на него.

Подписка принимается во всех пунктах подписки конторы «Союзпечать», в отделениях связи, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учебных заведениях.

Чуть слышно колыхнулся хор вод на Празднике урожая, и закачались пары, словно рассыпая зерна. Вправо-влево, вправо-влево... Мгновение — и танец стал быстрым, как ветер...

Рождения и помолвки, свадьбы и первую борозду, первый и последний сноп литовцы приветствуют танцем и песней. «Яворовый мост», «Мельница», «Ласточка» — традиционные народные танцы.

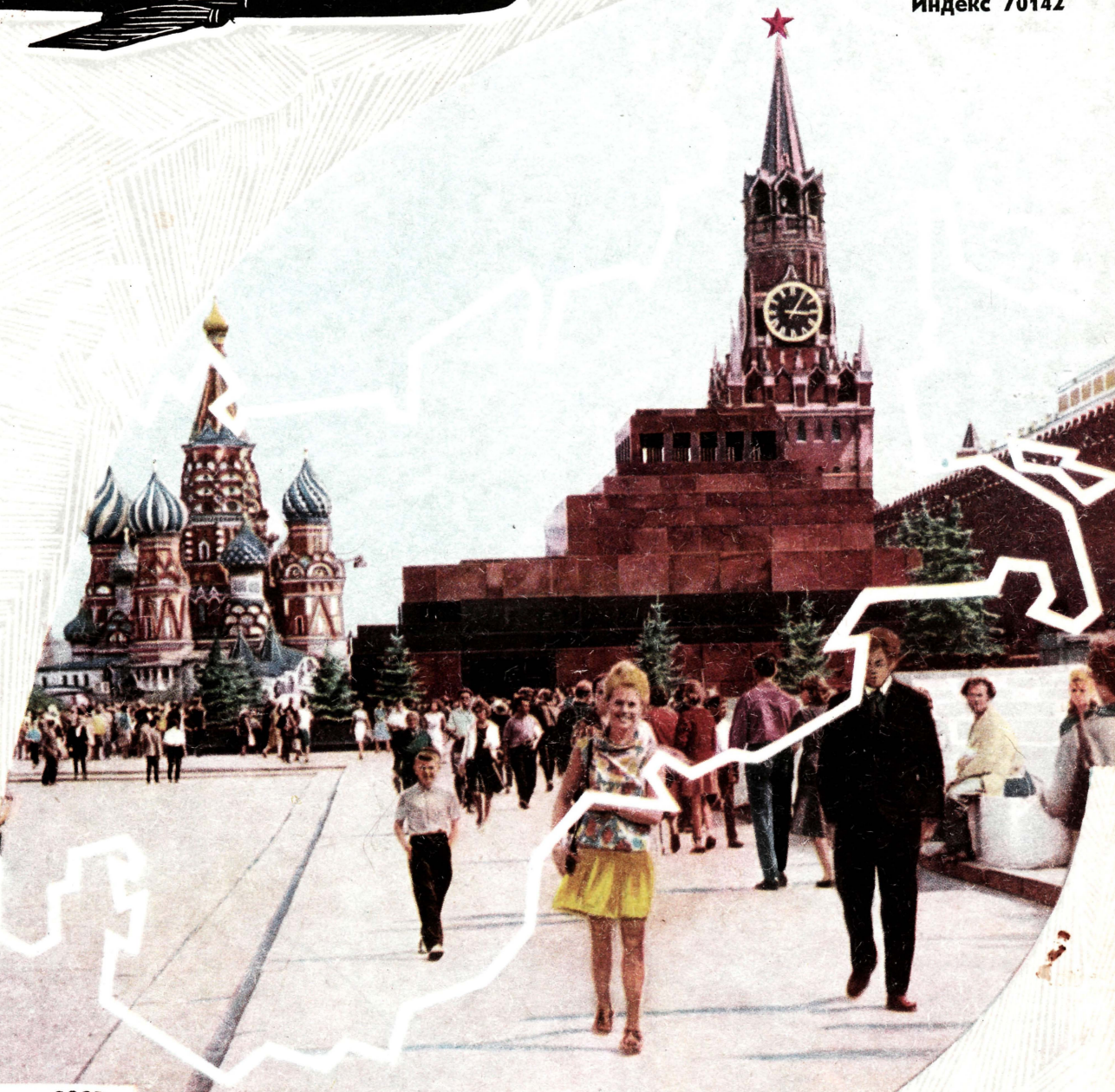
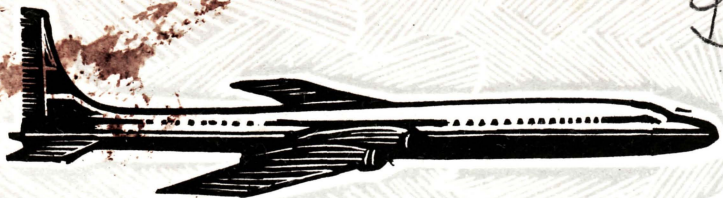
Вкусным будет хлеб в этом году, еще янтарней будет пиво...

Долинцы

Цена 60 коп.

Индекс 70142

СССР

путник

БЮРО

МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО
ТУРИЗМА

Молодые туристы из разных стран мира посетят историко-революционные места столицы нашей Родины — Москвы.

